Полгода изъ Жизни
Воскресной Школы

Х. Алчевской

ПОЛГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ

ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

(Изъ записной тетради учительницы воскресной школы).

Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ.

(Изъ журнала «Русская Школа» за 1895 годъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

Дозволено цензурою 8-го ноября 1895 года. С.-Петербургъ.

ПОЛГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

(Изъ записной тетради учительницы воскресной школы *).

Въ послѣдніе годы, утомленная предыдущими десятками лѣтъ школьной работы и сосредоточивши свои силы на книгѣ «Что читать народу», я не имѣла самостоятельной группы ученицъ, какъ прежде, и не занималась обученіемъ ихъ грамотѣ. Впрочемъ, работы по школѣ и безъ того находилось не мало: утромъ я спѣшила къ молитвѣ, чтобы руководить школьнымъ хоромъ; затѣмъ дѣлала ученицамъ сообщенія по тому или иному поводу; къ 12 часамъ приглашала учительницъ въ общій залъ для совѣщаній относительно вопросовъ, долженствующихъ быть внесенными въ предстоящее собраніе; въ часъ замѣняла священника, когда онъ пропускалъ урокъ; отъ 2 до 3 часовъ выдавала книги и въ 4-мъ часу, мертвая отъ усталости, возвращалась домой и ложилась прямо въ постель. Все это было такъ до распространившагося слуха о томъ, будто всѣ воскресныя школы поступаютъ въ духовное вѣдомство и будто частныя лица лишаются, такимъ образомъ, права на участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. Слухъ этотъ оказался впослѣдствіи невѣрнымъ; скажу болѣе: оказалось, что духовенство, къ которому перешло завѣдываніе вновь возникающими воскресными школами, встрѣчало частный починъ съ большимъ привѣтомъ и сочувствіемъ. Но въ то время, когда слухъ этотъ дошелъ до меня, я почувствовала себя въ положеніи матери, у которой вотъ-вотъ отниметъ ея дѣтище какой-то охватившій его недугъ, и она дорожитъ каждымъ моментомъ, проведеннымъ у постели больного. Мнѣ вдругъ показались неполными эти 5 часовъ занятій въ школѣ, доводящіе меня до крайняго утомленія, и я рѣшила, во что-бы то ни стало, окунуться вновь въ общій строй школь-

*) Считаемъ своимъ долгомъ оговориться и сказать, что настоящій дневникъ совершенно не приготовлялся для печати, и намъ стоило большихъ усилій убѣдить автора напечатать его, въ интересахъ школьнаго дѣла. Между тѣмъ, на нашъ взглядъ, подобный дневникъ, рисующій безъ утайки внутреннюю жизнь школы, несравненно интереснѣе отчета съ сухими цыфровыми данными, имѣющими значеніе только для подведенія итоговъ статистики. *Ред.*

ныхъ занятій и взять самостоятельно группу. Заявивши объ этомъ завѣдующей распредѣленіемъ группъ, я очень плохо спала наканунѣ этого торжественнаго для меня воскресенья. Я задавалась вопросомъ, хватитъ-ли у меня силъ съ прежнимъ огнемъ и оживленіемъ вести урокъ; спрашивала себя, кто будутъ эти невѣдомыя мнѣ ученицы; силилась представить себѣ ихъ лица, возрастъ, способности, и проснулась утромъ въ такомъ нервномъ возбужденіи, какъ будто мнѣ предстояло выходить на сцену.

Я пришла въ школу раньше другихъ, раньше даже завѣдующей распредѣленіемъ группъ, и тщетно силилась угадать въ толпѣ незнакомыхъ мнѣ новыхъ лицъ назначенныхъ мнѣ судьбою питомицъ. Но вотъ въ залѣ разложенъ уже большой столъ, который я заготовила для себя, и у стола стоитъ группа дѣвушекъ и подростковъ съ лицами, выражающими какъ-бы недоумѣніе. Я воображала ихъ нѣсколько старше, возрастнѣе и говорю съ нѣкоторымъ разочарованіемъ завѣдующей распредѣленіемъ группъ: «Смотрите, эти двѣ совсѣмъ маленькія! Я не хочу ихъ брать къ себѣ, помѣстите ихъ въ группу малолѣтнихъ!»

— Однако, имъ по 15-му году!—отвѣчаетъ мнѣ она.

Подростки, очевидно, сконфужены и въ лицахъ ихъ выражается просьба. Мысли мои принимаютъ иной оборотъ: «почему непремѣнно особенно дорожить взрослыми?—думаю я. — Эти дольше проживутъ на свѣтѣ, больше сохранятъ наши завѣты и воспоминанія о прежнемъ симпатичномъ типѣ школы». То-же я думаю объ учительницахъ и приглашаю въ товарищи по группѣ совсѣмъ молодую, симпатичную дѣвушку. Изъ нея, на мой взглядъ, долженъ выработаться идеальный типъ учительницы, и для этого прежде всего, пожалуй, необходимо строгое и добросовѣстное отношеніе къ возложеннымъ на себя добровольно обязанностямъ.

— Хотите идти ко мнѣ въ товарищи,—говорю я весело, глядя въ ея молодое, полное жизненныхъ силъ лицо,—съ тѣмъ только условіемъ, чтобы оставаться въ школѣ, какъ и я, 5 часовъ сряду? Мы не будемъ дѣлить группы, не будемъ приходить другъ другу на смѣну, не будемъ выдѣлять въ особую группу отстающихъ, какъ это дѣлаютъ другія, а всѣ 4 часа будемъ заниматься сообща, чтобы, въ случаѣ болѣзни или отсутствія одной, другая знала въ совершенствѣ, что и какъ дѣлать ей съ ученицами.

Дѣвушка улыбается мнѣ навстрѣчу привѣтливой улыбкой и изъявляетъ полное согласіе. И вотъ мы въ залѣ сидимъ въ двухъ противоположныхъ концахъ длиннаго стола, а по бокамъ его разсажены 10 ученицъ. Несмотря на то, что у меня заготовлены уже и доски, и грифеля, и подвижная азбука, я не могу начать съ нихъ и чув-

ствую непреодолимое желаніе прежде всего ознакомиться съ разнообразнымъ составомъ моей нарождающейся аудиторіи. Я спрашиваю, впрочемъ, на это ея согласіе. «Ну, что-жъ, поговоримъ!» выражаетъ согласіе за себя и за другихъ сидящая у меня направо дѣвушка. Я начинаю разспрашивать ихъ о домашней обстановкѣ,—о томъ, сами-ли онѣ по своей волѣ пошли въ школу, или по совѣту родителей, подругъ? Но тутъ происходитъ маленькое недоразумѣніе. Выходитъ, что всѣхъ почти послали въ школу мамаши. Мнѣ это даже не нравится, хотя я силюсь утѣшить себя мыслью о сочувствіи родителей. Какъ вдругъ выясняется, что слова мои «по своей волѣ» были приняты въ смыслѣ протеста противъ воли родительской, въ сущности-же каждая желала учиться самостоятельно, сказывала объ этомъ родителямъ, и тѣ не ставили ей препятствій, а матери даже совѣтовали. На вопросъ мой, начинали-ли онѣ учить когда-нибудь азбучку и слышали-ли, какъ другихъ учатъ, оказалось, что ни одна изъ ученицъ не знаетъ ни одной буквы и только К. случайно видѣла, какъ учатъ другихъ.

Я разговаривала съ ученицами, а А. Д. Г. записывала свѣдѣнія, получаемыя отъ нихъ. Такимъ образомъ, въ группѣ нашей оказалось 10 ученицъ, возрастомъ отъ 14 до 17' лѣтъ:

№	Имя и фамилія.	Лѣта.	Чѣмъ занимаются родители и ученица.	Аккуратность посѣщенія. Декабрь.				Январь.		
				8	15	22	29	12	19	26
1	Томахова, Ольга.	17	Огородничествомъ и продажей овощей. . . .	1	1	1	1	н.	н.	—
2	Коровенко, Прасковья.	16	Родители торгуютъ скотомъ	1	1	1	1	1	1	—
3	Матвѣева, Анна.	16	Огородничествомъ и продажей овощей.	1	1	н.	1	1	1	—
4	Васильева, Лукерья.	16	Отецъ—разносчикъ пряниковъ и конфектъ; онъ ведетъ дом. хозяйство .	1	1	1	1	н.	1	—
5	Лунева, Дарья.	16	Помогаетъ отцу и матери въ шитьѣ.	1	1	н.	1	н.	1	—
6	Чичкалова, Анна.	15	Родители ведутъ домашнее хозяйство, ...	1	1	1	1	1	1	—
7	Уварова, Авдотья.	15	Родители —земледѣльцы, она—горничная	1	1	1	1	1	1	—
8	Томахова, Марфа.	16	Огородничествомъ и продажей овощей	1	1	1	1	1	1	—
9	Гречкина, Елена.	14	Мать торгуетъ фруктами	1	1	1	1	1	н.	—
10	Коржева, Анна.	14	Родители—земледѣльцы .	1	1	1	1	1	1	—
11	Тѣстенко, Мавра.	28	Жена дворника	—	1	1	1	1	н.	
12	Чудновская, Анастасія.	15	Горничная	—	1	1	н.	н.	1	—
13	Кривошеинова, Марія.	25	Горничная	—	—	1	1	1	1	—

Всѣ вышепоименованныя дѣвушки заявили съ видимымъ удовольствіемъ, что живутъ дома и помогаютъ родителямъ въ ихъ будничныхъ работахъ, и только одна Уварова, Авдотья, замѣтила не безъ оттѣнка грусти: «А я въ людяхъ живу, въ горничныхъ у господъ Р., а родители мои въ Ахтырскомъ уѣздѣ находятся — хлѣборобы».

Что касается степени подготовки, то, какъ уже говорила я раньше, почва оказалась вполнѣ дѣвственной: никто никогда не проходилъ ни одной буквы азбуки ни по какому методу, начиная съ азъ, буки, вѣди и кончая звуковымъ; почти никто не слышалъ, какъ учатся другіе, и только одна, Коржева, Анна, проговорила тихо, что она слыхала, какъ учился братъ, и ей самой захотѣлось тогда учиться.

Воспользовавшись тѣмъ, что А. Д. Г. ушла за учебными пособіями, и не желая безъ нея вести дальнѣйшую бесѣду, я предложила ученицамъ выучить имена учительницъ. Имена, какъ нарочно, оказались довольно трудными, и, потерявъ терпѣніе и завидѣвши А. Д., я сказала, обращаясь къ своей аудиторіи: «Ну, бросимъ это, научимся, какъ ближе познакомимся!» — «Научимся, дастъ Богъ!» поддержала меня та дѣвушка, которая и раньше отвѣчала за всѣхъ. На вопросы, какой у насъ мѣсяцъ и число, ни одна изъ ученицъ не могла дать мнѣ отвѣта, никто изъ нихъ также не слышалъ громкаго чтенія, но молитву «Отче нашъ» всѣ знали отъ матерей и произносили даже довольно правильно. Обстоятельство это показалось мнѣ трогательнымъ, и я предложила имъ начать занятія совмѣстной молитвой. Когда мы встали всѣ и повернулись къ иконѣ, чувство благоговѣнія вдругъ охватило мою душу, и я отчетливо и съ выраженіемъ повторяла вмѣстѣ съ ними знакомую молитву, какъ-бы находя въ ней новый смыслъ и значеніе. Въ то время, какъ мы произносили «но избави насъ отъ лукаваго», въ смежной комнатѣ послышался звонокъ, и такимъ образомъ оконченъ былъ первый часъ безъ элементовъ и буквъ подвижной азбуки. Но я не считала его потеряннымъ и смотрѣла на него, какъ на необходимую прелюдію для группы людей, сходящихся работать въ одномъ и томъ-же дѣлѣ.

Когда ученицы мои собрались на второй часъ, я попросила ихъ снять теплые платки съ головы, освѣдомившись предварительно, причесаны-ли онѣ (я знала по опыту, что это не всегда бываетъ такъ), и объяснила, почему именно я требую этого; объяснила, что прошу ихъ и на будущее время являться въ школу съ чистыми руками и причесанными, какъ въ церковь; показала, какъ слѣдуетъ сидѣть при письмѣ, не наклоняясь близко къ доскѣ, какъ слѣдуетъ держать руку и грифель. Мы прошли въ этотъ часъ 4 элемента: /, ?, l, г. Не запасшись заблаговременно большой доской, я писала эти элементы во всю длину грифельной доски, подымая ее передъ классомъ

и объясняя названіе элемента. Названія эти давались довольно туго моимъ ученицамъ и, чтобы ободрить ихъ, я объяснила, что всѣ эти знаки и названія понадобятся намъ потомъ, когда мы будемъ учиться азбукѣ, и что труды ихъ не пропадутъ напрасно.

На урокѣ нашемъ присутствовали три постороннихъ лица: двѣ молодыхъ учительницы и какой-то совсѣмъ незнакомый мнѣ юноша съ свѣтлыми кудрями, упавшій точно съ потолка (никто не зналъ, кто онъ и кто привелъ его). Мнѣ казалось, что эти постороннія лица могутъ смущать ученицъ; кромѣ того, я вообще терпѣть не могу видѣть людей безъ дѣла, а потому каждому изъ нихъ я дала работу: юноша былъ приставленъ къ младшей изъ ученицъ слѣдить за тѣмъ, чтобы она не сгибала топорикомъ второго пальца; одна изъ барышень слѣдила за ученицей, особенно безобразно выводившей своими грубыми руками элементы на доскѣ, а другая припадала къ ученицѣ съ больнымъ пальцемъ, которой ужасно трудно давалось письмо. Такимъ образомъ, мы прошли еще 4 элемента: */, Э, С, О* и занялись повтореніемъ всѣхъ восьми, причемъ я спросила ученицъ, найдется-ли у нихъ время для домашнихъ работъ, и, получивши утвердительный отвѣтъ, просила А. Д., въ то время, какъ на 4-й часъ я буду заниматься чтеніемъ, за отсутствіемъ священника, написать для ученицъ на отдѣльныхъ листикахъ всѣ тѣ элементы, которые прошли мы, и дать имъ на домъ разбитыя старыя доски, которыя имѣются у насъ въ значительномъ количествѣ.

Когда прозвонилъ звонокъ, я объяснила ученицамъ, для чего именно нуженъ отдыхъ, хотя, быть можетъ, онѣ и не чувствуютъ утомленія, и говорила, что послѣ короткаго отдыха легче и лучше работается.

Во время прихода доктора я разспросила ихъ о состояніи здоровья и отправилась съ тремя изъ нихъ просить его совѣта. У одной изъ ученицъ оказалась золотушная рана за ухомъ, не представляющая, однако, опасности зараженія; у другой—подживающая уже болѣзнь «вόлосъ» на пальцѣ, а у третьей—начало жабы, почему, возвратясь въ классъ, я и посадила ее за отдѣльнымъ столомъ отъ другихъ ученицъ. Для всѣхъ трехъ дѣвушекъ оказалось возможнымъ пріобрѣсти на собственныя средства лѣкарства, прописанныя докторомъ.

Быть можетъ, въ 4-й часъ для моихъ неграмотныхъ ученицъ было-бы полезнѣе разучить еще 4 элемента; но, во-1-хъ, я боялась, какъ-бы онѣ не перепутали ихъ съ непривычки и даже о восьми сочла необходимымъ сказать, чтобы онѣ не боялись идти въ школу, если забудутъ названія этихъ элементовъ, а во-2-хъ, мнѣ ужасно хотѣлось провѣрить лишній разъ, поймутъ-ли и эти неграмотныя дѣвушки громкое и выразительное чтеніе какой-либо несложной

сказки или разсказа. Съ этою цѣлью я остановилась на прекрасной и поэтической сказкѣ князя Одоевскаго «Морозъ», помѣщенной въ «Первой пчелкѣ» (изд. «Правда»), въ которой говорится о двухъ дѣвочкахъ—лѣнивицѣ и прилежницѣ, побывавшихъ въ гостяхъ у дѣдушки Мороза. Имѣя въ основаніи глубокую мысль и подсказывая читателю правильный выводъ, она проникнута вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ юморомъ, который смѣшитъ и ребенка, и взрослаго человѣка и оставляетъ въ душѣ самое отрадное впечатлѣніе.

Кромѣ моихъ новыхъ ученицъ, передо мной сидѣла еще цѣлая аудиторія хорошо грамотныхъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, и такъ какъ я исповѣдую принципъ держать себя просто и откровенно въ подобной аудиторіи, то я и объяснила нашимъ ученицамъ цѣль моего чтенія и просила ихъ извинить меня, если сказка покажется имъ недостаточно интересной. Всѣ дружно согласились, однако, на мое предложеніе, и чтеніе началось.

Я зорко слѣдила собственно только за лицами своихъ ученицъ, и мнѣ легко было слѣдить за ними, такъ какъ я усадила ихъ въ первомъ ряду. Лица эти съ большимъ вниманіемъ и напряженіемъ смотрѣли на меня; но усваиваютъ-ли они читаемое—мнѣ трудно было угадать. Какъ вдругъ дружный взрывъ смѣха нарушилъ тишину нашей аудиторіи; смѣхъ этотъ шелъ именно отъ этихъ моихъ ученицъ, расхохотавшихся надъ поступками лѣнивицы. «А, понимаютъ!» съ удовольствіемъ подумала я, и когда чтеніе окончилось, попросила ихъ пересказать сказку. Пересказъ еще болѣе подтвердилъ мою увѣренность. Остальныя ученицы внимательно слушали разсказчицъ, заявили полное свое сочувствіе талантливой сказкѣ, сказали, что имъ было очень интересно прослушать ее, и вызвались пересказать съ бо̀льшими подробностями. Но тутъ мы услышали звонокъ, и веселая толпа ученицъ другихъ классовъ съ шумомъ ворвалась въ залу.

Очутившись вдвоемъ съ А. Д. Г., я спросила ее вызывающимъ тономъ, довольна-ли она сегодняшнимъ утромъ нашими совмѣстными занятіями? Она отвѣтила утвердительно, но врядъ-ли требовался этотъ отвѣтъ: довольно было взглянуть ей въ глаза, чтобы понять его. Я сказала ей, между прочимъ, что пройдетъ 2—3 урока, и я попрошу ее какъ-нибудь дать вполнѣ самостоятельно урокъ въ нашей группѣ, чтобы посмотрѣть, какъ занимается она, и отнестись критически, а еще въ болѣе далекомъ будущемъ, когда мы, дастъ Богъ, благополучно окончимъ алфавитъ, дать образцовый урокъ въ кружкѣ учительницъ звуковыхъ группъ.

Предположеніе это такъ сконфузило дѣвушку, что я не стала рисовать далѣе этой радужной для меня картины и ушла изъ школы подъ самыми свѣтлыми впечатлѣніями. Только тутъ, возвратясь до-

мой, я почувствовала всѣми своими нервами, какъ много пережила я сегодня за эти 5 часовъ, и, лежа въ постели, не въ силахъ была уже ни о чемъ думать, ни соображать.

Въ будущее воскресенье, если придетъ законоучитель, я думаю предложить моимъ взрослымъ ученицамъ послушать его. Думаю, что это доставитъ имъ нравственное удовлетвореніе, если только онѣ поймутъ его бесѣду, а сама послушаю въ это время преподаваніе въ звуковыхъ группахъ, ознакомлюсь съ веденіемъ ихъ и затѣмъ предложу себя въ докладчики кружковаго собранія. Не знаю только, какимъ образомъ отзовется на мнѣ эта усиленная работа? Вопросъ этотъ возникъ у меня невольно по слѣдующему поводу: вчера, во время пріема ученицъ, я увидѣла у двери пожилого простолюдина въ какой-то рыженькой заячьей, скорѣе бабьей, чѣмъ мужской, шубкѣ. Онъ какъ-то весь ёжился, улыбался и, поглаживая свою рѣденькую бородку, заговорилъ вдругъ порывисто: «Христина Даниловна! или не узнали меня?.. Я-жъ на вашей ученицѣ женатъ... еще и на свадьбѣ у насъ были... помните? Младшую свою дѣвочку къ вамъ привелъ; старшихъ дѣтей сама жена учитъ, а этой, по правдѣ сказать, на ёлкѣ захотѣлось быть: отъ матери наслушалась... Ради Бога примите!.. Охъ, Господи, да какъ-же вы состарѣлись!—продолжалъ онъ, пристально вглядываясь въ меня,—еслибъ не въ этомъ зданіи встрѣтилъ, ей-Богу, не узналъ-бы!»

— А давно-ли вы видали меня?—спросила я его, силясь припомнить, когда именно происходила свадьба, о которой говоритъ онъ.

— Да вотъ ужь скоро 20 лѣтъ! — отвѣчалъ онъ, соображая, и прибавилъ, вскинувъ на меня своими маленькими проницательными глазами:—а сколько вамъ будетъ теперь лѣтъ, должно быть, 60?

Мнѣ ужасно понравился сгоряча этотъ вопросъ: интеллигентный человѣкъ никогда не скажетъ такъ прямо и откровенно правду въ глаза.

— Ошиблись, 50!—отвѣчала я ему весело.

— Ахъ, Господи, — заохалъ онъ опять,— я думалъ еще, что мало сказалъ... И какъ такъ состарѣться?! Ну, намъ другое дѣло: въ нуждѣ, въ бѣдности живемъ, а вамъ—чего-бы кажется?—И вдругъ, взглянувши на меня еще проницательнѣе своими запавшими глазами, онъ продолжалъ въ раздумьѣ: — А, впрочемъ, у васъ за чужихъ дѣтей хлопотъ много... разсудкомъ черезчуръ много работаете.—И онъ постучалъ пальцемъ по лбу своей плѣшивой головы.

— Не въ самомъ-ли дѣлѣ черезчуръ много?—подумала я, собираясь взять сегодня новую звуковую группу.—И не слѣдовало-ли бы экономизировать силы, чтобы прожить больше на свѣтѣ и не выглядѣть на 20 лѣтъ старше своихъ настоящихъ лѣтъ?

Принять дѣвочку оказалось невозможнымъ вслѣдствіе ея малолѣтства и за неимѣніемъ мѣстъ; но этотъ сморщенный человѣкъ, нѣжный отецъ и мужъ, вызвалъ во мнѣ столько сочувствія, что я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать.

— Ахъ, ты, Боже мой!—говорилъ онъ, выслушивая мой отказъ и покачивая головой. — Что-же тутъ дѣлать?.. Слезъ-то, слезъ-то сколько будетъ дома!.. Не то, что эта (онъ указалъ пальцемъ на дѣвочку, которую держалъ за руку), а и сама мамаша въ слезы ударится,—ужь я ее знаю!

Дѣвочка, дѣйствительно, была близка къ тому, чтобы расплакаться. Чтобы утѣшить бѣдняковъ, я вынула розовый билетъ съ надписью «ёлка» и, вопреки всѣмъ правиламъ на этотъ счетъ, подала его дѣвочкѣ. Фактъ этотъ умилилъ старика и онъ ушелъ, вполнѣ удовлетворенный съ пріятной надеждой, что въ сентябрѣ будущаго года и его младшая дочь будетъ принята въ школу.

Когда я думаю о томъ, какую роль играетъ наша скромная ёлка въ жизни этихъ бѣдныхъ дѣтей, мнѣ невыразимо больно думать о томъ, что нынче существуетъ вопросъ, не лишить-ли ихъ этого единственнаго манящаго праздника, во имя голодающихъ? На вопросъ этотъ я отвѣчаю въ различные концы Россіи, являясь адвокатомъ дѣтей, и недавно чувствовала себя чрезвычайно счастливой, встрѣтивши сочувствіе на этотъ счетъ среди народа или, выражаясь точнѣе, среди наиболѣе развитыхъ представителей его. Вотъ какъ это случилось: 6-го декабря назначена была спѣвка, и хотя она могла обойтись, по настоящему, безъ меня, подъ руководствомъ М. П. Б., но я соскучилась по школѣ за эти двѣ недѣли отъѣзда, и потому пошла туда. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось побаловать дѣтей ради праздника, и я запаслась тремя мѣшками съ орѣхами, пряниками и конфектами. Въ то время, какъ 70 человѣкъ пѣли звучными и сильными голосами пѣсни, я увидѣла поодаль двухъ маленькихъ дѣтей—мальчика и дѣвочку, которыхъ Катя С. привела на спѣвку ради развлеченія. Дѣтки эти были такъ милы, скромны, сдержанны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ радовались этому незатѣйливому удовольствію, съ такимъ жаромъ и усердіемъ помогали мнѣ укладывать въ пакеты лакомства и раскладывать ихъ симметрично на окнѣ, что я не только подарила имъ по пакетику, а пригласила ихъ даже на ёлку. Мнѣ хотѣлось этимъ и обласкать дѣтей, и оказать привѣтъ нашей старѣйшей изъ учениц—Катѣ С.

— Вотъ спасибо!—сказала она мнѣ, когда спѣвка окончилась,—а мы слышали, Христина Даниловна, будто насъ хотятъ лишить ёлки изъ-за голодающихъ, и даже смѣялись надо мной, когда я противорѣчила... Господи! какъ подумаешь, что̀ составляетъ для

этихъ дѣтей ёлка... да хоть-бы и для насъ, большихъ... куда пойдемъ мы на праздникъ, гдѣ проведемъ время, гдѣ найдемъ себѣ такую хорошую компанію?..

Глаза ея наполнились слезами, и она не могла продолжать отъ волненія.

— Конечно, правда,—замѣтила другая взрослая дѣвушка, стоявшая возлѣ нея,—развѣ мы сами не знаемъ про голодающихъ? Кто захочетъ—послѣдній грошъ понесетъ, въ комъ душа есть... А праздникъ мы все-таки цѣнимъ.

— Конечно, не конфекты и не пряники нужны намъ,—продолжала третья, — а дорого собраться вмѣстѣ... А про голодающихъ развѣ мы не знаемъ—даже въ газетахъ читаемъ ежедневно.

Оглянувшись вокругъ, я поняла, что разговоръ со мною Кати С. не былъ простой случайностью и что вся эта группа взрослыхъ дѣвушекъ сговорилась побесѣдовать со мною на этотъ счетъ. Мнѣ легко было отвѣчать имъ, такъ какъ я и сама раздѣляла всецѣло эти взгляды и убѣжденія. И мнѣ невольно припомнились при этомъ остроумныя и злыя слова одной изъ участницъ школы, сказанныя ею въ собраніи при обсужденіи даннаго вопроса: «почему-же мы сами веселимся и танцуемъ съ благотворительною цѣлью и въ то-же время предлагаемъ лишить этихъ бѣдныхъ дѣтей ихъ единственной праздничной радости?»

15 декабря 1891 г. (Второе воскресенье по образованіи группы).

Въ школу я пришла почти такъ-же рано, какъ и въ прошлое воскресенье, и вопросъ, *всѣ-ли* ученицы мои явятся на этотъ разъ, казался мнѣ чрезвычайно важнымъ. Къ счастью, всѣ онѣ были на лицо и, кромѣ того, прибавилось еще двѣ довольно цѣнныхъ: одна изъ нихъ жена дворника, Мавра Т., женщина лѣтъ подъ 30, имѣющая 8-ми-лѣтняго сына и пожелавшая учиться, другая—Ч., Анастасія, присланная въ школу самой барыней, отъ которой наканунѣ я получила слѣдующую записку:

«Многоуважаемая

«Христина Даниловна!

«Прошу покорнѣйше разрѣшить моей горничной посѣщать вашу воскресную школу; она имѣетъ большое желаніе научиться грамотѣ, но очень плохо говоритъ по-русски. Недавно она поступила къ намъ изъ малороссійской деревни. Исполненіемъ просьбы много обяжете» и т. д.

Я отвѣчала барынѣ самымъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ разъяснила, что малороссійскій языкъ нисколько не помѣшаетъ учиться ея горничной и что письмо ея очень тронуло меня, такъ

какъ немногіе господа посылаютъ своихъ горничныхъ учиться. Къ величайшему моему стыду, я также должна причислить себя къ лику этихъ господъ, такъ какъ неграмотная горничная Маша, служащая у насъ, не имѣетъ возможности ходить учиться, хотя и не по моей собственно винѣ. Часто у господъ бываютъ старые слуги, которые забираютъ ихъ, такъ сказать, въ руки; съ одной стороны, нельзя, конечно, не цѣнить этихъ старыхъ слугъ за ихъ продолжительную, утомительную работу, но съ другой—могущество ихъ бываетъ подчасъ пагубно и неотразимо: старые слуги не хотятъ пустить горничную Машу ходить въ школу, несмотря на все мое желаніе. Они объявляютъ ей войну, они не хотятъ работать за нее въ то время, какъ она будетъ въ школѣ. И сколько я ни пыталась устранить эти препятствія, никакъ не могла.

Я говорю все это, чтобы оттѣнить, сколько препятствій выпадаетъ даже на долю тѣхъ изъ слугъ, хозяева которыхъ не прочь были-бы послать ихъ учиться.

Жена дворника пришла, также заручившись билетикомъ отъ А. Н. Б., на которомъ онъ написалъ слѣдующее:

«Многоуважаемая

«Христина Даниловна!

«Жена моя рекомендуетъ вамъ новую ученицу, жену нашего дворника, о которой она вамъ уже говорила.

Уважающій васъ А. Б.»

Горничная-малороссіянка имѣла крайне сконфуженный видъ: щеки ея побагровѣли; казалось, съ нихъ только-что сняли два крѣпкихъ горчишника. Жена дворника сохраняла большее присутствіе духа, но къ каждой мелочи относилась съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ: прежде чѣмъ сѣсть на стулъ, который я указала ей, она трижды осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ; затѣмъ, получивши отъ меня доску и грифель, она внимательно осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и повторила за мною нѣсколько разъ, какъ-бы для того, чтобы не забыть: «грихвель, грихвель»... Руки ея дрожали, какъ въ лихорадкѣ.—«Господи, даже руки трясутся!»—пожаловалась она на себя. Я силилась успокоить ее и водила ея собственной рукой по доскѣ, пока другія ученицы писали самостоятельно элементы. Въ этотъ первый часъ мы прошли элементы: точку съ волнистой, волнистую съ точкой, волнистую и петлю. Названія эти я беру изъ нашей программы, но къ нимъ оказалось необходимымъ добавить: точка съ волнистою *вверхъ*, точка съ волнистою *внизъ*, иначе для ученицъ не существуетъ различія между этими двумя элементами (замѣчаніе для исправленія нашей программы).

Домашнія работы ученицъ оказались исполненными превосходно:

ихъ разбитыя дощечки были покрыты старательно выведенными элементами; прошлый урокъ былъ усвоенъ какъ нельзя лучше, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ переиначили на свой ладъ мудреныя названія и говорили: «прямая, закругленная въ *горѣ*» (т.-е. вверху), но это доказывало только краснорѣчиво, что онѣ поняли, въ чемъ дѣло.

Второй часъ я задалась цѣлью узнать, какъ считаютъ мои неграмотныя ученицы, причемъ оказалось, что одна младшая изъ нихъ, т.-е. 14-ти лѣтъ, умѣетъ считать всего до 15, остальныя-же взялись считать кто до 100, кто до 200, но знанія ихъ являлись весьма жалкими; иныя изъ нихъ послѣ 80 вдругъ говорили 99 и, когда я возвращала ихъ къ предыдущему счету, просили у меня позволенія начинать сначала. Продѣлывать съ такими ученицами маленькія задачки и держать ихъ надъ изученіемъ чиселъ перваго десятка, рискуя, что онѣ уйдутъ изъ школы, не достигнувъ сотни, мнѣ показалось рискованнымъ. Вотъ почему, несмотря на то, что я придаю большое значеніе систематическому изученію перваго десятка по Евтушевскому и думаю, что такое изученіе играетъ не малую роль не только въ развитіи ума ребенка, но и взрослаго человѣка, я все-таки остановилась на рѣшеніи научить ихъ считать на счетахъ и познакомить съ нумераціей, какъ практическимъ подспорьемъ для чтенія чиселъ, страницъ, годовъ и т. д. Я раздала всѣмъ ученицамъ торговые счеты и успѣла показать имъ копейки и гривенники. Дѣло шло весьма живо, пока не оказалось, что одна изъ младшихъ ученицъ, та самая, что умѣетъ считать только до 15, не усвоила должнымъ образомъ перехода копеекъ въ гривенники. И когда я остановилась исключительно на ней, я замѣтила справа ученицу, которая зѣвнула и перекрестила ротъ. Это маленькое обстоятельство точно булавкой кольнуло меня, но тутъ прозвонилъ звонокъ, и все кончилось благополучно.

На третій часъ были показаны звуки *а* и *у*. Сліяніе далось весьма легко; писали также свободно, но только тѣ ученицы, которыя были подготовлены прохожденіемъ элементовъ въ прошлый разъ и домашними уроками; новымъ-же двумъ было довольно затруднительно писать, хотя онѣ и старались изо всѣхъ силъ.

Въ четверный часъ я предложила ученицамъ прослушать урокъ батюшки и сказала имъ, что не знаю навѣрное, понятенъ-ли будетъ для нихъ этотъ урокъ. Съ этою цѣлью я усѣлась поодаль во время преподаванія Закона Божія и рѣшила переспросить ученицъ по окончаніи урока. Я давно знаю о. П. Г.,—знаю еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ, интересный молодой человѣкъ-семинаристъ, участвовалъ въ малорусскомъ движеніи и пѣлъ со мною прекраснымъ баритономъ дуэтъ: «На бережку у ставка». Тогда у насъ были съ нимъ однѣ цѣли, за-

дачи и стремленія. Что сдѣлала изъ него жизнь за эти 30 лѣтъ—я не знала, но мнѣ все-таки казалось трогательнымъ, что мы, идя разными путями, сошлись опять у того-же честнаго дѣла—служенія народу. И вопросъ, какъ и что скажетъ онъ этому народу, являлся для меня крайне интереснымъ. Урокъ о. П. длился всего 1/2 часа и представлялъ собою скорѣе проповѣдь, чѣмъ разсказъ изъ Священной Исторіи; но проповѣдь эта была такъ проста и понятна, что даже мои неграмотныя и незнающія счета ученицы, очевидно, понимали ее: столько благоговѣйнаго вниманія выражали ихъ лица. Онъ началъ съ того, что скоро приближается праздникъ Рождества Христова и что мы должны задуматься надъ тѣмъ, въ честь кого и чего празднуется онъ; разсказалъ о рожденіи Спасителя, появившагося на свѣтъ не въ богатыхъ хоромахъ, не на роскошныхъ кружевахъ и бархатахъ, а въ бѣдныхъ ясляхъ, въ неизвѣстности, на соломѣ. Поэтическое явленіе ангеловъ пастухамъ передано было имъ чрезвычайно картинно, и когда онъ напомнилъ имъ пѣснь, слышанную ими въ церкви—«Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ міръ»—нѣкоторыя изъ ученицъ благоговѣйно перекрестились. Затѣмъ онъ поставилъ вопросъ, зачѣмъ собственно І. Христосъ пришелъ на землю, чему училъ онъ, и разъяснилъ, что до прихода Спасителя люди ходили точно во тьмѣ и не считали себя братьями, что въ Богѣ видѣли только грознаго судью и не знали, что онъ милосердъ; что человѣкомъ считали только единовѣрца и не признавали, что всѣ люди—братья; думали, что Царствіе Божіе предназначается только для богатыхъ и знатныхъ, а не для бѣдныхъ и сирыхъ. Между тѣмъ самъ Господь явился на землю не въ образѣ богатаго и знатнаго человѣка а въ образѣ бѣднаго скитальца-учителя, учащаго всѣхъ и каждаго добру безъ различія званія и состоянія. Онъ проповѣдывалъ добро не на словахъ, не въ пышныхъ выраженіяхъ и внѣшнихъ признакахъ, а говорилъ: «кто положитъ душу свою за други своя, тотъ спасенъ будетъ». И только тотъ, кто исполняетъ эту заповѣдь, имѣетъ право назваться истиннымъ послѣдователемъ Христа. И вотъ теперь, ожидая великаго праздника въ честь Христа, мы не должны ограничиться только тѣмъ, чтобы пойти въ церковь и поставить свѣчку—мы должны помириться съ тѣми, къ кому чувствуемъ злобу въ сердцѣ своемъ; мы должны осмотрѣться, нѣтъ-ли вокругъ насъ несчастныхъ, плачущихъ, страдающихъ; мы должны стремиться по мѣрѣ силъ облегчить эти слезы и страданія словомъ утѣшенія, словомъ братской любви, и тогда только мы будемъ чувствовать, что «Царствіе Божіе внутрь насъ».

Въ залѣ чувствовалась необычайная тишина и только учительницы сосѣднихъ комнатъ нарушали ее, проходя безпрестанно изъ

одной комнаты въ другую и вызывая во мнѣ намѣреніе протестовать противъ такого рода порядка.

По уходѣ священника я предложила своимъ ученицамъ нѣсколько вопросовъ, которые должны были рѣшить, насколько поняли онѣ проповѣдь священника и будутъ-ли продолжать слушать его постоянно? Какъ ни робки и сбивчивы быти эти отвѣты, я все-таки увидѣла, что рѣчь законоучителя усвоена ими и принесла имъ большое нравственное удовлетвореніе.

— Очень хорошо, очень даже желаемъ продолжать слушать! — говорила умильно старшая изъ ученицъ.

У насъ оставалось еще 20 мин. до звонка, и я прочла (изъ сборника «Первая Пчелка») «Озеро-слободка» Данилевскаго. Оказалось, что многія изъ грамотныхъ ученицъ читали уже раньше эту сказку и отнеслись къ ней сочувственно; мои-же неграмотныя поняли только до тѣхъ поръ, гдѣ говорится о женщинѣ, которая держала ребенка на рукахъ и вела разговоръ съ старикомъ, просившимъ ее дать ему напиться; съ момента-же наводненія все, очевидно, перепуталось въ ихъ собственной головѣ и ни одна не могла отвѣтить мнѣ на вопросъ, что случилось съ слободкою.

Я позабыла сказать, что Мавра Т. и Анастасія Ч. (новыя ученицы) начинали учить когда-то азбуку: одна—*а*, *б*, *в*, *г*, а другая—*азъ*, *буки*, *вѣди*, но дальше изученія буквъ не пошли, а потому я считаю вполнѣ возможнымъ и правильнымъ вести ихъ наряду съ другими неграмотными ученицами.

Жена дворника, Мавра Т., уходила изъ школы съ сіяющимъ лицомъ и, обращаясь ко мнѣ, сказала весело: «А нельзя-ли мнѣ когда-нибудь въ праздничекъ придти къ вамъ вечеркомъ, чтобы немножко подъучиться, чтобы отъ нихъ не отстать?» кивнула она головой въ сторону прежнихъ ученицъ.

Я съ удовольствіемъ согласилась на это.

Молодыя учительницы опять помогали мнѣ, припадая къ доскамъ моихъ ученицъ и заботясь о выработкѣ у нихъ правильнаго почерка, что, конечно, въ значительной степени облегчало мои занятія.

Во время перерыва, желая раздать азбуки Г. моимъ коллегамъ по звуковому преподаванію, съ цѣлью подготовить ихъ къ обсужденію даннаго вопроса на кружковомъ собраніи, я обходила всѣ группы и подошла, между прочимъ, къ одной, возлѣ которой не было учительницы.

— А какъ фамилія вашей учительницы?—спросила я.

— Мы не знаемъ, — отвѣчали совсѣмъ взрослыя дѣвушки,—она такая черненькая и веселая!

«Характеристика, быть можетъ, и вѣрна,—подумала я,—но все-таки не мѣшало-бы научить знать имя и фамилію учительницы».

Впрочемъ, дѣвушка эта, говорятъ, пришла только во второй разъ въ школу, а потому и не мудрено, что не знаетъ еще всѣхъ нашихъ порядковъ.

Я предполагала заниматься по азбукѣ Г., чтобы провѣрить ее, но это, кажется, не удастся мнѣ; такъ, напр., прежде всего азбука эта требуетъ изученія буквы *о*, которое въ сущности является неосновательнымъ, такъ какъ буква эта не входитъ въ слова цѣлой страницы и встрѣчается только на второй. Такого рода пріемъ объясняется, вѣроятно, легкостью начертанія этой буквы, но это не резонъ, такъ какъ ученицы, прошедшія элементы, нисколько не затрудняются начертаніемъ буквы *а*. Но мнѣ все-таки хочется попытаться пройти алфавитъ по этому букварю, такъ какъ это ***первая*** азбука, предназначенная исключительно для взрослыхъ, и такъ какъ ее составила одна изъ выдающихся учительницъ московскихъ воскресныхъ школъ. Къ тому-же, что такое въ сущности букварь? Сила не въ букварѣ, а въ учительницѣ, которая преподаетъ по нему.

19-го декабря 1891 г.

Возвращаясь утромъ изъ лавки Кромскаго, гдѣ я покупала лакомства на школьную ёлку, я встрѣтила молодую монахиню, лицо которой мнѣ бросилось въ глаза. Нельзя сказать, чтобы оно было очень красиво, но меня поразило его особенное, неземное, если можно такъ сказать, выраженіе: на этомъ блѣдномъ, интересномъ лицѣ какъ будто явственно лежала печать фанатизма, и ясные, восторженные глаза свѣтились блаженствомъ душевнаго удовлетворенія. Я даже пріостановилась на минуту, подойдя ближе къ этой интересной монахинѣ. Каково-же было мое удивленіе, когда, поровнявшись со мною и пристально взглянувши на меня, она произнесла радостно звучнымъ, пѣвучимъ голосомъ: «Христина Даниловна, какъ я рада васъ встрѣтить! не узнали?.. С—ва!»

— Еще-бы узнать! вы такъ выросли и измѣнились!—отвѣчала я привѣтливо, вглядываясь въ знакомыя прежде черты лица.

Я очень торопилась домой, но поэтическій образъ дѣвушки настолько притягивалъ къ себѣ мое вниманіе, что я спросила ее, куда она идетъ, и, получивши въ отвѣтъ: «въ монастырскую лавочку», вызвалась пройти вмѣстѣ съ нею до намѣченной цѣли.

— Что-же вы еще послушницей, или безповоротно рѣшили уже остаться въ монастырѣ? — продолжала я, вглядываясь въ лицо дѣвушки и интересуясь знать, не промелькнетъ-ли на немъ выраженіе колебанія. Но колебанія не было и тѣни; напротивъ, выраженіе блаженства еще ярче легло на это молодое лицо, и она отвѣчала, улыбаясь восторженной улыбкой:

— Нѣтъ, я дала уже обѣтъ на вѣки, и такъ счастлива съ тѣхъ поръ! Прежде во мнѣ были еще сомнѣнія, достойна-ли я, а теперь тихая радость наполнила мнѣ душу и никогда ни одна суетвая мысль не приходитъ мнѣ въ голову; не то, что въ мірѣ: тамъ такъ много лжи и неправды кругомъ, что, какъ ни смиряешь себя, ни уговариваешь, невольно согрѣшишь осужденіемъ брата своего. Когда я иногда невольно вспоминаю о мірѣ, только и радостнаго у меня было, что ваша школа и вы. Помните, я никогда не любила читать романы и просила всегда дать книжечку грустную и наставительную, или житія святыхъ, или какое-нибудь путешествіе; вы еще находили тогда, что я очень хорошо разсказываю, и мнѣ такъ нравилось пересказывать вамъ! Бывало, говоришь, говоришь, точно во второй разъ любимую книжку перечитываешь... Но нѣтъ, мнѣ кажется, на свѣтѣ лучшихъ книгъ, какъ псалтырь и четьи-минеи: читаю, читаю—не начитаюсь, и каждый разъ какъ-будто тебѣ новый смыслъ открывается... Пріѣзжайте когда-нибудь къ намъ въ монастырь, Христина Даниловна!—перебила она себя, перемѣнивъ тонъ.—У насъ тамъ хорошо, какъ въ раю, особенно весною, когда деревья распускаются и птицы прилетаютъ. Иногда я сижу, сижу, задумаюсь—и мнѣ кажется, что я въ раю... Пожалуйста, пріѣзжайте!.. Матушка-игуменья у насъ очень добрая и очень любитъ меня, да и всѣ меня тамъ любятъ; если вы пріѣдете къ намъ, я скажу имъ, что это прежняя моя любимая начальница, они навѣрное съ большимъ привѣтомъ встрѣтятъ васъ. А кой-кто изъ нихъ такъ даже знаетъ васъ по моимъ разсказамъ! Какъ начнемъ мы вспоминать съ Сашей—помните, что въ группѣ вашей невѣстки была?—о мірѣ и обо всемъ мірскомъ,—сейчасъ-же непремѣнно и о школѣ вспомнимъ. Охъ, да и любила-же я учиться, когда маленькой была!—заключила она свою рѣчь.

«Экая сила погибла для міра!» думала я, слушая ея вдохновенную рѣчь, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивала себя: что далъ-бы ей этотъ грѣшный міръ взамѣнъ теперешняго блаженнаго состоянія? Я вспомнила С. лѣтъ съ 10-ти—худенькой, блѣдной, нервной дѣвочкой съ подергиваніемъ глаза и правой руки. Она работала черезъ силу въ швейной и, оставаясь нѣсколько лѣтъ сряду безъ горячей пищи, извелась бы, вѣроятно, въ конецъ при своемъ слабомъ здоровьѣ,—извелась, раздражилась, озлобилась и убила-бы въ себѣ все то прекрасное, чѣмъ одарила ее природа. А если-бы инстинкты ея направились въ другую сторону и она выросла и похорошѣла-бы, какъ теперь,—Богъ знаетъ, что дала-бы ей городская улица съ ея соблазнами и порочностью... Но все-таки мнѣ жаль было въ эту минуту силы, погибшей для нашего грѣшнаго міра, и я спросила ее не безъ оттѣнка

желчи: «что-же вы дѣлаете по цѣлымъ днямъ въ монастырѣ?» (мнѣ хотѣлось добавить: «все молитесь?», но я взглянула въ ея свѣтлые глаза и не посмѣла этого).

— Что мы дѣлаемъ? — переспросила она, задумавшись на минуту.—Дѣловъ у насъ не мало, сразу даже не перечтешь: весною грядки копаемъ, по̀ воду ходимъ, кто въ послушаніи еще—кельи прибираемъ, шьемъ золотомъ и шелками, цвѣты дѣлаемъ, для клироса пѣсни божественныя разучиваемъ... Вотъ мы съ Сашей solo поемъ, такъ подолгу приходится повторять, пока споемся».

Послѣднія слова С. договорила, подходя къ монастырской лавочкѣ, и когда дверь за нею закрылась, я еще нѣсколько минутъ простояла въ раздумьѣ на улицѣ, вспоминая обо всемъ томъ, что сказала мнѣ эта юная фанатичка съ вдохновеннымъ, блаженнымъ лицомъ.

22-го декабря 1891 г.

Мое блаженное состояніе отъ сознанія, что ученицы мои не пропускаютъ уроковъ, построенное на одномъ единственномъ прошломъ разѣ, было нарушено въ настоящее воскресенье, такъ какъ въ группѣ не доставало четырехъ. Напрасно я силилась объяснить себѣ, что у Дарьи Л. хуже разболѣлся палецъ, что горничная Авдотья У. навѣрное прибираетъ комнаты къ празднику, что Мавра Т., жена дворника, домохозяйка тоже, навѣрное занята приборкой, а объ Аннѣ М., конфетчицѣ, мнѣ сказали даже, что она пошла за получкой денегъ, такъ какъ по другимъ днямъ хозяева не выдаютъ. Мнѣ все нѣтъ-нѣтъ да и придетъ въ голову мое всегдашнее убѣжденіе, что, какъ ни плохи условія жизни нашего простонародья, тѣмъ не менѣе аккуратность посѣщенія въ значительной степени зависитъ отъ доброкачественности самой учительницы и ея преподаванія и оттого, насколько предлагаемая духовная пища удовлетворяетъ запросы ученицъ. Печаль моя увеличилась еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ: мнѣ сказали, что А. Д. Г. больна и нѣсколько времени не будетъ ходить въ школу. Но этого мало, прошелъ слухъ, будто она не желаетъ заниматься со мною, такъ какъ занятія эти лишены всякой самостоятельности и такъ какъ другія шутятъ надъ нею, что она ровно ничего не дѣлаетъ по цѣлымъ утрамъ. Когда я припоминала, какъ припадаетъ она ежеминутно то къ одной, то къ другой ученицѣ, какъ пишетъ въ 12 тетрадкахъ пройденные элементы и буквы и отдаетъ 5 часовъ времени школѣ, какъ весьма немногія изъ учительницъ,—послѣдній упрекъ мнѣ казался въ высшей степени несправедливымъ и даже жестокимъ. Что-же касается перваго, то въ немъ для меня оказались двѣ стороны: первая—возможна-ли и желательна-ли полная самостоятельность для дѣвушки, только что встав-

шей со школьной скамьи, и не полезнѣе ли для нея провести первое полугодіе подъ руководствомъ опытной учительницы, чтобы купить себѣ такою цѣною болѣе прочное и самостоятельное положеніе въ будущемъ? и вторая—искренняя симпатія къ этому стремленію, къ самостоятельности и желаніе увѣрить А. Д. Г., что съ моей стороны она не встрѣтитъ никакихъ претензій и посягательства на это честное стремленіе къ независимости. Но все-таки что-то внутри болѣло во мнѣ; вѣроятно, мнѣ было жаль себя при воспоминаніи, какъ искренно радовалась я еще такъ недавно этой симпатичной для меня комбинаціи. Тѣмъ не менѣе, къ концу утра всѣ мои маленькія тревоги улеглись: новая молодая учительница А. М. Л. съ такой готовностью и привѣтомъ предложила мнѣ свои услуги, что я сейчасъ-же измѣнила созрѣвшему у меня было горькому рѣшенію не приглашать больше никогда и никого въ товарищи.

Мавра Т., жена дворника, вся раскраснѣвшаяся и съ каплями пота на лбу, влетѣла, какъ бомба, въ залу, гдѣ занимаюсь я, и, быстро подойдя къ столу неуклюжими, медвѣжьими шагами, заявила, запыхавшись и раскутывая огромный головной платокъ: «Только что съ желѣзной дороги... на дачѣ была съ господами... на цѣлую недѣлю завезли, чтобъ ихъ совсѣмъ!.. И такъ спѣшно собралися, что дощечку даже позабыла, просто плакать готова была!.. Небойсь, онѣ тутъ безъ меня, Богъ знаетъ, сколько написали!» — добавила она, заглядывая съ завистью въ доски своихъ сотоварищей. Я поспѣшила успокоить ее и объяснить, что мы успѣли повторить только прошлое, и подала ей доску и грифель; но руки бѣдной взволнованной великанши такъ дрожали, что она ничего не могла подѣлать съ ними и проговорила про себя: «вотъ проклятыя!»—точно будто это были не ея собственныя, а чужія руки.

Вслѣдъ за нею торопливо и сконфуженно вошла горничная Авдотья У., съ своими горчишниками на щекахъ и блуждающей, неувѣренной улыбкой. Оказалось, что она должна была проводить на вокзалъ барышню изъ пансіона и, сломя голову, прилетѣла оттуда въ школу. Еще нѣсколькими минутами позднѣе появилась моя побѣда и гордость, наша горничная Маша. Мнѣ удалось-таки уладить, чтобы она ходила въ школу черезъ воскресенье, съ тѣмъ условіемъ, чтобы старые слуги пользовались отпускомъ въ другія воскресенья. Вчера вечеромъ я удосужилась пройти съ ней элементы, затворившись въ классѣ, чтобы не возбуждать зависти и взявши предлогомъ приборку класса. Также я могу дѣлать и наканунѣ тѣхъ воскресеній, въ которыя она должна пропускать школу.

Когда Маша вошла въ залу, я почти не узнала ея: вмѣсто сумрачнаго, замкнутаго лица безъ улыбки, какимъ я привыкла видѣть

его при домашней работѣ, это было милое, открытое улыбающееся лицо съ такимъ счастливымъ выраженіемъ, что какъ-то радостно и весело было глядѣть на него. Я боялась немножко, какъ-бы горничная не чувствовала нѣкотораго стѣсненія, усаживаясь рядомъ съ хозяйкой, у которой служитъ она; но все это уладилось прекрасно: вѣроятно, чистыя стремленія хозяйки дались знать сердцу ея служанки въ этомъ союзѣ равенства и братства.

Въ довершеніе всего пріятельница А. Д. Г., М. П. Б., съ такою горячностью говорила о томъ, какъ дорожитъ А. Д. комбинаціей со мною, какъ счастлива она этимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ обыкновенно воскресенья, что у меня вдругъ отлегло отъ сердца и я почувствовала, что продолженіе нашего союза вполнѣ возможно и въ будущемъ.

Въ первый часъ, какъ уже и сказала я, мы занимались повтореніемъ пройденнаго. Домашнія работы были выполнены превосходно.

Во второй часъ я показала ученицамъ слово *уа*, и мы упражнялись въ этихъ двухъ междометіяхъ на всѣ лады: складывали, писали, читали и, кажется, вполнѣ достигли тайны сліянія звуковъ. Убивала меня только дворничиха произношеніемъ *аву* и *ува*, но мнѣ совѣстно было слишкомъ привязываться къ ней и, такъ сказать, конфузить ее передъ другими, а потому я рѣшилась оставить это исправленіе до будущаго раза.

Для меня было ясно, что ученицы мои могли-бы пройти еще въ это утро звукъ *М*, но азбука *Г.* не убѣдила меня, будто съ прохожденіемъ алфавита необходимо спѣшить на почтовыхъ. Я знала, что въ классѣ моемъ нѣтъ двухъ ученицъ и рѣшила подождать ихъ. Аннѣ М. взялась передать сегодняшній урокъ ея сосѣдка по улицѣ, и для этой передачи, конечно, достаточно одного *уа*, а Дарью Л. никто не знаетъ, и такимъ образомъ ей придется въ будущее воскресенье догонять классъ. По моему, важно не то обстоятельство, чтобы пройти алфавитъ въ 6 уроковъ, а то, чтобы пройти его толкомъ, основательно, а главное—не разрушить *класснаго* преподаванія, что желательно и полезно и для учительницы, и для ученицъ.

Третій часъ мы считали двойками, тройками, четверками и пятерками. Счисленіе это шло весьма туго, особенно у иныхъ. Для младшей изъ ученицъ, Анюты Коржевой, которую я въ шутку и ласково называю «Коржикомъ» (она нисколько не обижается на это), особенно туго дается счисленіе и она никакъ не можетъ двинуться далѣе своего заколдованнаго числа 15; остальныя считали до 40. Копейки и гривенники, или единицы и десятки на счетахъ усвоили хорошо, но я не пошла дальше, чтобы намъ не разойтись преувеличенно съ устнымъ счисленіемъ.

Минутами ученицы силятся помочь другъ другу и объяснить то или другое обстоятельство какъ можно нагляднѣе. Кладетъ, напримѣръ, одна изъ нихъ неправильно букву *у*. «Затѣмъ-же ты ей ноги въ гору положила?» говоритъ сосѣдка укоризненнымъ тономъ.

Четвертый часъ священника не было, такъ какъ въ этотъ день онъ ходилъ съ молитвой къ прихожанамъ, а потому я устроила, по обыкновенію, совмѣстное чтеніе различныхъ группъ, которыя слушаютъ Законъ Божій, съ присоединеніемъ моихъ ученицъ. Я читала по сборнику «Первая Пчелка». Извѣстная сказочка «Братъ и сестра», переданная Данилевскимъ тутъ въ стихахъ, оказалась въ высшей степени популярной: однѣ читали ее въ различныхъ сборникахъ, другія знали на память, третьи слышали въ устныхъ разсказахъ матерей и всѣ, безъ исключенія, поняли какъ нельзя лучше. Разсказъ «Столяръ», написанный кн. Одоевскимъ, представляетъ собою краткую біографію извѣстнаго архитектора Андрея Рубо, вышедшаго изъ народа. Біографія эта передана просто и живо, но если имѣть въ виду малограмотныхъ читателей, для которыхъ, повидимому, предназначаются изданія «Правды», то нужно признать неумѣстными такія слова, какъ: «академія художествъ», «перспектива», «парижская академія наукъ», которыхъ никто изъ нашихъ ученицъ не слыхивалъ никогда. Но что, безспорно, оказалось самымъ неудачнымъ въ нашемъ чтеніи, такъ это стихотвореніе Беранже «Урокъ». Намъ показалось это особенно непріятнымъ, когда мы дошли до словъ:

«Битый, правду говоритъ
«Молвь людей простыхъ,—
«Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ»,

и когда ученицы наши всѣ поголовно заявили, что они вполнѣ солидарны съ этимъ положеніемъ и привели пословицу: «за битаго двухъ не битыхъ даютъ, да и то не берутъ». Конечно, я въ качествѣ учительницы сочла своимъ нравственнымъ долгомъ оказать извѣстнаго рода протестъ, но не берусь рѣшить, восторжествовалъ-ли въ данномъ случаѣ авторитетъ книги въ союзѣ съ пресловутой пословицей, или слова учительницы, произнесенныя отъ чистаго сердца; по крайней мѣрѣ, одна маленькая шустрая дѣвочка съ быстрыми глазами обратилась ко мнѣ и сказала задорно и по ребячески: «Э, нѣтъ, Христина Даниловна, не говорите этого: иногда на такого нападешь, что ничѣмъ не урезонишь его, ни словами, ни уговорами только палкой!» Слова дѣвочки очень сконфузили меня,—я не нашлась даже, что мнѣ отвѣтить на нихъ, и почувствовала, что авторитетъ книги и пословицы въ союзѣ съ горькимъ жизненнымъ опытомъ этого ребенка восторжествовали надо мною.

*

Да, необычайно бойки, умны и находчивы бываютъ подчасъ эти дѣти простонародья, безъ воспитателей и гувернантокъ! Подходитъ ко мнѣ въ библіотекѣ маленькая голубоглазая дѣвочка и говоритъ, пристально глядя на меня: «я потеряла книжку!» Тонъ, какимъ заявляетъ эта дѣвочка, кажется мнѣ развязнымъ.

— Что-жъ, по нашимъ правиламъ, останешься 3 недѣли безъ книжки!—отвѣчаю я довольно сурово.

— Да ужь вы мнѣ объ этомъ прошлое воскресенье еще говорили!—отвѣчаетъ резонно дѣвочка.—Только вотъ что я вамъ скажу: какъ-же мнѣ цѣлыхъ 3 недѣли книжки не брать,—вѣдь этакъ, чего добраго, я читать забуду. Лучше ужь я вамъ 10 к. принесу! Тамъ на книжкѣ было напечатано: «Сиротка Маша. 10 к.»

Мнѣ ужасно совѣстно брать съ нея эти 10 к., хотя по нашимъ правиламъ это также практикуется, во избѣжаніе злоупотребленій. Вообще я чувствую себя сконфуженной, хотя и говорю снисходительно, не желая ронять свой авторитетъ: «ну, на первый разъ я тебѣ прощаю, только смотри—не теряй больше!»

Мучителенъ также вопросъ о выдачѣ книгъ родственникамъ и слѣдовало-бы выбрать, по настоящему, отдѣльную библіотечную коммиссію, чтобы обсудить его. Съ одной стороны, не желательно, чтобы книга для взрослаго попадала въ руки ребенка, или чтобы ребенокъ лгалъ, желая захватить книгою больше, а съ другой стороны такъ убѣдительны и трогательны эти законныя просьбы: «пожалуйте книжечку папенькѣ, маменькѣ, дяденькѣ, сестрѣ, брату»—и такъ невыразимо хотѣлось-бы удовлетворить ихъ. Возьмемъ, напр., такой случай:

Изъ дневника, 6-го октября 1891 г.

Мнѣ кажется, что нѣтъ другой учительницы въ школѣ, которая-бы такъ часто и самовольно, какъ я, нарушала тѣ самыя постановленія, которыя сама же отстаивала въ собраніи съ такимъ азартомъ и настойчивостью; но дѣлается это какъ-то какъ будто неожиданно для меня самой. Я вовсе не желаю нарушать постановленій собранія; напротивъ, находясь въ исключительной роли оффиціальной распорядительницы и превышая другихъ участницъ цѣлыми десятками лѣтъ, я стараюсь всѣми силами подчиняться общимъ правиламъ, чтобы не убить духа ассоціаціи, которымъ я такъ дорожу и который мнѣ такъ трудно поддержать по отношенію къ 16-лѣтнимъ учительницамъ, которыя дѣлаютъ мнѣ глубокіе реверансы.

Передо мною стояло 6—7 ученицъ, съ незнакомыми мнѣ дѣтскими личиками, которыя, очевидно, только-что поступили въ школу.

— Которое воскресенье въ школѣ? — спрашиваю я поспѣшно одну за другой.

— Я первое... я второе... я третье...—отвѣчали мнѣ наперерывъ дѣти, и въ голосѣ той, которая произносила «третье», слышался какой-то особенный апломбъ, такъ какъ цыфра эта даетъ право на полученіе книгъ изъ библіотеки.

— Грамотныя? — спрашивала я опять вторую партію дѣтей съ такими наивными, недоумѣвающими лицами, что не нужно быть пророкомъ для того, чтобы отгадать ихъ безграмотность.

— Начали азбучку! — отвѣчали они весело и одна за одной уходили изъ библіотеки, не получивши книгъ.

Но одна изъ нихъ осталась на мѣстѣ и, глядя на меня въ упоръ своими умными и выразительными глазами, сказала мнѣ въ положительной формѣ: «а я хоть и неграмотная, а вы мнѣ дайте книжку!»

— Зачѣмъ?—спросила я, пристально взглянувъ на нее.

-- Моя мама грамотная... она была здѣсь въ школѣ, — отвѣчала дѣвочка съ какою-то особенной гордостью.—И мама говоритъ, что полезно громко читать такимъ людямъ, которые еще сами грамотѣ не научились, и что когда я выучусь сама читать, такъ лучше буду книги понимать.

Я оглянулась, ушли-ли дѣвочки, которымъ, согласно школьнымъ правиламъ, я не выдавала книжекъ, и не смотритъ-ли на меня кто-либо изъ учительницъ. Но дѣти ушли, товарищи мои были всецѣло погружены въ дѣло—и я безбоязненно подала неграмотной дѣвочкѣ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ».

29-го декабря 1891 г.

Задумавшись надъ неравноправностью въ нашихъ занятіяхъ съ А. Д. Г., я придумала такую мѣру (которую рѣшила примѣнить по ея выздоровленіи и съ ея согласія)—давать уроки по очереди, а именно: одно воскресенье *она* будетъ въ первенствующей роли учительницы, показывающей новый звукъ, въ другое воскресенье—*я*. Это вполнѣ возможно, когда сліяніе звуковъ дастся ученицамъ, и одинъ урокъ будетъ весьма похожъ на другой. Случаи наиболѣе трудные, какъ, положимъ, *ъ* и *ь* въ серединѣ словъ, я буду выбирать на свою долю, какъ болѣе опытная учительница. Эти пробные уроки могутъ оказаться весьма полезными для А. Д. Г., лишь-бы только она не смущалась моимъ присутствіемъ; но, вѣроятно, мнѣ удастся увѣрить ее, что въ лицѣ моемъ она встрѣтитъ не человѣка, глупо злорадствующаго надъ промахами неопытнаго сотоварища, а самое искреннее желаніе подѣлиться съ нею моимъ опытомъ.

Въ настоящее воскресенье, къ величайшему моему удовольствію, всѣ ученицы оказались на лицо, за исключеніемъ горничной, посѣщенія которой зависятъ, очевидно, не отъ нея самой. Желая намек-

нуть объ этомъ въ учтивой формѣ ея барынѣ, я написала ей слѣдующее письмо:

«Многоуважаемая
«N. N.

«Прежде всего позвольте поздравить васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ и отъ души пожелать вамъ всего хорошаго, а затѣмъ побезпокоить слѣдующимъ незначительнымъ обстоятельствомъ: ваша горничная Настя не была вчера въ школѣ и вслѣдствіе этого отстала въ томъ, что прошли ея сотоварищи, а потому, если она здорова, будьте такъ добры, потрудитесь прислать ее ко мнѣ или на Новый годъ, въ 12 ч. дня, или 2-го и 3-го января, тоже въ 12 ч. Я займусь съ нею дома тѣмъ, въ чемъ отстала она, такъ какъ она находится именно въ группѣ моихъ учениц.

Извиняясь за безпокойство, остаюсь искренно уважающая васъ Х. А.»

Въ первый часъ мы занимались повтореніемъ пройденнаго, во второй—считали на счетахъ и, кромѣ копеекъ и гривенниковъ, коснулись рубля; въ третій показана была буква *М* и слова: *мама*, *ум*, *му*; четвертый часъ я очень мечтала пройтись по звуковымъ группамъ, имѣя въ виду кружковое собраніе и желая хоть сколько-нибудь ознакомиться съ тѣмъ, что именно происходитъ въ моихъ параллельныхъ группахъ. Но священника не было, хотя онъ и обѣщалъ придти въ этотъ разъ непремѣнно, и мнѣ волею-неволею пришлось занять и своихъ, и чужихъ учениц чтеніемъ.

Прочтены были: «Разсказъ Михаила Васильевича» и «Три пояса» (русская сказка). Первый разсказъ представляетъ собою извлеченіе изъ «Крестьянской школы» Ростовской. Въ немъ описаны добрыя и гуманныя отношенія учителя къ ученикамъ, совмѣстныя прогулки, полезные разговоры; но все это уже какъ-то слишкомъ просто и незанимательно и прочтется, пожалуй, скорѣе съ интересомъ и пользою учителемъ, чѣмъ дѣтьми: по крайней мѣрѣ, моя аудиторія не встрѣтила тутъ для себя, очевидно, ничего занимательнаго, что выразилось въ невниманіи ея къ моему чтенію и въ безцеремонномъ перешептываніи между собой. Не то было со сказкою «Три пояса», не смотря на то, что она читалась позднѣе, слѣдовательно, степень вниманія должна была притупиться. Сестры — Пересвѣта, Мирослава и Людмила—всецѣло захватили вниманіе моей публики. Но въ ту минуту, какъ молодой князь Святославъ избралъ себѣ въ невѣсты Людмилу, какъ самую скромную и привлекательную дѣвушку, хотя и неблистающую красотой, какъ ея сестры,—прозвонилъ школьный звонокъ и оказалось, что сказка на половину не дочитана. Со всѣхъ сторонъ поднялся сдержанный ропотъ: «ну, что-жъ это такое?!.. на самомъ интересномъ мѣстѣ... хоть-бы дочитать въ другой комнатѣ!» и т. д.

Я успокоила свою публику тѣмъ, что дала слово въ слѣдующее воскресенье непремѣнно довести ее до конца.

Одно только не понравилось всѣмъ намъ въ этой сказкѣ — это стихотвореніе, находящееся на страницѣ 77-й, и въ особенности конца его рѣшительно никто не понялъ. Этого мало, выдавая «Первую Пчелку» на домъ и переспрашивая потомъ учеицъ, мнѣ не разъ приходилось слышать: «больше всего мнѣ понравилась сказка «Иванушка-дурачекъ», «Столяръ» и «Три пояса»; только стихи въ ней никакъ не могла понять». А одна изъ взрослыхъ дѣвушекъ говорила какъ-то: «три раза прочла—ничего не выходитъ».

Надняхъ ко мнѣ заходила дворничиха съ очевиднымъ намѣреніемъ позаняться со мною, но я собиралась въ театръ и—увы!—не могла удовлетворить ея желаніе. Съ тактомъ, столь свойственнымъ простонародью, она успокаивала меня и говорила, что забѣжала не столько учиться, сколько поблагодарить меня за ту ласку, съ которой я встрѣтила ее въ школѣ. «У меня съ дѣтства было желаніе грамотѣ учиться,—говорила она,—да точно-будто заколдовалъ кто—то одно помѣшаетъ, то другое. Да и то сказать — житье наше подневольное, хоть и не крѣпостные, слава Богу, а все-таки вродѣ крѣпостныхъ: не отъ себя, а отъ хозяевъ зависимъ. И вотъ, какъ заслышала о вашей школѣ, будто взрослыя въ ней учатся,—совсѣмъ мнѣ не стало покоя; посылаю мужа къ зятю вашему: пойди, да пойди... Наконецъ, слава тебѣ Господи, пошелъ и этотъ самый билетикъ отъ него добылъ, что я вамъ въ первый разъ подала... Подаю его вамъ, а на самой все тѣло такъ и трусится. Ей-Богу, кажется, еслибъ не ваша ласка, ушла-бъ изъ школы! Посмотрю на остальныхъ: молодыя, почти-что въ дочери мнѣ годятся. И стыдно, и страшно, и кто знаетъ, куда-бъ дѣлася... Одна только ваша ласка какъ-будто меня на мѣстѣ держитъ. Ужь видѣла я, видѣла обращеніе господъ съ прислугой, но этакого, ей-Богу, никогда не видала; какъ-будто и различія никакого не чувствуешь — барыня ты или служанка... Есть у меня мальчишка по 8-му году; слышитъ все, что я съ утра до вечера объ школѣ толкую, и тоже себѣ въ одну душу: «учи меня, тятька, грамотѣ да и только!» А я, какъ прислушалась теперь къ вашему занятію да къ тому, что вы объясняли намъ, и думаю: «ужь лучше я его буду учить, какъ сама научусь, а то какъ-бы отецъ смысла не затемнилъ ребенку своими азъ, буки... вѣдь въ старину непонятливо учили, не то, что теперь. Онъ и мнѣ какъ начнетъ теперь показывать — совсѣмъ не то, что вы... ничего даже нѣтъ хорошаго!».

Изъ непріятныхъ впечатлѣній школы должна отмѣтить, что у Ольги Т., по осмотрѣ докторомъ, оказалось рожистое воспаленіе лица,

почему она и была отправлена мною въ 12 ч. домой. Болѣзнь эта, по мнѣнію доктора, представляетъ опасность зараженія для другихъ, и потому онъ направилъ ее въ больницу.

Начертаніе буквы *М,* предлагаемое азбукой Г., дается ученицамъ съ огромнымъ трудомъ, между тѣмъ какъ буква *С*, предлагаемая «Наглядной азбукой», представляетъ собою полуовалъ и пишется безъ всякихъ затрудненій.

Я очень радуюсь, придумавши такую мѣру для ученицы, пропустившей воскресенье: въ то время, какъ священникъ говоритъ свою проповѣдь, а А. Д. Г. можетъ пройти съ такой ученицей тѣ звуки, при прохожденіи которыхъ не присутствовала она прошлый разъ, и такимъ образомъ она усвоитъ ихъ настолько-же, какъ и остальныя ученицы.

Воскресенье, 12-го января 1892 г.

5-го января въ школѣ занятій не было, такъ какъ всѣ мы, учительницы, убирали ёлку и готовились къ школьному празднику 6-го января. Никогда, кажется, устройство ёлки не занимало меня такъ, какъ въ этотъ разъ. Я получила изъ Москвы случайно не одну, а двѣ огромныя ели и достала у М. Д. Р. декораціи дна морскаго и весны. Мнѣ очень хотѣлось какъ-нибудь утилизировать все это, но выходили наглядныя несообразности: какимъ образомъ примирить съ жизненной правдой дно морское, двѣ ели, весну и зиму? На помощь мнѣ пришла мысль о сказочномъ мірѣ, гдѣ все возможно. Я вспомнила прекрасную, поэтическую сказку проф. Топеліуса «Двѣ сосны», въ которой есть и Балтійское море, и снѣга Финляндіи, и двѣ огромныя сосны-великана, и поэтическая героиня Сильвія, при взглядѣ которой, куда-бы ни упалъ онъ, разцвѣтаютъ весенніе цвѣты.

И вотъ, задуманная сказка воплощается въ жизни, а я стою на возвышеніи и громко читаю ее пятисотенной толпѣ.

Не знаю, каковы были впечатлѣнія другихъ участницъ школы, но мнѣ лично казалось, что я побывала въ сказочномъ царствѣ и слышала гулъ въ ту минуту, когда сосны-великаны свалились на землю, и руки друзей засыпали ихъ цвѣтами. Мнѣ казалось, что въ одной изъ нихъ я вижу образъ женщины, которой исполнилось теперь 72 года и которая умираетъ въ эту минуту.

Когда я окончила сказку, одна изъ учительницъ подошла ко мнѣ и сказала взволнованнымъ голосомъ: «мнѣ очень трудно было удержаться отъ слезъ въ ту минуту, какъ вы читали о паденіи сосенъ— мнѣ припомнился образъ умирающей женщины»... И она назвала то самое имя, о которомъ думала я, читая сказку. Да, это была выдающаяся женщина, женщина свѣтлаго ума, непоколебимыхъ убѣжденій, отзывчиваго сердца! И хотя ея честное имя скромно прію-

тилось только на заглавномъ листѣ книги «Что читать народу», но она внесла много блага въ жизнь, котораго не вносятъ подчасъ популярныя имена въ литературѣ. Я знала ее десятки лѣтъ и ни минуты не видѣла ея поколебавшейся въ томъ, во что вѣрила она и что исповѣдывала. А вѣровала она и исповѣдывала она все честное, возвышенное, гуманное и въ 72 года имѣла полное нравственное право протянуть руку сочувствія дѣвушкѣ 18 лѣтъ, съ самыми свѣтлыми взглядами на жизнь. Всегда отзывчивая къ разнообразнымъ проявленіямъ и формамъ общественной дѣятельности, она вмѣстѣ съ тѣмъ оставалась идеальной матерью воспитательницей и приготовила къ жизни общественныхъ дѣятелей въ лицѣ своихъ собственныхъ дѣтей. Своею честной, разумной и осмысленной жизнью она доказала близорукимъ людямъ, что отзывчивость къ общественнымъ интересамъ не мѣшаетъ женщинѣ быть идеальной матерью и свято выполнить свой первенствующій долгъ.

И вотъ, вчера, 12-го января, въ церкви Женъ Мироносицъ, смежной со школою, шла заупокойная литургія по этой выдающейся русской женщинѣ, о кончинѣ которой лишь было сказано нѣсколько скромныхъ словъ въ мѣстной газетѣ.

Мнѣ страстно хотѣлось пригласить на это погребеніе учительницъ и учениц воскресной школы, но я страшилась многолюдства и нарушенія благочинія у ея гроба. Вотъ почему, рѣшившись нарушить на этотъ разъ свои священныя для меня обязанности учительницы, я вошла одна въ церковь и молча стала у гроба. Къ немалому моему удивленію, въ церкви на бойкомъ мѣстѣ совсѣмъ не было праздной толпы: у гроба стояли знакомыя лица родныхъ и нѣсколько десятковъ друзей и почитателей покойницы ютились скромно въ разныхъ концахъ церкви. И вотъ, страстное желаніе видѣть у ея гроба колѣнопреклоненную школу, въ которой когда-то учила она, охватило снова меня съ такою силою, что я быстро выскочила изъ церкви, быстро взбѣжала на высокую школьную лѣстницу, собрала въ залѣ въ 2—3 минуты учительницъ и учениц и держала къ нимъ такую рѣчь: «Господа!—сказала я, обращаясь къ учительницамъ,—на обязанности школы лежитъ не только учить грамотѣ, но и воспитывать. Жизнь и смерть такой женщины, какою была покойная М. А. Иванова, можетъ и должна служить такого рода цѣлямъ. Вотъ почему я предлагаю вамъ почтить ея память, отправившись вмѣстѣ съ ученицами въ церковь».

Заручившись согласіемъ учительницъ, я обратилась къ ученицамъ съ такими словами: «Слушайте, дѣти, что я скажу вамъ! Каждый день умираютъ люди, каждый день по улицамъ тянутся погребальныя процессіи, но ихъ идутъ провожать только родные и друзья,

Почему-же я зову теперь всѣхъ васъ—и ученицъ, и учительницъ-почтить память М. А. Ивановой и присутствовать на ея похоронахъ? А потому, что есть люди, живущіе не только для себя, для своего собственнаго счастья, но и для счастья другихъ людей. Всю свою жизнь они дѣлаютъ только доброе и стараются, какъ-бы другимъ людямъ было лучше. Такимъ именно человѣкомъ была покойная М. А. Иванова; она учила своихъ и чужихъ дѣтей, занималась у насъ въ школѣ и постоянно вносила добро въ жизнь. Чѣмъ-же мы можемъ теперь выразить ей свою признательность и сочувствіе?»

— Пойти въ церковь... Помолиться за ея душу... Стоять тихо...— послышались въ разныхъ направленіяхъ молодые голоса.

На послѣднее предложеніе я обратила особенное вниманіе и сказала, что малѣйшее слово или восклицаніе во время службы, малѣйшій шорохъ даже, я почту не только за нарушеніе почтенія къ праху покойной, но и за личное оскорбленіе мнѣ собственно, такъ какъ я глубоко чтила ее.

И дѣйствительно, тишина въ церкви была поразительная, точно заколдовалъ кто эту двухсотенную толпу, благоговѣйно упавшую на колѣна со свѣчами въ рукахъ.

Мы возвратились изъ церкви только въ 12 часовъ.

Отецъ П., хоронившій покойницу, заявилъ мнѣ, что очень утомленъ и не придетъ въ школу, такъ что для занятій оставался въ сущности только одинъ часъ. Завѣдующая распредѣленіемъ группъ предложила мнѣ трехъ новыхъ ученицъ, научившихся читать самоучкой и совсѣмъ не умѣющихъ писать. Такого рода комбинацію съ звуковиками, начинающими только алфавитъ, я нахожу возможною, а потому съ величайшимъ удовольствіемъ приняла въ свою группу трехъ взрослыхъ симпатичныхъ дѣвушекъ, желающихъ научиться писать.

		Январь.			Февраль.			
		12	19	26	3	10	17	24
1	Долгина, Варвара, 17 лѣтъ, крестьянка, модистка, отецъ плотникъ, матери нѣтъ	б.						
2	Тимоѳеева, Марія, 20 лѣтъ, мѣщанка, занимается домашн. хозяйствомъ, мать ея больная женщина, отецъ безъ занятій, получаетъ пенсію.	б.						
3	Босенкова, Елена, 18 лѣтъ, крестьянка, занимается домашнимъ хозяйствомъ, матери нѣтъ, отецъ рѣзчикъ.	б.						

Мнѣ очень хотѣлось сказать этимъ милымъ дѣвушкамъ что-либо привѣтливое и я распространилась о томъ, что симпатизирую самоучкамъ, такъ какъ и сама самоучка. Я разсказала имъ, какъ была

бѣдна моя семья во времена моего дѣтства, какъ родители мои пригласили учить братьевъ какого-то семинариста за 5 р. въ мѣсяцъ и находили, что учиться нужно только мальчикамъ, а не дѣвочкамъ, какъ я подслушивала у дверей уроки братьевъ и какъ научилась читать раньше, чѣмъ они.

Дѣвушки слушали меня съ очевиднымъ интересомъ, и когда я спросила ихъ затѣмъ, желаютъ-ли онѣ, чтобы я передала ихъ другой учительницѣ, съ которой онѣ скорѣе могутъ пройти алфавитъ, чѣмъ со мною, онѣ заявили желаніе учиться у меня, чѣмъ я осталась очень довольна.

Въ единственный часъ нашихъ занятій я повторила съ прежними ученицами всѣ пройденные звуки, начертаніе которыхъ для вновь пришедшихъ не представило особыхъ затрудненій, за исключеніемъ буквы *м*, которая не давалась ни старымъ, ни новымъ. Вотъ почему на 4-й часъ, вмѣсто того, чтобы продолжать чтеніе сказки «Три пояса», я перевела ихъ въ отдѣльную комнату и поручила двумъ молодымъ учительницамъ съ новыми повторить еще разъ пройденные звуки, а со старыми—достигнуть правильнаго начертанія буквы *М*. Кромѣ того, я просила А. М. Л. выдать вновь пришедшимъ ученицамъ старые доски и грифеля, а также тетрадки со словами, которыя уже прошли онѣ.

Со старшими группами я дочитала сказку Жуковскаго «Три пояса», которая была прослушана съ неослабѣвающимъ интересомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали читать ее, прошло 2 недѣли, но ученицы помнили содержаніе такъ ясно и послѣдовательно, какъ будто это было вчера. Въ составѣ слушательницъ оказалось нѣсколько новыхъ лицъ; вотъ почему я предложила слѣдующій вопросъ: не начать-ли намъ чтенія сначала? Голоса раздѣлились; тогда я объяснила значеніе баллотировки; сказала, какъ часто мнѣ, несмотря на мои преклонные уже годы, приходится подчиняться въ нашихъ собраніяхъ рѣшенію большинства голосовъ и предложила встать тѣмъ, которыя не прочь начать сказку сначала. Всѣ улыбающіяся и веселыя поднялись съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ одной маленькой дѣвочки съ большими сѣрыми, серьезными глазами, которые смотрѣли на меня въ упоръ какъ-то не по дѣтски и какъ будто говорили мнѣ: «а я все-таки не покорюсь большинству!»

Это называется «остаться при отдѣльномъ мнѣніи», сказала я шутливо, обращаясь къ самостоятельной дѣвочкѣ. Она какъ будто обидѣлась, надула губки, вытащила изъ платочка книжечку, выданную изъ библіотеки, и впилась въ нее своими умными глазами, какъ бы на зло мнѣ. Я сдѣлала видъ, будто не замѣчаю этого, и начала читать. Крошка упрямо продолжала смотрѣть въ свою книжку; но когда подошло продолженіе, она тотчасъ замѣтила его, такъ какъ

слѣдила, очевидно, за тѣмъ, что читаю я. Мнѣ ужасно понравилась эта стойкость характера, которой не обладаю я сама и которая такъ нравится мнѣ въ другихъ, даже въ этомъ миломъ упрямомъ ребенкѣ.

Въ школѣ въ настоящее воскресенье было относительно мало ученицъ; очевидно, морозъ въ 27° послужилъ тому причиной. Въ моей группѣ не было Ч., Л., Ольги Т. и Ч. Относительно первыхъ трехъ я могла утѣшаться морозомъ, но съ Анастасьей Ч. произошла цѣлая исторія. Правда, барыня отпустила ее учиться ко мнѣ на домъ, но когда во время ёлки я замѣтила ея отсутствіе и послала за нею дворничиху, то ей отвѣчали, что Настя разсчитана, какъ и за что—неизвѣстно. Въ настоящее воскресенье я тщетно поджидала ее въ школѣ отъ 12 до 2 час. и Богъ знаетъ, что дала-бы, чтобы знать, гдѣ находится теперь эта бѣдная, робкая дѣвушка, пострадавшая, быть можетъ, изъ-за школы.

17 января 1892 г.

У меня есть одна очень нехорошая черта, а именно—черта самоуслажденія. Отдавшись съ увлеченіемъ занятіямъ съ своей группой и записывая въ дневникѣ всѣ свои впечатлѣнія, я ни разу не задалась вопросомъ, съ достаточной-ли быстротой подвигается моя группа впередъ, и, успокоившись на протестѣ противъ чрезмѣрной поспѣшности азбуки Г., я была очень довольна тѣмъ основательнымъ изученіемъ алфавита, который практиковался мною. Какъ вдругъ трезвый голосъ одной изъ опытныхъ учительницъ нашей школы, Н. Н. Г., сказалъ мнѣ прямо и откровенно: «вы ужасно медленно проходите алфавитъ; это ни на что не похоже!» Тутъ только, съ свойственной мнѣ *хорошею* чертою — выслушивать замѣчанія и принимать ихъ къ свѣдѣнію, я задалась вопросомъ, права-ли она, и почувствовала, что впала въ крайность: припомнила, что временемъ въ воскресной школѣ, дѣйствительно, необходимо дорожить, и рѣшила высчитать основательно, сколько именно воскресеній остается у насъ до каникулъ и какимъ образомъ долженъ уложиться въ нихъ матеріалъ, заключающійся въ азбукѣ Г. Вотъ этотъ разсчетъ: считая до 17 мая, мы имѣемъ слѣдующіе учебные дни:

19-е января	22-е марта
26-е »	29-е »
2-е февраля	12-е апрѣля
9-е »	19-е »
23-е »	26-е »
1-е марта	3-е мая
8-е »	10-е »
15-е »	17-е »

Итого 16 воскресеній.

Въ виду такого разсчета является необходимымъ проходить не менѣе двухъ звуковъ въ каждое воскресенье, между тѣмъ какъ я въ 5 учебныхъ дней прошла всего 3 звука, если, впрочемъ, мы не будемъ имѣть въ виду прохожденія элементовъ. Кромѣ того, я позволяла себѣ заниматься, какъ Богъ на душу положитъ, не обдумывая заблаговременно плана занятій. «Неужели мнѣ, опытной учительницѣ, нужно еще готовиться къ уроку?» думала я самонадѣянно, а между тѣмъ оказалось, что необходимо. И вотъ, смиривъ свою самонадѣянность, я заготовляю на слѣдующее воскресенье такой планъ:

1-й часъ. Повторить пройденные звуки: *а*, *у*, *м*; складывать изъ буквъ, читать и писать всѣ слова, начиная отъ *ау* и кончая словомъ *ум*. Просмотрѣть домашнія работы ученицъ.

2-й часъ. Показать звукъ *и*; заставить пріискать слова, начинающіяся на этотъ звукъ: ***Иванъ***, ***икона***, ***иконостасъ***, ***Ирина***, ***Илья***, ***искра***, ***ива***, ***игла***, ***иней***; читать, писать и складывать слова: *им*, ***Мими***. Послѣдняго слова нѣтъ въ азбукѣ Г., и это очень жаль, такъ какъ на буквы *и* и *м* не имѣется больше словъ.

3-й часъ. Ариѳметика.

4-й часъ. Допустить къ слушанію Закона Божія и чтенія тѣхъ ученицъ, которыя не пропустили занятій въ прошлое воскресенье; съ пропустившими-же заниматься весь послѣдній часъ повтореніемъ пройденнаго.

19-го января 1892 г.

Урокъ священника далъ мнѣ возможность побывать въ трехъ звуковыхъ группахъ и послушать преподаваніе. Далѣе я хотѣла отправиться въ 4-ую, но священникъ окончилъ свои занятія; оставалось 25 минутъ до звонка, и я должна была прочитать что-нибудь смѣшаннымъ группамъ ученицъ. На очереди у меня стояла сказка Андерсена «Иванушка-дурачекъ», главными героями которой являются старшій сынъ, который зналъ наизусть весь латинскій словарь, да еще за цѣлые три года городскія газеты, второй, изучившій законы и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющій вышивать различными узорами, и, наконецъ, третій—смѣлый, остроумный, ни передъ чѣмъ не останавливающійся Иванушка-дурачекъ. Сказка эта является скорѣе сатирою надъ педантами учеными и законовѣдами, но въ ней такъ много истиннаго юмора, что наши дѣти, подростки и взрослыя хохотали до слезъ. А тотъ, кто любитъ дѣтскую радость вообще, кому нравится этотъ непринужденный, беззаботный смѣхъ, который такъ рѣдко вызываютъ разсказы и сказки послѣдней формаціи, тотъ искренно оцѣнитъ, по заслугамъ, «Иванушку-дурачка» Андерсена и

скажетъ «спасибо» составителямъ, помѣстившимъ ее въ сборникѣ «Первая Пчелка».

Сказка эта развеселила не только дѣтей и подростковъ, но и меня, стараго человѣка, точно будто эхо отъ дѣтской радости проникло мнѣ въ душу и заставило откликнуться такимъ-же смѣхомъ, между тѣмъ какъ за полчаса до этого я была искренно опечалена вотъ по какому случаю.

Нельзя не согласиться, что критика дѣлаетъ свое хорошее дѣло; но если вы отдали дѣлу всѣ свои силы и способности, если вы вложили въ него частичку своей души, если вы по дѣтски радуетесь и вѣрите, что оно идетъ у васъ хорошо,—критика, выражающаяся въ словахъ «не такъ», «плохо», какъ-то обезкураживаетъ васъ и отнимаетъ, по крайней мѣрѣ, половину прежней энергіи.

«Это ужасно,—говорила мнѣ Н. Н. Г., просидѣвши у меня второй часъ,—возможно-ли двигаться такъ медленно? Я увѣрена, что ваши ученицы должны пропасть со скуки, особенно наиболѣе способныя изъ нихъ. И почему вы не выдѣлите тупицъ, съ какой стати онѣ задерживаютъ даровитыхъ? Кромѣ того, я замѣтила, что двѣ изъ дѣвушекъ держатъ неправильно доски и передъ всѣми рѣшительно тетради лежатъ неправильно — не наискось, а прямо».

Я робко и сбивчиво, съ видомъ пойманнаго школьника, оправдывалась передъ нею; говорила, что относительно правильнаго держанія рукъ заботилась съ перваго урока, что положенія тетрадей какъ-то сегодня не замѣтила, что подвигаться быстро не могу, такъ какъ нахожу, что предыдущее не вполнѣ усвоено, что раздроблять группу мнѣ не хотѣлось-бы. Все это говорила я, но не сказала самаго главнаго, что болѣло во мнѣ и было во мнѣ особенно мучительно,—это обвиненіе въ скукѣ, которой всегда такъ боюсь я. Мнѣ казалось до сихъ поръ, что въ уроки свои я вкладываю такъ много жизни и одушевленія, что не можетъ быть даже и рѣчи о скукѣ, и вдругъ посторонній опытный наблюдатель констатируетъ данный фактъ.

Болѣло во мнѣ также предложеніе выдѣлить изъ группы неспособныхъ: во-1-хъ, способности къ усвоенію преподаванія обнаруживаются иногда не съ первыхъ разовъ, а позднѣе, и кажущаяся тупость обусловливается новизною впечатлѣній, робостью, недостаточной увѣренностью въ своихъ силахъ и т. д.; во-2-хъ, для отстающихъ ученицъ я придумала мѣру—повтореніе на послѣднихъ часахъ, и, въ-3-хъ, наконецъ (что для меня, пожалуй, самое главное), я привязалась къ своимъ ученицамъ и никакъ не могу себѣ представить, какимъ образомъ эта туповатая Лукерья В., не пропустившая ни одного разу и приходящая въ школу аккуратно, Богъ вѣсть изъ какого далека, не будетъ больше моею ученицею. Гдѣ-бы ни собралась толпа

учениць, я постоянно вижу издали это добродушное, улыбающееся мнѣ лицо, постоянно чувствую на себѣ ласкающій взглядъ ея маленькихъ сѣренькихъ глазъ—и опять не могу себѣ представить, какъ я прогоню ее отъ себя и какъ эти маленькіе сѣренькіе глаза будутъ смотрѣть на меня, пожалуй, съ укоромъ.

Всѣ эти соображенія болѣзненно ныли во мнѣ, когда прозвонилъ звонокъ и начался третій часъ. Я почти не могла заниматься и готова была расплакаться, но бодрый и веселый видъ моихъ учениць возвратилъ мнѣ новыя силы и, съ свойственной мнѣ откровенностью, я разсказала имъ обо всемъ, что печалитъ меня и о чемъ только-что говорила мнѣ Н. Н. Г., съ глаза-на-глазъ, не желая ронять передъ ними моего авторитета. Бесѣда моя съ ученицами принесла мнѣ еще больше успокоенія: не только слова, но и глаза, и лица говорили мнѣ съ удивительною убѣдительностью, что никто изъ нихъ не испыталъ скуки за эти 5 воскресеній и никто не желаетъ оставлять позади слабѣйшихъ изъ своихъ сотоварищей.

Во время занятій третьяго часа я сдѣлала, между прочимъ, такое наблюденіе: въ то время, какъ малолѣтнія ученицы весьма охотно, весело и развязно подходятъ къ классной доскѣ и беззастѣнчиво выказываютъ на ней свои знанія, взрослыхъ это крайне конфузитъ. И ученица, выводящая вполнѣ правильно слово на своей маленькой грифельной доскѣ, выходя къ большой, совершенно теряется, точно будто она вышла на сцену.

Изъ моихъ 16-ти учениць на этотъ разъ не было трехъ: относительно Елены Г. мнѣ сообщили, что она больна горломъ; Ольга Т., говорятъ, нанялась въ горничныя къ господамъ, которые не пускаютъ ее учиться, и только объ одной дворничихѣ никто мнѣ не могъ сообщить никакихъ свѣдѣній; остается предположить, что съ ней случилось что-либо экстраординарное, вспоминая ея страсть къ ученью. Я просила свою Машу зайти къ ней на возвратномъ пути изъ школы, причемъ она сообщила мнѣ, что дворничиха приходила ко мнѣ какъ-то вечеромъ учиться, когда я была въ театрѣ. Въ виду этого, я просила Машу назначить ей часы между 10-ю и 2-мя, когда я обыкновенно бываю дома.

Относительно Ольги Т. я просила узнать, у какихъ именно господъ служитъ она и не могу-ли я написать имъ просительное письмо.

Но что явилось одной изъ радостей моего утра, такъ это появленіе горничной, которая, конфузясь, краснѣя и заикаясь, объяснила мнѣ, будто она не отходила отъ своей хозяйки и будто у нихъ произошла только какая-то непріятность. Очевидно, ей не хотѣлось объяснить, какая именно, а я съ своей стороны не желала, конечно, добиваться.

Изъ записной тетрадки моей видно, что мнѣ удалось-таки уладить, чтобы моя горничная Маша посѣщала школу каждое воскресенье, чему я несказанно рада. Далось мнѣ это, впрочемъ, не безъ борьбы и непріятностей; такъ, напр., моя старая служанка, на предложеніе мое ходить въ гости по понедѣльникамъ, грубо отвѣчала мнѣ: «что я пьяница какая, что-ли, что стану шляться по городу по буднямъ?! на это праздники есть!»

Отчетъ кружковаго собранія 20 января 1892 г. *).

Докладчикъ Х. Д. Алчевская.

Въ собраніи 13-го января 1892 г. предложено было, чтобы въ каждомъ кружкѣ вызвалась учительница, желающая взять на себя обязанность собрать свой кружокъ и содѣйствовать тому, чтобы онъ былъ какъ можно полнѣе и многочисленнѣе. Вызвавшись быть представительницей звуковыхъ группъ, я на другой-же день написала пригласительныя записки тѣмъ изъ учительницъ нашего кружка, которыя не присутствовали на настоящемъ засѣданіи.

Въ запискахъ этихъ я выяснила мѣры, которыя предлагались собраніемъ по поводу кружковъ. Не знаю, слѣдуетъ-ли приписать это благотворному вліянію разосланныхъ записокъ, или какимъ-либо другимъ причинамъ, но на этотъ разъ учительницы звуковыхъ группъ были всѣ на лицо, за исключеніемъ трехъ, изъ которыхъ одна не пришла по болѣзни, а другія двѣ—по неизвѣстнымъ причинамъ.

Когда мы собрались и начали наше засѣданіе, прежде всего возникъ вопросъ, какъ собственно мы будемъ вести его? Рѣшено было начать съ разсмотрѣнія группъ каждой отдѣльно, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ обозначены онѣ въ школьныхъ записяхъ. Самыя большія сомнѣнія возбуждала въ насъ многочисленная группа малолѣтнихъ (55 учеництъ), руководимая учительницами: Е. Г. Г., О. Ѳ. Д., Н. А. С., О. М. И. и Х. И. М. Источникомъ этихъ сомнѣній являлось то обстоятельство, что учительницамъ Г. и Д. приходилось заниматься вдвоемъ, такъ какъ Н. А. С. уѣзжала на 4 воскресенья изъ Харькова, а О. М. И. не посѣщала школы по неизвѣстнымъ причинамъ, не давая знать объ этомъ никому изъ участниковъ. Но, вникнувъ детально въ положеніе, въ которомъ находится данная группа, выяснилось однако, что, не смотря на непосильный трудъ

*) Собранія наши дѣлятся на общія и кружковыя. Общими называются тѣ, въ которыхъ участвуютъ всѣ учительницы и обсуждаютъ школьные вопросы сообща; кружковыми—когда онѣ расходятся по отдѣльнымъ комнатамъ и въ кружкѣ параллельныхъ группъ разсматриваютъ съ помощью отчетовъ, какъ именно ведется у нихъ преподаваніе.

двухъ учительницъ, состоянiе, въ которомъ находится она, далеко не безотрадно. Въ первомъ отдѣленiи (37 ученицъ) пройдены всѣ звуки, во второмъ (18) — ученицы читаютъ уже и пишутъ; каждое изъ этихъ отдѣленiй распадается, въ свою очередь, на два подраздѣленiя—сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, почему собственно и требуются 4 учительницы. Что касается ариѳметики, преподаванiемъ которой занимается Н. И. М., то, по отзывамъ ея сотоварищей, предметъ этотъ поставленъ ею блистательно: вся многочисленная группа идетъ параллельно; преподаванiе ведется живо, толково, съ энергiей; ей удается какъ нельзя лучше приковать къ себѣ вниманiе всѣхъ 55 ученицъ. Пройдены разсчеты на всѣ 4 дѣйствiя въ предѣлѣ 10. Пропусковъ въ группѣ почти не замѣчается; ученицы чрезвычайно старательны, къ занятiямъ относятся съ большимъ рвенiемъ, очень любятъ своихъ учительницъ, домашнiя работы исполняютъ охотно; иныя изъ нихъ прiобрѣли даже тетради для этихъ домашнихъ работъ. Нѣкоторыя изъ наиболѣе успѣвающихъ берутъ книги изъ библiотеки. Выслушавши это заявленiе, Х. Д. Алчевская поставила на видъ, что учительницамъ звуковыхъ группъ необходимо обратить особенное вниманiе на то, какiя именно книги берутъ въ библiотекѣ ихъ еле грамотныя ученицы и какъ справляются съ ними.

При обсужденiи вопроса, слѣдуетъ-ли при обученiи азбукѣ писать въ тетрадяхъ или на грифельныхъ доскахъ, выяснилось, между прочимъ, что Е. Р. Г., защищающая тетради, прiобрѣла ихъ на свой счетъ для всѣхъ 55 ученицъ и вполнѣ довольна успѣхами въ письмѣ.

Л. И. А. также стояла за преимущество тетрадокъ и говорила, что привычка безпрестанно стирать буквы остается у ученицъ весьма надолго, и онѣ вытираютъ потомъ пальцами написанныя карандашемъ слова, пачкая такимъ образомъ тетради.

Нѣкоторыя изъ учительницъ находили, что съ помощью тетрадей и карандашей вырабатывается лучшiй почеркъ. Х. Д. Алчевская высказала, что грубыя и неумѣлыя руки ученицъ выводятъ часто такiя безобразныя начертанiя, что увѣковѣчивать ихъ въ тетрадкахъ совсѣмъ не слѣдуетъ; кромѣ того, при прохожденiи алфавита неизбѣжны постоянныя ошибки, а навыкъ глаза къ правильнымъ начертанiямъ и къ правильно написаннымъ словамъ имѣетъ тоже большое значенiе въ дѣлѣ преподаванiя. Вотъ почему, относясь весьма заботливо ко всему, что касается ея группы, она, тѣмъ не менѣе, не замѣняетъ досокъ тетрадками.

Большинство отнеслось, однако, съ большей симпатiей къ введенiю тетрадей и только 6 изъ 15 оказались солидарными во взглядѣ съ Х. Д. Алчевской.

Затѣмъ перешли къ разсмотрѣнiю группы С., Ф. и М., образо-

вавшейся съ начала года. Группа эта состоитъ изъ 15 ученицъ: 4 изъ нихъ отстали отъ своихъ сотоварищей и съ ними приходится заниматься отдѣльно. Успѣвающія прошли алфавитъ, читаютъ «Нов. Азбуку» Толстого, исполняютъ домашнія работы, посѣщаютъ школу весьма аккуратно. Преподаваніе ариѳметики находится на одномъ уровнѣ съ предыдущей группой. Одна изъ ученицъ выбыла вслѣдствіе поступленія въ ежедневную школу; причины-же выбытія еще двухъ неизвѣстны. На той-же ступени знанія находится и группа подростковъ М. и К. Въ ней оказались отставшими двѣ ученицы, крайне неспособныя; обѣ онѣ плохо сливаютъ звуки, и хотя учительница приглашала одну изъ нихъ на домъ и занималась съ нею отдѣльно, старанія эти оказались почти безуспѣшными.

Х. Д. Алчевскою былъ возбужденъ вопросъ, какія собственно мѣры слѣдуетъ практиковать для занятій съ отстающими, причемъ было высказано нѣсколько разнообразныхъ пріемовъ, какъ, напр.: приглашать на домъ, привлекать временно въ группу третью учительницу и т. д.

Что касается группъ Ф., А., Д. и Э., то Х. Д. Алчевская заявила, что ей удалось побывать въ нихъ и послушать преподаваніе. «Ученицы Л. И. А., говорила она, — окончили уже за первое полугодіе алфавитъ и читаютъ «Н. Азбуку» Толстого. Чтеніе ихъ привело меня въ совершенный восторгъ: медленное, толковое, съ полнымъ усвоеніемъ слiянія, оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, и, слушая этихъ ученицъ, мнѣ казалось, что *мои* никогда не научатся читать такъ хорошо, особенно иныя, проявившія въ это воскресенье особенную неспособность къ воспріятію новыхъ звуковъ.

Отъ группы Л. И. А. я перешла къ ученицамъ Ф. Здѣсь я застала двѣ скамьи не взрослыхъ, какъ у А., а малолѣтнихъ ученицъ. Вмѣсто учительницъ, завѣдывающихъ группой, здѣсь занималась какая-то очень молоденькая, незнакомая мнѣ дѣвушка. Очевидно, она вкладывала въ эти занятія всю свою душу; но заниматься съ этими дѣтьми было не легко, такъ какъ первая скамья бойко писала: «оводъ», «неводъ» и т. д. (стр. 11-я «Наглядной Азбуки»), а вторая еле-еле могла справиться съ коротенькимъ словомъ «ива», помѣщеннымъ 2—3 страницами раньше. Очевидно, группа разошлась въ своихъ знаніяхъ, и классное общее преподаваніе стало невозможнымъ. Вотъ почему раскраснѣвшаяся учительница то билась усиленно надъ словомъ «ива», то металась къ первой скамьѣ и произносила на-лету: «пишите—неводъ!»

Отъ неизвѣстной мнѣ учительницы я перешла въ группу взрослыхъ ученицъ А. И. Э. Здѣсь преподавательница съ такимъ-же усердіемъ припадала къ ученицамъ, окончившимъ алфавитъ и еле

читающимъ—увы!—буквослагательнымъ способомъ: М...а—Ма, ш...а—ша—Маша. Недостатокъ этотъ выступилъ особенно ярко для меня при сравненіи съ группой А., но винить въ этомъ, на мой взглядъ, слѣдуетъ не учительницу, только-что появившуюся въ нашемъ кружкѣ и незнакомую детально съ методомъ звукового преподаванія, а школу и ея опытныхъ наставницъ, которыя допускаютъ такого рода неправильное явленіе.

Что касается ариѳметики, то въ группѣ Ф. считаютъ устно до 100, разсчеты-же дѣлаютъ на числа въ предѣлахъ 10.

Въ группѣ А. и Д. рѣшаютъ разсчеты въ предѣлахъ 100 и записываютъ ихъ. Такіе успѣхи учительницы объясняютъ себѣ тѣмъ, что при поступленіи въ школу ученицы ихъ обладали практическимъ навыкомъ сосчитывать большія числа, даннымъ имъ жизнью.

Выслушавъ мнѣніе Х. Д. Алчевской относительно того, какъ хорошо читаютъ ея ученицы, Л. И. А. замѣтила, что находитъ таковое мнѣніе преувеличеннымъ, на что Х. Д. Алчевская возразила, что она вовсе не склонна указывать только на хорошіе результаты и, какъ на темную сторону, укажетъ на то обстоятельство, что ученицы группы Л. И. А. весьма неаккуратно посѣщаютъ школу; такъ, напр., въ настоящее воскресенье изъ 12 ученицъ было всего 4.

Между прочимъ, оказалось, что, не смотря на хорошо усвоенное чтеніе, ученицы этой группы не берутъ еще книгъ изъ библіотеки, такъ какъ Л. И. А. находитъ это преждевременнымъ.

Въ группѣ Г. двѣ изъ 7 ученицъ отстали отъ своихъ сотоварищей, читающихъ уже порядочно и берущихъ книги изъ библіотеки; онѣ не только плохо читаютъ, но не усвоили даже, какъ слѣдуетъ, сліянія звуковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни удивительно, эти двѣ неуспѣвающія въ грамотѣ ученицы идутъ первыми по ариѳметикѣ, пишутъ числа до 100, дѣлаютъ разсчеты на числа до 20 и рѣшаютъ задачки лучше и быстрѣе своихъ сотоварищей. Одна изъ нихъ, забывающая обыкновенно названія звуковъ, пройденныхъ въ предыдущее воскресенье, говоритъ въ свое оправданіе: «Какъ вернусь домой—все знаю, а пересплю ночь—опять все забыла. Хоть вы что хотите со мной дѣлайте!»

Подобные субъекты заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія. И не вообразила-ли она себѣ фаталистически, судя, быть можетъ, по первому неусвоенному уроку, что ночь съ воскресенья на понедѣльникъ имѣетъ для нея такое зловѣщее значеніе...

Въ группѣ С., состоявшей прежде изъ 12 ученицъ, 4 не посѣщаютъ школы по неизвѣстнымъ причинамъ, а остальныя 7 приходятъ очень неаккуратно. Печальнѣе всего то, что изъ группы выбыла взрослая ученица, замужняя женщина 25 лѣтъ, поступившая съ

страстнымъ желаніемъ научиться грамотѣ съ цѣлью писать письма своему мужу—солдату, которому взводятъ на нее напраслину недоброжелательно относящіеся къ ней его родные. Фактъ этотъ показался X. Д. Алчевской настолько трогательнымъ, что, не смотря на неудобство принимать въ свою группу *новую* ученицу, она все-таки предложила принять ее, причемъ М. Н. С. обѣщала войти въ переговоры на этотъ счетъ съ знакомой ей выбывшей женщиной. Печальнымъ въ группѣ С. оказалось еще и то обстоятельство, что ни самой учительницы, ни письменныхъ свѣдѣній объ ея группѣ въ кружковомъ собраніи не было. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что В. Ф. С., очень еще молодая дѣвушка, не успѣла ознакомиться со всѣми порядками школы, и остается только сожалѣть, что такая отвѣтственная группа попала въ руки къ ней, а не къ болѣе опытной учительницѣ.

Что касается группы X. Д. Алчевской, то лица, которыя интересуются преподаваніемъ въ ней, могутъ обратиться къ ея школьному дневнику, въ которомъ весьма детально говорится и объ отношеніяхъ учительницы къ ученицамъ, и о веденіи преподаванія, и о способностяхъ ученицъ.

Вызвавшись быть докладчицей кружковаго собранія, я, приступая къ этой работѣ, прежде всего сочла необходимымъ перечитать отчетъ предшествовавшаго мнѣ докладчика. Признаюсь, что чтеніе это навело меня на грустное раздумье, имѣла-ли я нравственное право предлагать себя въ докладчицы? Предыдущій отчетъ составленъ такъ коротко, сжато, толково и, если хотите, талантливо, что не остается желать ничего лучшаго. Кромѣ того, онъ блещетъ оригинальностью наблюденій и выводовъ, которыми необходимо дорожить въ дѣлѣ воспитанія. Подъ впечатлѣніемъ этого раздумья, я обратилась къ составительницѣ его и просила ее чередоваться со мною въ составленіи отчетовъ по кружковымъ собраніямъ, на что она, къ моей искренней радости, дала свое согласіе.

Меня занимаетъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ, который я намѣрена внести въ слѣдующее кружковое собраніе: долженъ-ли докладчикъ болѣе или менѣе руководить засѣданіемъ и направлять въ немъ вопросы въ томъ смыслѣ, какъ это ему кажется желательнымъ и полезнымъ? Я думаю, что *долженъ*. И слушая издали громкій и звучный голосъ М. Ф. Б., которая надолго затянула засѣданіе своего кружка, я думала именно объ этомъ и мысленно апплодировала той авторитетной нотѣ въ этомъ голосѣ, которая слышалась мнѣ издали.

Необходимо также будетъ поставить на видъ нашему слѣдующему кружковому собранію, что такъ какъ оно происходило не въ первый

понедѣльникъ послѣ перваго числа, а за одно воскресенье до окончанія января мѣсяца, то разсужденія по поводу положенія группъ захватили, естественно, и этотъ мѣсяцъ. Вотъ почему, на мой взглядъ, вполнѣ правильно будетъ считать, что наше кружковое собраніе было за ноябрь, декабрь и январь. Не знаю, что скажутъ другія? Думаю, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ на общемъ собраніи, точно такъ же, какъ и два слѣдующіе: 1) когда именно назначить намъ теперь кружковое собраніе и 2) группы, окончившія алфавитъ и читающія «Нов. Азбуку» Толстого, войдутъ-ли въ будущее кружковое собраніе въ составъ учительницъ звуковыхъ группъ, или проходящихъ «Азбуку» Толстого? Оба эти случая имѣютъ свои основанія: въ первомъ—учительницы, закончившія алфавитъ, съ полнымъ правомъ могутъ критически относиться къ тѣмъ, которыя проходятъ его, и давать имъ полезные совѣты; во второмъ — онѣ получаютъ возможность совѣщаться съ преподавательницами параллельныхъ группъ. То и другое, на мой взглядъ, и интересно, и полезно; но, если-бы мнѣ лично пришлось выбирать одно изъ двухъ, я остановилась-бы на второмъ, такъ какъ совѣщаніе съ сотоварищами параллельныхъ группъ считаю болѣе цѣлесообразнымъ.

25-го января 1892 г.

Собираясь приготовляться къ уроку на завтра, я заглянула въ свой прежній школьный дневникъ и увидѣла, что недостатки моего преподаванія заключаются въ томъ, что ученицы мои, прекрасно разлагая слово на слоги, прекрасно складывая его изъ буквъ, сливая, какъ слѣдуетъ, и умѣя написать, вмѣстѣ съ тѣмъ читаютъ весьма плохо. Въ виду этого обстоятельства я рѣшила посвятить завтра весь первый часъ чтенію по азбукѣ тѣхъ словъ, которыя уже пройдены нами; кромѣ того, на первомъ-же часѣ придется пересмотрѣть домашнія работы ученицъ.

Во 2-й часъ я должна буду показать ученицамъ два новыхъ звука, а именно—*о* и *р*.

3-й часъ. Ариѳметика.

4-й часъ трудно предугадать заранѣе, такъ какъ онъ находится въ зависимости отъ посѣщенія священника, но во всякомъ случаѣ у меня уже намѣчено чтеніе статьи «Домашнія животныя», помѣщенной въ сборникѣ «Первая Пчелка».

Подъ впечатлѣніемъ кружковаго собранія я сильно задумалась надъ тѣмъ, не реформировать-ли мнѣ мою группу, въ интересахъ великовозрастныхъ ученицъ, изъ группъ гр. Э. и С., находящихся въ неудовлетворительномъ состояніи? Положимъ, это опять затормазитъ нѣсколько мое преподаваніе; положимъ, мнѣ чуть не до слезъ

будетъ жаль разстаться съ моимъ милымъ «Коржикомъ» и другими младшими ученицами, къ которымъ уже успѣла я привязаться; но все-таки самое дѣло будетъ, вѣроятно, въ выигрышѣ. Необходимо только столковаться съ учительницами Э. и С., пожелаютъ-ли *онѣ* съ своей стороны этой перемѣны.

26-го января 1892 г.

Я прошла въ школѣ все то, что намѣтила наканунѣ, но на третій часъ остановилась на одномъ пріемѣ, который показался мнѣ удачнымъ, почему я и заношу его въ дневникъ. Къ концу учебнаго года учительницѣ легко опредѣлить сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ изъ своихъ ученицъ, но то-же самое бываетъ далеко не такъ легко въ началѣ: одна пропустила 2—3 воскресенья и изъ сильнѣйшихъ попала въ слабѣйшія; другая, робкая, застѣнчивая дѣвушка, повидимому, неспособная усвоить новыхъ звуковъ и сліяніе, ободрившись, обнаруживаетъ самыя прекрасныя способности; третья, самонадѣянная и бойкая по виду, оказывается вдругъ отставшею и т. д. Вотъ почему передъ 4-мъ часомъ я затруднялась обыкновенно опредѣлить, кто именно изъ ученицъ моихъ пойдетъ слушать Законъ Божій и кто нуждается въ повтореніи. Сегодня-же я устроила такъ: за $^1/_4$ часа до звонка я раздала ученицамъ доски и просила написать *вполнѣ самостоятельно* всѣ тѣ слова, которыя прошли мы. Это дало мнѣ полную возможность отличить правильно сильнѣйшихъ отъ слабѣйшихъ и соотвѣтственно тому раздѣлить ихъ.

Замѣчается, между прочимъ, и такое обстоятельство, тормазящее подчасъ возможность узнать, самостоятельно-ли написала ученица данное слово,—это привычка заглядывать къ сосѣдкѣ и списывать съ ея доски. Не смотря на то, что я 2—3 раза дѣлала уже воззванія въ этомъ направленіи и объясняла необходимость самостоятельной работы, это нежелательное явленіе все-таки не исчезаетъ, и особенно грѣшитъ имъ Анюта Коржева. Вотъ почему я отсадила ее на этотъ разъ отдѣльно, къ окошечку, причемъ спросила себя, не похоже-ли это на наказаніе; но элементовъ наказанія, очевидно, не было въ этомъ фактѣ, такъ какъ я поступила такимъ образомъ безъ малѣйшей злобы, а сама Анюта, веселая и улыбающаяся, отправилась къ окну. Ея самостоятельная работа, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась неудовлетворительной, такъ какъ рядомъ съ нею не было умѣлой сосѣдки. Сейчасъ мнѣ приходитъ въ голову такая мѣра: сгруппировать всѣхъ сильнѣйшихъ въ одинъ конецъ стола, а слабѣйшихъ въ другой; тогда не у кого будетъ списывать.

Въ группѣ моей не было четырехъ ученицъ: Ольги Т., поступившей въ горничныя, о чемъ упоминала уже я; горничной, съ ко-

торой вѣчно происходятъ какія-то исторіи, тормазящія приходъ ея въ школу; Лукерьи В. и Анны М., живущихъ на Основѣ. По поводу двухъ послѣднихъ Марѳа Т. объяснила мнѣ слѣдующее: «Тамъ такая у насъ грязюка, что просто не вылѣзешь, да и боромъ страшно идти—онѣ боятся!»

— А какъ-же вы идете теперь одна?—спросила я, не безъ удивленія, глядя на нее.

— Я-то?—переспросила она весело, вскинувъ на меня своими молодыми глазами,—я ничего не боюсь! Что мнѣ сдѣлается отъ грязи—растаю, что-ли?! А въ бору никогда ни одной души не встрѣчается по той тропинкѣ, по которой мы ходимъ; чего-жъ тамъ бояться?!»

Я взглянула въ записную тетрадь и увидѣла, что Марѳа Т. изъ 7-ми воскресеній не пропустила ни одного.

По просьбѣ завѣдывающей распредѣленіемъ группъ, я приняла къ себѣ еще одну ученицу, умѣющую немножко читать и не умѣющую писать. Это высокая женщина съ некрасивымъ, мужскимъ лицомъ и грубыми чертами, полька, живетъ прачкой въ семьѣ Т. и твердо рѣшилась, очевидно, научиться грамотѣ. Въ статистической записи стоитъ, что она дворянка, и сама она дѣлаетъ какіе-то намеки на свое трагическое прошлое, когда она была ребенкомъ достаточной, но обѣднѣвшей потомъ семьи. Въ виду того, что она не писала элементовъ и нѣсколькихъ пройденныхъ нами буквъ, я спросила, не можетъ-ли она придти когда-нибудь ко мнѣ на домъ, чтобы догнать другихъ ученицъ, но она заявила, что для нея это совершенно невозможно. Тогда я сказала ей: «не покажетъ-ли вамъ барышня ваша: вѣдь она постоянно свободна?»

— Ой, нѣтъ!—отвѣчала прачка съ какимъ-то испугомъ.—Я даже подступиться къ нимъ боюсь.

При этомъ я невольно подумала, что воскресная школа морализируетъ не только ученицъ, но и учительницъ. Я вспомнила свое обращеніе съ горничной Машей дома и въ школѣ. Здѣсь, что-бы ни сдѣлала она, какой безобразной буквы ни вывели-бы ея пальцы, какъ невпопадъ ни отвѣчала-бы она на мой вопросъ, во мнѣ не является ни малѣйшаго раздраженія, ни малѣйшаго повышенія голоса, а тамъ, дома, не явись она ко мнѣ на первый зовъ, и я говорю уже раздражительно, повысивъ голосъ: «вы вѣчно пропадаете въ кухнѣ, васъ никогда невозможно найти въ комнатахъ!» Происходитъ это оттого, конечно, что здѣсь, въ школѣ, въ этомъ союзѣ равенства и братства, мы видимъ передъ собою *человѣка*, одареннаго такой-же душой и требующаго исключительно привѣта и ласки, а тамъ передъ нами нанятая служанка, и только. Встрѣчаются, конечно

исключенія среди этихъ господъ, потомковъ крѣпостниковъ, но какъ они рѣдки! Мнѣ представляется въ эту минуту горделивый образъ одной дѣвушки, дочери достаточной семьи, который многимъ казался даже слишкомъ надменнымъ и самонадѣяннымъ по виду. И вотъ, когда я узнала однажды совершенно случайно отъ бѣднаго рабочаго люда, отъ тѣхъ-же прачекъ и горничныхъ, какъ добра эта барышня дома, сколько симпатіи, любви и даже благоговѣнія вызываетъ она въ нихъ при сравненіи съ другими господами, гдѣ перебывали онѣ и куда забрасывала ихъ горемычная судьба, мнѣ показались вдругъ близорукими люди, составляющіе сужденіе о человѣкѣ по выраженію лица.

Поступила ко мнѣ въ группу еще одна ученица, по просьбѣ А. Д. И., тоже научившаяся немножко читать самоучкой и неумѣющая писать. Эта женщина 25-ти лѣтъ, крестьянка, съ кроткимъ типичнымъ малорусскимъ лицомъ и карими добрыми глазами, кажется мнѣ необыкновенно симпатичной.

Отставшими на этотъ разъ должны были оказаться Елена Г., пропустившая два воскресенья, и дворничиха, пропустившая одно; но онѣ положительно устроили мнѣ сюрпризъ: замѣтивши, что я показываю обыкновенно два звука впередъ, Елена Г. узнала гдѣ-то у сосѣдей, что неизвѣстныя ей буквы, стоящія на очереди, называются *о*, *и*, *ш* и *р*; а дворничиха пошла еще дальше и говорила мнѣ, сіяя: «Опять господа завезли въ деревню на недѣлю холсты ткать. Пріѣзжаю вчера вечеромъ и прямо къ своему (мужу): это какъ называется? говоритъ: «по нашему *рцы*, а по вашему Богъ его знаетъ!» Думала я, думала и порѣшила, что по нашему онъ непремѣнно будетъ *р*, такъ оно и вышло!»

Обѣ ученицы нисколько не тормазили группы, и мы двигались далѣе съ достаточной быстротой.

На урокахъ моихъ присутствовала учительница ежедневной школы Общества грамотности, Е. А. Л. Она пришла послушать мое преподаваніе.

Странныя отношенія складываются у меня съ этими посторонними посѣтителями, и я ужасно довольна этимъ: они вовсе не являются холодными наблюдателями, конфузящими и учительницу, и ученицъ, и мнѣ удается съ какимъ-то удивительнымъ, непонятнымъ даже для самой себя искусствомъ втянуть ихъ въ интересы моихъ ученицъ и въ общій ходъ преподаванія. Е. А. нашла, что одна изъ моихъ питомицъ въ особенности дурно держитъ руку при письмѣ — какъ-то ладонью вверхъ. Я замѣчала это и прежде и говорила объ этомъ, но увлечешься, такъ сказать, духовной стороной преподаванія, какъ, напр., тайной сліянія звуковъ, и невольно позабудешь объ этихъ

скривленныхъ пальцахъ и свѣшивающихся локтяхъ. Въ неменьшій ужасъ пришла Е. А. и по поводу того обстоятельства, что ученицы мои пишутъ слова, не соединяя между собою буквъ тонкими линіями, и хотя я объяснила ей, что пока это полезно во избѣжаніе слiянiя «дò-смерти», какъ называю я, когда вы рѣшительно не можете понять, принадлежитъ-ли эта прямая удлиненная буквѣ *у* или *р*, наѣхавшей на нее, но она все-таки настаивала на своемъ, и подъ конецъ я сдалась на ея доводы. Находила она также, что моя классная доска слишкомъ узко разлинована; но все это нисколько не помѣшало ей помогать мнѣ все утро и припадать то къ одной, то къ другой ученицѣ. Заспорила она, между прочимъ, и на ту тему, что тетради несравненно полезнѣе досокъ и что на доскѣ никакъ нельзя вывести волосныхъ линій. Сдается мнѣ, что эти толки о преимуществѣ тетрадокъ заставятъ-таки меня перейти къ нимъ, не смотря на всю мою приверженность къ грифельнымъ доскамъ.

Всѣ эти переговоры съ Е. А. мы вели громко, тутъ-же и, обращаясь къ ученицамъ, я сказала имъ: «Вы не удивляйтесь на насъ, господа, и не думайте, что мы ссоримся! Мы только сговариваемся, какъ лучше учить васъ, чтобы было легче и понятнѣе».

Одна изъ ученицъ, умѣющая читать и не умѣющая писать, заявила мнѣ еще въ прошлый разъ, что ей хотѣлось-бы идти впередъ класса. Вотъ почему я, воспользовавшись присутствіемъ Е. А. и объяснивши, въ чемъ дѣло, отсадила ее на отдѣльный столикъ. Прозанимавшись съ нею цѣлый часъ, Е. А. нашла, что она хотя и пишетъ бойко начертанія буквъ, но разлагаетъ слова съ такимъ-же трудомъ, какъ, пожалуй, и неграмотныя. Сама-же ученица, видя, какъ весело и оживленно идутъ наши занятія сообща, подошла и сказала мнѣ: «нѣтъ, ужъ я лучше буду заниматься вмѣстѣ съ другими!»

Реформировать свою группу, какъ предполагала я, мнѣ не пришлось: оказалось, что у Э. и С. ученицы оканчиваютъ уже азбуку; оказалось также, что С. не была въ кружковомъ собраніи, потому что никто не выяснилъ ей значенія этого собранія, а учительница Е. И. Д. извѣщала письменно о своей болѣзни, но письмо это было утеряно нечаянно ея подругой.

На 4-й часъ пришелъ священникъ, и такимъ образомъ я получила возможность слушать преподаваніе въ группѣ Г. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать учительницу, которая съ такимъ привѣтомъ и настойчивостью приглашала-бы судить о результатахъ, полученныхъ въ ея группѣ. Она просила меня все утро такимъ образомъ, какъ будто посѣщеніе мое являлось личнымъ для нея одолженіемъ; я-же и сама интересовалась этимъ какъ нельзя болѣе.

Оказалось, что изъ восьми шесть учениць читають вполнѣ удовлетворительно, пишуть бойко, но очень некрасиво, съ какими-то ненужными завитушками и не попадая въ линіи. Учительница ссылается на ту причину, что въ группѣ ея до сихъ поръ были старыя доски съ истертыми линіями и что сегодня только она получила новыя. Причина эта показалась мнѣ весьма основательной, хотя все-таки не объяснила мнѣ существованія завитушекъ.

Исключеніемъ изъ общаго правила являлись двѣ ученицы, на которыхъ указывала Г. и въ кружковомъ собраніи. Онѣ положительно не могли прочитать по «Наглядной Азбукѣ» двухъ словъ. «Это ваши математики?» спросила я ее, взглянувши въ лица этихъ удивительныхъ дѣвочекъ-подростковъ. Одной изъ нихъ казалось лѣтъ 12, другой—14. Красивые каріе глаза смотрѣли бойко и пытливо и никакихъ признаковъ тупости не было замѣтно на этихъ умныхъ, симпатичныхъ личикахъ.

«Задайте имъ какую-нибудь задачку!» попросила я Г. Она на минутку задумалась и затѣмъ сказала: «Слушайте, дѣти! У мальчика было 15 к. Мать дала ему еще 10 к. Изъ всѣхъ денегъ 5 к. онъ истратилъ на яблоки, а остальныя деньги раздѣлилъ между 4 сестрами поровну. Спрашивается, по скольку копеекъ получила каждая сестра?»

Двѣ дѣвочки, неспособныя научиться грамотѣ, впились въ лицо учительницы своими карими пытливыми глазами. Взглядъ этотъ напомнилъ мнѣ почему-то взглядъ умной собаки, смотрящей на своего хозяина. Прошла минута, и правильный отвѣтъ былъ готовъ уже у обѣихъ неспособныхъ учениць, въ то время какъ на лицахъ способныхъ замѣчалось крайнее напряженіе и тщетныя усилія справиться съ предложеннымъ матеріаломъ.

Обѣ эти ученицы представляютъ, на мой взглядъ, настолько интересное явленіе, что, будь я на мѣстѣ учительницы Г., я, кажется, передала-бы 6 успѣвающихъ учениць въ параллельную группу, а сама посвятила-бы всѣ свои силы и способности этимъ двумъ удивительнымъ дѣтямъ.

По уходѣ священника, я читала со смѣшанными группами статью «Домашнія животныя» изъ сборника «Пчелка». Мы не успѣли прочесть статьи до конца, но и того, что прочли мы, было достаточно, чтобы нагнать на насъ страшную скуку. Мнѣ просто стыдно было читать передъ своими малограмотными и неграмотными ученицами такія строки: «Цѣльная кость состоитъ изъ двухъ веществъ, соединенныхъ одно съ другимъ: во-первыхъ, изъ органическаго вещества, какъ говорятъ ученые,—изъ того вещества, которое горитъ въ огнѣ и не растворяется въ уксусѣ—изъ хряща; во-вторыхъ, изъ минераль-

наго, неорганическаго вещества, которое не горитъ, но за-то растворяется въ уксусѣ—изъ камня, главнымъ образомъ изъ извести».

Даже анекдотическія свѣдѣнія о томъ, что собаки рѣшаютъ ариѳметическія задачи и играютъ въ карты, шашки и домино, не содѣйствовали искупленію скуки, и всѣ, очевидно, очень были довольны, когда прозвонилъ звонокъ. Но этого мало: желая провѣрить новую книжку «Первая Пчелка», я раздала ее въ 50 экземплярахъ по рукамъ и требовала, чтобы передавать ея содержаніе ко мнѣ приходили разомъ 5—6 ученицъ. Каждая изъ нихъ, точно по заказу, говорила мнѣ: «Лучше всего мнѣ понравился «Иванушка-дурачекъ» и «Три пояса», а какъ дошла до послѣдней — «Домашнія животныя», прочитала немножко и бросила — не интересно». Слово «немножко» варіировалось, однако, со словами «половину» и «почти до конца»; наконецъ, одна взрослая дѣвушка сказала мнѣ солидно: «а я всю какъ есть прочла!» Я даже обрадовалась этому разнообразію и спросила ее: «значитъ было интересно?»—«Нѣтъ, не то, чтобы интересно, а у меня такія правила: скучно-ли, нѣтъ-ли — до конца каждую книжку дочитываю».

28-го января 1892 г.

Совершая свою утреннюю прогулку въ $8^1/_2$ час., я увидѣла нашу молоденькую учительницу, спеціалистку И., которая шла мнѣ навстрѣчу. Раскраснѣвшись, запыхавшись, съ кипою книгъ въ рукахъ, она спѣшила, очевидно, въ гимназію. Поровнявшись, я поздоровалась и пошла вмѣстѣ съ нею.

Странное дѣло, когда въ собраніи нашемъ обличаютъ кого-нибудь изъ учительницъ въ неаккуратномъ посѣщеніи школы и предлагаютъ карательныя мѣры, въ видѣ существующаго правила лишать самостоятельной группы, мнѣ кажется всегда, что собраніе это призвано карать и быть строгимъ и справедливымъ судьею. Но когда я встрѣчаюсь затѣмъ лицомъ къ лицу съ пострадавшимъ на немъ живымъ человѣкомъ, мнѣ становится ужасно больно и стыдно и я чувствую себя какъ-бы виноватой передъ нимъ. Такъ было и сегодня съ учительницей И. Это чувство виновности еще съ большей силой охватило меня, когда молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, глядя на меня своими ясными, правдивыми глазами, говорила мнѣ: «Да я и сама себя виню,—нахватала много дѣла и никакъ не справлюсь съ нимъ: въ гимназіи слушаю двѣ спеціальности, дома репетирую братьевъ: одного постарше—изъ французскаго и нѣмецкаго, а другого маленькаго—по всѣмъ предметамъ. А тутъ еще пробные уроки у насъ начались, къ нимъ приходится готовиться; но ужъ за то, какъ кончу, въ будущемъ году не пропущу ни одного воскресенья, а теперь буду рада, если хоть запасной учительницей меня оставятъ».

Воскресенье, 2-го февраля 1892 г.

Когда прошлый разъ ученицы расходились изъ школы, я подошла къ прачкѣ Марьянѣ и спросила ее, не можетъ-ли она придти ко мнѣ въ субботу, подъ воскресенье, вечеркомъ?

— А если припоздаю—ничего?—поставила она вопросъ.

— Нѣтъ, лучше-бы пораньше, часовъ въ 6, — замѣтила я и въ то-же время подумала:—что́, если въ субботу будетъ поставлена опера «Рогнѣда»?

— Постараюсь управиться, только наврядъ-ли! — замѣтила печальнымъ голосомъ Марьяна.

Мнѣ стало немножко совѣстно, но перспектива «Рогнѣды» заставила промолчать.

На страницахъ моего дневника не разъ уже встрѣчались слова «театръ» и «опера», и я положительно чувствую нравственную потребность сказать на этотъ счетъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Влеченіе къ театру и оперѣ проходитъ по всей моей жизни какими-то полосами. Вотъ я даю себѣ слово не посѣщать зрѣлищъ и они кажутся мнѣ кукольной комедіей, стоящей неизмѣримо ниже самой жизни со всѣми ея водевилями, трагедіями и драмами: 5—6 лѣтъ сряду я не посѣщаю ни театра, ни оперы, и вдругъ находитъ на меня новая полоса, когда Шекспиръ, Гёте, Мейерберъ, Россини, Гуно кажутся мнѣ великими учителями человѣчества, а драматическій театръ и опера—той высшей школой, безъ которой грубѣетъ и черствѣетъ душа человѣка среди житейскихъ дрязгъ.

Бѣдная прачка Марьяна попала именно въ эту полосу моей жизни, но ея энергія и настойчивость преодолѣли препятствіе, поставленное оперой, и ровно въ 6 час. въ субботу она стояла передо мною принаряженная въ старенькое, но очень приличное черное шерстяное платье, припасенное у нея, вѣроятно, для торжественныхъ случаевъ. Лицо Марьяны имѣло какое-то особенно умиленное выраженіе, грубыя черты какъ-будто смягчились, а въ глазахъ свѣтилась неподдѣльная радость человѣка, преодолѣвшаго препятствія.

— Справилась къ шести; только что бѣлье приняли!—заговорила она весело, развязывая узелокъ съ завѣтной азбучкой и доской. Доска оказалась исписанной такими красивыми, тщательно выведенными буквами и словами, что я заподозрила, не умѣла-ли она не только читать, но и писать раньше?—Хоть-бы одну букву умѣла!—увѣряла меня Марьяна.—А ужъ какъ мнѣ хочется научиться писать!—продолжала она горячо,—наше все семейство по всему свѣту разбросано; положимъ, можно найти человѣка, который тебѣ напишетъ не то что за деньги, но и даромъ, только все это не то, что самой умѣть написать: иной разъ пособѣстишься передъ чужимъ изложить, что у тебя на душѣ происходитъ.

Во мнѣ опять возникъ интересъ къ прошедшему Марьяны, къ ея семьѣ, разбросанной по всему свѣту, и, не задаваясь вопросомъ, насколько это умѣстно, я спросила ее объ этомъ. На только что веселое лицо набѣжала вдругъ темная туча, добрые глаза наполнились слезами, и, отвернувшись отъ меня въ сторону, Марьяна суетливо полѣзла въ карманъ за платочкомъ. Тогда только я почувствовала, насколько неделикатенъ былъ мой вопросъ и какъ грубо дотронулась я до чужой душевной раны. Занятія, впрочемъ, тотчасъ положили этому конецъ, и черезъ часъ Марьяна уходила такою-же веселою, какъ и пришла.

Видя, съ какой страстностью А. Д. Г. стремится къ самостоятельнымъ занятіямъ, я рѣшила въ сегодняшнее-же утро, совершенно неожиданно для нея, предложить ей заниматься съ нашей группой безъ всякаго съ моей стороны вмѣшательства. Очевидно, предложеніе это было для нея чрезвычайно пріятно; но, когда я, удалившись въ глубину залы, стала ходить взадъ и впередъ, силясь не обращать на нее никакого вниманія, я очень хорошо почувствовала всю застѣнчивость молодой дебютантки и, не желая стѣснять ее, удалилась въ музей. Это оказалось весьма кстати, такъ какъ тамъ я встрѣтила двухъ незнакомыхъ мнѣ посѣтительницъ: одна изъ нихъ Ж. пріѣхала изъ Тирасполя, Херсонской губ., а другая Н. изъ Кременчуга. Я очень была рада, что этотъ свободный часъ далъ мнѣ возможность поговорить съ ними и болѣе или менѣе познакомить ихъ со школьными порядками.

Нашъ уважаемый завѣдующій библіотекой Т. И. Г. находитъ большимъ ущербомъ для школы то обстоятельство, что я взяла группу и что такимъ образомъ посторонніе посѣтители лишены возможности бесѣдовать со мною непосредственно относительно всѣхъ распорядковъ школы. Но я не могу согласиться съ нимъ: во-первыхъ, лицо, завѣдующее распредѣленіемъ группъ, гораздо ближе меня знакомо съ общимъ ходомъ дѣла, а во-вторыхъ, эти посторонніе посѣтители могутъ, если желаютъ, побесѣдовать со мною и внѣ школы, какъ это случилось теперь. Я пригласила А. А. и А. Д. идти прямо изъ школы ко мнѣ въ домъ вмѣстѣ со мною, на что онѣ любезно согласились. Но, когда я вошла съ ними наверхъ по нашей крутой лѣстницѣ, послѣ 5 часовъ занятій, я почувствовала себя совершенно разбитой и, извинившись, легла въ постель. Это не помѣшало мнѣ, однако, продолжать съ ними начатый интересный разговоръ, встать къ обѣду и вечеромъ, прощаясь, снабдить ихъ всѣми матеріалами, касающимися открытія воскресной школы.

Что это за различные люди, эти двѣ учительницы воскресной школы!? Первая изъ нихъ высокая полная блондинка, то, что называется,

belle femme, съ очень пріятнымъ, даже красивымъ лицомъ, кажется вамъ умнымъ, спокойнымъ, серьезнымъ человѣкомъ, на котораго вы вполнѣ можете положиться и вѣрить прочности его взглядовъ и убѣжденій. Она пробыла два года за границей на акушерскихъ курсахъ, получила дипломъ, держитъ теперь экзаменъ на новыя права въ Россіи и, возвратившись въ свой скромный городокъ, предполагаетъ работать усердно для народа въ школѣ. Она и раньше была учительницей въ образцовой школѣ въ Одессѣ, но находитъ, что утомительная и однообразная профессія учительницы народной школы парализируетъ энергію и отнимаетъ возможность оживленныхъ занятій въ воскресенье.

Не такъ смотритъ на вещи молоденькая, маленькая, некрасивая, но вся воспламененная любовью къ дѣлу, Н. У нея есть своя небольшая частная школа, въ которой занимается она ежедневно; но это нисколько не мѣшаетъ ей бѣжать съ восторгомъ въ воскресную и оставаться тамъ 5 часовъ сряду. Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ говоритъ она о группѣ стариковъ - учениковъ, занимающихся съ ней, о томъ, какъ каждый изъ нихъ вначалѣ стыдился школы и говорилъ застѣнчиво, что пришелъ сюда не учиться, а такъ, посидѣть, поглядѣть, какъ учатся ребятишки, и какъ ей мало-по-малу удалось приручить ихъ и заставить полюбить ученье. Съ какой неизъяснимой радостью мечтаетъ она о томъ, что городъ обѣщалъ имъ дать 100 р.; эти 100 р. ей положительно кажутся 100.000 р., и она мечтаетъ обезпечить ими и школу, и народную библіотеку! Нужно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ и огнемъ говоритъ она наивно: «Вы непремѣнно должны дать мнѣ всѣ ваши дневники: вѣдь, всѣ воскресныя школы, гдѣ-бы ни были онѣ, вѣдь это одно общее дѣло, не правда-ли? Вѣдь, у всѣхъ у насъ одна и та-же цѣль, одни и тѣ-же желанія и стремленія!» А главное, сколько въ ней вѣры въ дѣло, сколько энтузіазма!.. И глядя на эти двѣ фигуры, вамъ невольно думается, какъ-бы не обманулъ васъ этотъ серьезный, бывалый человѣкъ съ оттѣнками скептицизма и утомленія, которые вы замѣчаете уже въ немъ. А этимъ сіяющимъ глазкамъ, смотрящимъ куда-то вдаль, этимъ восторженнымъ повышеніямъ и пониженіямъ голоса, говорящаго объ излюбленномъ дѣлѣ, этимъ свѣтлымъ мечтамъ, надеждамъ, планамъ вы беззавѣтно вѣрите, и вамъ кажется, что въ нихъ именно заключается сила жизни.

Изъ учениць моихъ вторично не было Анастасіи Ч. Пишу барынѣ ея слѣдующее письмо:

«Многоуважаемая N. N!

«Ради Бога, простите меня за то, что я такъ часто безпокою Васъ.

Вотъ въ чемъ дѣло: Ваша горничная пропустила два воскресенья. Такъ какъ Вы *сами* прислали ее въ школу, то, по всей вѣроятности, препятствія, по которымъ она не приходитъ въ школу, зависятъ отъ прислуги. Фактъ этотъ наблюдался мною весьма часто, даже и у насъ въ домѣ, гдѣ старые слуги ропщутъ, обыкновенно, на то, когда посылаешь въ школу младшихъ изъ нихъ. Если я угадала причину,— не распорядитесь-ли Вы, многоуважаемая N. N., чтобы причина эта была устранена и чтобы горничная Ваша не только посѣтила-бы въ будущее воскресенье школу, но и пришла-бы ко мнѣ на этой недѣлѣ, чтобы догнать то, что было пройдено безъ нея. Придти она можетъ въ какой угодно день или между 10 и 2 час., или въ 6 час. вечера.

Исполненіемъ этой просьбы Вы очень, очень обяжете

«Искренно уважающую Васъ Х. А.».

Изъ учепицъ моихъ положительно отстаетъ отъ класса Анюта К. Причина этого объяснена мнѣ Л. А. Б., за что я ей искренно благодарна. Я говорила уже раньше, что Анюта, вслѣдствіе своего малолѣтства по сравненію съ другими, обречена мною на должность, такъ сказать, привратника. И каждый разъ, когда проходятъ черезъ залу, не прикрывая дверей, она обязана бросаться туда и затворять. Вотъ эта-то именно суетливая должность и внесла, очевидно, особенную разсѣянность въ голову и безъ того разсѣянной и веселой Анюты. Причину эту, конечно, легко устранить, но я все-таки не могу не упрекнуть себя въ томъ, что замѣтила ее не я, опытная учительница, а моя молодая соучастница по группѣ.

Чувствуя, что она отстала отъ другихъ, Анюта подошла ко мнѣ и сказала весело: «а нельзя къ вамъ когда-нибудь въ будни придти поучиться?»

— Какъ-же ты съ Сабуровой дачи придешь за 5 верстъ?—спросила я не безъ удивленія.

— Ничего, лишь-бы мамаша согласилась за ребятами посмотрѣть!— отвѣчала она, улыбаясь.

И мы сговорились, что она придетъ ко мнѣ во вторникъ, утромъ.

На третьемъ часѣ оказалось, что всѣ слова на пройденные нами звуки исчерпаны и у насъ остается нѣсколько лишняго, такъ сказать, времени. Вотъ почему, въ цѣляхъ каллиграфіи, я написала красиво на классной доскѣ знакомыя уже слова и просила учениць переписать ихъ на доски какъ можно тщательнѣе и красивѣе. Въ слѣдующее воскресенье я заготовлю даже для этого тетради и карандаши. Такимъ образомъ споръ о грифельныхъ доскахъ и тетрадяхъ будетъ нѣкоторымъ образомъ примиренъ.

Вторникъ, 4-го февраля 1892 г.

Происхожденіемъ своимъ наши кружковыя собранія обязаны инициативѣ сына моего Д. А., который доказывалъ какъ-то недавно на одномъ изъ нашихъ собраній, что мысль его не вполнѣ правильно примѣняется на практикѣ, что кружковые доклады являются сухимъ перечнемъ того, что̀ въ какой группѣ пройдено, и сообщаютъ статистическія свѣдѣнія вмѣсто жизненныхъ фактовъ. Онъ говорилъ также, что въ кружокъ учительница должна являться съ готовыми уже статистическими свѣдѣніями, занесенными въ тетрадку, и что дѣло кружка разсмотрѣть эти свѣдѣнія и отнестись къ нимъ критически. Вотъ почему, составивши свой отчетъ, я отправила его на разсмотрѣніе Д. А. и получила отъ него въ отвѣтъ слѣдующую записку:

3-го февраля 1892 г.

«Возвращаю при семъ прочтенный мною докладъ о кружковомъ собраніи. По моему мнѣнію, онъ очень интересенъ и хорошъ, хотя имѣетъ нѣкоторыя «но».

Самое важное—критическій элементъ—въ немъ имѣется, а потому онъ близокъ къ идеалу, какимъ онъ представляется мнѣ.

«Но» заключается въ томъ, что 1) весь кружокъ былъ, повидимому, подавленъ твоимъ авторитетомъ; 2) докладъ охватываетъ большой періодъ времени, а потому, что вполнѣ естественно, онъ длиннѣе, чѣмъ требуется; 3) со многими твоими мнѣніями я не согласенъ, напр., о томъ, чтобы вмѣнять кому-либо въ обязанность руководить кружкомъ».

Записка эта была прочтена мною на собраніи тотчасъ послѣ отчета и съ самой большой тревогой ждала я отвѣта на вопросъ, дѣйствительно-ли авторитетъ мой подавлялъ въ кружкѣ моихъ сотоварищей. Я обратилась съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ, кто присутствовалъ на нашемъ кружковомъ засѣданіи, и, къ немалому моему горю, отвѣтъ ихъ совпалъ съ предположеніемъ Д. А.

— Въ чемъ-же именно, господа, состояло мое давленіе? Я такъ много обдумывала то, какимъ образомъ буду вести себя, чтобы не нарушать общей гармоніи, что никакъ не могу понять, какъ это случилось и въ чемъ состояло это давленіе?

— Въ томъ,—отвѣчала мнѣ П. И. М.,—что мы все время чувствовали и сознавали, что здѣсь между нами присутствуетъ Христина Даниловна.

И опять, оставшись одна послѣ собранія, я задала себѣ вопросъ, почему это такъ? И опять роковая разница лѣтъ показалась мнѣ причиною. Я вполнѣ вѣрю въ то, какъ ни стыдно мнѣ признаться въ этой вѣрѣ, граничащей съ самонадѣянностью, что многіе и мно-

гіе изъ моихъ сотоварищей относятся ко мнѣ съ расположеніемъ и симпатіей, но роковая разница лѣтъ держитъ все-таки ихъ въ почтительномъ отъ меня отдаленіи и никакія старанія съ моей стороны не въ силахъ разрушить этой преграды.

Вспоминается мнѣ такой случай. Какъ-то одна очень молоденькая учительница, по внѣшнему виду совсѣмъ ребенокъ, пришла ко мнѣ по дѣлу во время моего послѣобѣденнаго отдыха. Ее просили въ спальню. Она сѣла нѣсколько поодаль отъ моей кровати, на стулъ за колонною, и начала излагать сущность обстоятельствъ общественнаго дѣла, которое интересовало меня. Были сумерки. Я молча слушала молодую учительницу и въ первый разъ удостовѣрилась, сколько преданности, любви, самоотверженія и серьезности таится въ душѣ этого ребенка къ общественному дѣлу, которому служитъ онъ. Дѣвушка говорила просто, откровенно, съ увлеченіемъ обо всемъ, что тревожитъ ее и радуетъ въ этомъ общественномъ предпріятіи, и мнѣ казалось, что по мѣрѣ того, какъ сумерки надвигались въ комнату, въ которой бесѣдовали мы, рѣчь ея становилась все свободнѣе, живѣе и одушевленнѣе. Мы разстались друзьями и съ тѣхъ поръ не разъ она повторяла такія-же посѣщенія и такъ-же просто дѣлилась со мною своими тревогами, радостями и печалями. Но, когда я встрѣчалась затѣмъ съ нею на собраніи, она попрежнему держала себя поодаль, какъ чужая.

По второму пункту письма Д. А., касающемуся длинноты моего кружковаго доклада, учительницы не согласились съ нимъ и нашли, что стѣснять докладчика намѣченными рамками совсѣмъ не слѣдуетъ. Съ пунктомъ-же третьимъ, касательно того, чтобы вмѣнять комулибо въ обязанность «руководить» кружкомъ, всѣ были солидарны съ мнѣніемъ Д. А., что подобнаго руководительства совсѣмъ не требуется, хотя докладчикъ, естественно, вникаетъ детальнѣе другихъ въ общій ходъ дѣла.

Сейчасъ мнѣ подали слѣдующую записку:

«Многоуважаемая Христина Даниловна!

«Уже болѣе двухъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Анастасія Ч. уѣхала въ деревню къ своимъ роднымъ. Къ намъ она не возвратится, такъ какъ получила полный разсчетъ. Простите великодушно, что причинила вамъ невольно такъ много безпокойства и хлопотъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенной преданностью остаюсь готовая къ услугамъ вашимъ».

4-го февраля 1892 г.

Тревожитъ меня очень слѣдующее обстоятельство: Анюта К. обѣщала придти ко мнѣ сегодня съ Сабуровой дачи, гдѣ живетъ она, и

что̀, если она рѣшитъ привесть этотъ планъ въ исполненіе?! Гуляя рано утромъ и прислушиваясь къ завыванію метели, я съ ужасомъ думала: «что, если она идетъ теперь въ полѣ, среди сугробовъ снѣга въ своемъ ветхомъ, изношенномъ пальтишкѣ?!» И мнѣ представлялось уже ея окостенѣвшее тѣло и газетное извѣстіе о ней въ дневникѣ происшествій. Остается утѣшаться только мыслью, что родные не позволятъ ей предпринять этотъ подвигъ. Что-же касается самой Анюты, то я увѣрена, что она не задумывалась рѣшиться на него. Что здѣсь особенно мучительно, такъ это то обстоятельство, что до воскресенья я не имѣю никакой возможности узнать о ней.

Среда, 5-го февраля 1892 г.

Сегодня, въ 10 ч. утра, пришла моя радость, Анюта, закутанная большимъ материнскимъ платкомъ и въ огромныхъ материнскихъ чоботахъ. Вчера, послѣ ссоры съ родными, она выступила-таки въ путь, но, дойдя до полдороги, вернулась домой. «Такъ духъ и забиваетъ», разсказывала она, «да и мамы стало жалко: будетъ хлопотать цѣлый день, не замерзла-ли я».

Я съ своей стороны тоже разсказала, какъ тревожилась вчера за нее.

Теперь сижу и занимаюсь съ нею. Сегодня сама мать отпустила ее и дала ей на завтракъ полъ-французской булки.

«Будь у насъ корова, какъ прежде», говорила мнѣ Анюта, разсказывая о своихъ домашнихъ дѣлахъ, «мнѣ-бы ни за что нельзя было придти до васъ учиться: утромъ мама доила ее, днемъ разносила молоко по господамъ, а я сама съ дѣтьми оставалась. А теперь, какъ продали съ нужды корову, мама все больше дома сидитъ; вотъ мнѣ и есть отъ кого пойти изъ дому.»

«Можетъ, къ вамъ можно каждый день ходить?» закончила она свою рѣчь неожиданно, взглянувъ на меня.

Я просто перепугалась подобной перспективы—ходить ежедневно ко мнѣ за 5 верстъ въ метель, вьюгу, снѣгъ и невылазную грязь!—и посовѣтовала ей ограничиться однимъ днемъ въ недѣлю, кромѣ воскресенья.

— Какихъ-же лѣтъ твои другіе братья и сестры?—спросила я ее.

— Да я самая старшая въ семействѣ,—отвѣчала она:—сестрѣ 6-й годъ, тому брату, что побольше—пятый, а самому маленькому—третій годъ; тотъ больше всѣхъ за молокомъ скучаетъ, такъ что мама, какъ только собьется съ деньгами, покупаетъ даже ему по кувшинчику.

Мнѣ захотѣлось сказать Анютѣ что-нибудь пріятное.

— Вотъ, какъ научишься грамотѣ,—сказала я,—тогда научишь своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ.

— Ужъ мы и сами объ этомъ сколько разъ съ мамашей толковались,—отвѣчала она весело тономъ человѣка, имѣющаго въ виду заманчивую перспективу.

А между тѣмъ, снѣгъ опять началъ падать крупными хлопьями и опять я въ тревогѣ, благополучно-ли дойдетъ домой эта смѣлая и симпатичная дѣвочка.

Оказалось, что конка, довезя ее до конца Старо-Московской улицы, сократитъ ея путь почти на половину.

— На вотъ тебѣ пятачекъ,—сказала я,—и поѣзжай на конкѣ!

Она взяла пятачекъ, посмотрѣла на него, задумалась на минуту и сказала наивно: «Лучше я на него ленточку куплю; старая до того истрепалась, что въ школу совѣстно пойти».

Дѣлать нечего, пришлось подарить и ленточку, хотя я обыкновенно избѣгаю подарковъ, чтобы не развить попрошайничества; за то я взяла съ Анюты слово, что она непремѣнно поѣдетъ полдороги по конкѣ.

Понравилась мнѣ въ ней очень откровенность, съ которой заявила она мнѣ о своемъ легкомысленномъ, если хотите, намѣреніи купить ленточку: вѣдь, ничто не мѣшало ей въ сущности сдѣлать это потихоньку, не спрашиваясь у меня.

Въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ гр. Толстой говоритъ о томъ, что необходимо прислушиваться къ мнѣніямъ народа и дорожить этими мнѣніями. Мнѣ припомнился этотъ совѣтъ вотъ по какому случаю: моя старая горничная умѣетъ немножко читать и, кажется, не умѣетъ писать. Я говорю «кажется», такъ какъ она хоронится со своими знаніями, и мнѣ никогда не удавалось услышать, какъ собственно читаетъ она. Конечно, я очень не прочь была-бы позаняться съ нею совмѣстно съ Машею, но она отказывается отъ этого изъ недоброжелательства къ ней и какъ-бы стыдится такой комбинаціи.

Нападая на недостатки азбуки Г., я не нашла въ ней никакихъ положительныхъ сторонъ, между тѣмъ, моя подозрительно-грамотная горничная нашла одну изъ нихъ, которой я не могу не признать вмѣстѣ съ нею.

Какъ-то, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, что съ нею бываетъ весьма рѣдко, она обратилась ко мнѣ и сказала: «Христина Даниловна, подарите мнѣ такую азбучку, по которой Маша учится».

— Съ удовольствіемъ! а на что она вамъ?—спросила я.

— Да мнѣ нравится, что на ней буквы такъ рѣдко стоятъ и такъ явственно,—отвѣчала она,—не то что въ другихъ азбукахъ: тамъ такъ часто, что ничего не разберешь, а тутъ еще картинки

путаютъ, одна на другой. А въ Машиной азбукѣ стоитъ печатная буква, а подъ нею писаная. Даже безъ учителя можно по ней выучиться.

Я съ удовольствіемъ подарила ей азбуку Г. и мысленно поблагодарила ее за указаніе.

Суббота, 8-го февраля 1892 г.

План завтрашняго урока.

1-й часъ. Просмотрѣть домашнія работы учeницъ. Если предыдущіе два звука усвоены,—показать на первомъ часѣ новый звукъ *г*, а на второмъ—*п* и *ю*.

3-й часъ. Ариѳметика.

4-й часъ. Чтеніе изъ сборника «Скромные подвиги» Немировича-Данченко.

Воскресенье, 9-го февраля 1892 г.

Въ моей школьной практикѣ я не разъ замѣчала преувеличенія въ поощреніяхъ учeницъ и развившуюся въ нихъ вслѣдствіе этого самонадѣянность. «Ахъ, какъ вы плохо написали!» говорила я какъ-то давно, просматривая домашнюю работу одной изъ такихъ учeницъ.

— Нѣтъ, ничего, хорошо!—самоувѣренно отвѣчала она,—даже моя квартирная хозяйка удивлялась и говорила: вотъ какъ ты хорошо научилась писать!

— А ваша хозяйка грамотная?—спросила я, разсматривая пропущенныя буквы и недоконченныя слова.

— Нѣтъ, неграмотная! только все-таки оно сейчасъ видно, кто какъ пишетъ,—отвѣчала, добродушно улыбаясь, Киценко.

Очевидно, въ данномъ случаѣ у меня былъ пересолъ, да и вообще я склонна къ пересоламъ. Но не лучше-ли они въ данномъ направленіи? невольно спросила я самоё себя, поговоривши сегодня съ сосѣдкой Ольги Т.

— Что-жъ, вы не узнали, у какихъ господъ служитъ Ольга Т.— спросила я ее.

— Она уже отошла,—отвѣчала она,—и теперь опять дома.

— Почему-же она не ходитъ въ школу?

— Она говоритъ: все равно не выучусь,—ужъ я чувствую, что у меня никакого дарованія къ грамотѣ нѣтъ.

Выслушавши это, я вспомнила робкую и застѣнчивую Ольгу Т., первые шаги которой были, дѣйствительно, неудачны,—и мои прежніе пересолы показались мнѣ вполнѣ законными. Мнѣ стало до слезъ жаль этого невѣрящаго въ свои силы субъекта и я думала съ грустью: «И это случилось *у меня*, опытной учительницы! На чемъ-

же основана послѣ этого моя увѣренность въ умѣньѣ обойтись съ ученицей и ободрить ее?!»

Анюта К. послѣ визита ко мнѣ и четырехчасовыхъ занятій оказалась совершенно въ курсѣ класса, такъ что, по настоящему, ей незачѣмъ было приходить ко мнѣ во вторникъ догонять товарищей; но она такъ умильно спросила о томъ, нельзя-ли все-таки придти ей ко мнѣ на домъ, что у меня не хватило духу отказать ей. Но кто привелъ меня въ это воскресенье въ совершенное отчаяніе, такъ это Лукерья В.: казалось, за эту недѣлю она перезабыла все, что знала прежде, и не могла ни прочитать, ни написать вмѣстѣ съ другими ни одного слова. Я даже спросила, здорова-ли она, на что она, улыбаясь своей глупой улыбкой, отвѣчала спокойно, что совершенно здорова. Эта улыбка и это спокойствіе какъ-то даже взорвали меня, и я начала раздражаться, но вдругъ почувствовала на себѣ удивленный взглядъ одной изъ наиболѣе развитыхъ ученицъ, которая, оторвавшись отъ доски, пристально взглянула на меня. Мнѣ стало ужасно стыдно и я дала себѣ слово слѣдить за собою въ этомъ направленіи и не позволять себѣ раздражаться, такъ какъ подобнаго рода раздражительность можетъ мало-по-малу принимать все болѣе рѣзкія формы, если не пресѣчь ее въ зародышѣ. Я освѣдомилась у Лукерьи В., не можетъ-ли она придти ко мнѣ на домъ; но увы!—это оказалось для нея невозможнымъ. Тогда я просила сосѣдку ея улучить какъ-нибудь минуту, чтобы позаняться съ нею на недѣлѣ. Марѳу Т. страшно сконфузило такое порученіе и, вспыхнувъ до ушей, она проговорила тихо: «да вѣдь я сама почти ничего не знаю!» И опять мнѣ показались необходимыми поощрительныя мѣры по отношенію къ этимъ робкимъ и неувѣреннымъ людямъ.

Но, какъ-бы ни было мнѣ грустно, мнѣ стоитъ взглянуть только на полное жизненныхъ силъ лицо дворничихи, чтобы развеселиться. Сегодня она быстро и вся запыхавшись влетѣла въ залу и объявила, что еле вырвалась изъ дому. «Ну просто какъ нарочно тебѣ все въ одно утро собралось,—говорила она:—корову изъ деревни привели, барышню съ дачи привезли и барина схватило: заболѣлъ чѣмъ-то, Богъ знаетъ чѣмъ. Не свяжи я своей книжечки и досчечки съ вечера въ платочекъ, непремѣнно запоздала-бы, а то выскочила, вижу—Маша идетъ издали, я за нею вдогонку, насилу нагнала». И разсказывая все это, она отирала потъ платкомъ съ своего покрытаго красными пятнами лица. «Ужъ теперь нечего и думать при коровѣ по буднямъ ходить,—продолжала она болѣе грустнымъ тономъ:—за эту недѣлю хоть-бы полчаса тебѣ выбралось, чтобъ присѣсть поучиться! Хорошо еще, если въ головѣ осталось отъ прошлаго воскресенья!» Къ счастью, оказалось, что хорошая память дворничихи не

измѣнила ей и она не хуже другихъ выводила на доскѣ слова, пройденныя въ прошлое воскресенье.

На одномъ изъ нашихъ уроковъ присутствовалъ посторонній зритель-священникъ, прибывшій изъ Кременчуга съ цѣлью посмотрѣть нашу школу. Вѣроятно, молоденькая учительница, побывавшая у насъ, не пожалѣла красокъ для описанія и тѣмъ самымъ подвигла этого добродушнаго человѣка проѣздиться въ Харьковъ. Его толстое красное лицо положительно сіяло умиленіемъ, въ какую сторону ни посмотрѣлъ-бы онъ. Когда онъ пришелъ къ намъ въ залу, я подала ему учтиво стулъ, прося садиться, а затѣмъ, обращаясь къ ученицамъ, сказала: «Встаньте, г-да, и низко поклонитесь батюшкѣ: онъ устроилъ въ Кременчугѣ такую-же школу, какъ наша, и такъ-же работаетъ и трудится въ ней безкорыстно, какъ и мы здѣсь». Ученицы встали и поклонились ему, и онъ какъ-то растерянно и сконфуженно тоже всталъ и, добродушно улыбаясь, раскланивался на всѣ стороны.

На четвертый часъ законоучителя не было, а на очереди у меня стояло чтеніе «Дѣдушкины пѣсни» изъ сборника стихотвореній Плещеева. Сборникъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ стихотвореній: «*Весна*», «*Птичка*», «*Ожиданія*», «*Бабушка и Внучекъ*», «*Весна*», «*Напрасно, птички*», «*Несчастье*», «*Капля дождевая*», «*Передъ ветхой избенкой*», «*Тучи*», «*Мой садикъ*», «*Завтра*», «*Нищіе*», «*Цвѣтокъ*», «*Въ бурю*», «*Дѣти и птичка*», «*Зимній вечеръ*», «*Ребенку*», «*Дѣтство*», «*Легенда*».

Трудно себѣ представить сборникъ, болѣе соотвѣтствующій дѣтскому и юношескому возрасту: здѣсь не только все дышетъ поэзіей, но и полно чистыхъ мыслей и чистыхъ стремленій. Какъ-то особенно весело и отрадно перечитывать подобную книжку передъ аудиторіей наивныхъ слушателей, внимательно и жадно ловящихъ каждое ваше слово. И дѣйствительно, учительница читала стихи съ большимъ одушевленіемъ; особенно удалась ей декламація любимыхъ стихотвореній: «Бабушка и внучекъ», «Капля дождевая» «Зимній вечеръ», «Птичка», и др. Въ то время какъ она читала съ паѳосомъ:

«Въ ней повѣдаю я много
«Про иной, чудесный свѣтъ,
«Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
«Ни нужды, ни горя нѣтъ...

послышались всхлипыванія пожилой одинокой женщины-прачки, занесенной судьбою изъ Польши въ чужой ей край и чувствующей себя здѣсь какъ-то особенно одинокой. Эти слезы и разъясненіе, почему именно плачетъ она, произвели, очевидно, на всѣхъ такое впечатлѣніе, что, когда мы кончили читать и я спросила, кому какіе стихи

больше нравятся, всѣ взрослыя, безъ исключенія, отвѣчали: «Птичка»; дѣтямъ-же больше всего понравилось «Бабушка и внучекъ» и они усиленно просили дать имъ сборникъ домой, чтобы заучить на память это стихотвореніе.

Въ то время, какъ я уговаривала дѣтей не толпиться впередъ и не роптать, что въ первую очередь не всѣмъ можетъ быть роздана книжка, имѣющаяся у меня въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, я замѣтила добродушнаго батюшку, который силился въ толпѣ протиснуться ко мнѣ. Во все время чтенія я видѣла, впрочемъ, издали это красное сіяющее лицо, которое въ значительной степени воодушевляло меня. Я велѣла дѣтямъ разступиться, а онъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ тихимъ, прочувствованнымъ голосомъ: «Вѣроятно, у васъ собственныя дѣтки есть, что вы усвоили себѣ такое ласковое, истинно материнское обращеніе съ ними?»

Я разсказала ему и о дѣтяхъ своихъ, и о внукахъ, и о маленькихъ ученикахъ семейной школы, но не призналась только въ одномъ, что эти обездоленныя, оборванныя дѣтки гораздо милѣе мнѣ тѣхъ нарядныхъ, счастливыхъ дѣтей и кажутся мнѣ болѣе непосредственными и симпатичными.

— У меня и еще есть къ вамъ дѣльце, собственно вопросикъ одинъ,—продолжалъ батюшка, вытаскивая изъ кармана листъ сѣрой бумаги съ перечнемъ названій книгъ, написаннымъ мелкимъ почеркомъ.—Мы вотъ долго по вашей книгѣ справлялись—«Что читать народу», какія собственно произведенія слѣдуетъ нашимъ школьникамъ читать, и составили этотъ списокъ. Я и деньжонокъ съ собою соотвѣтствующее количество захватилъ; не знаю только, гдѣ у васъ книжные магазины въ Харьковѣ и отперты-ли они по воскресеньямъ? А до завтра мнѣ невозможно оставаться: ѣхать надо.

Я взяла въ руки объемистый списокъ, на которомъ такъ и сіяли названія разсказовъ, неодобренныхъ каталогомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ того, я узнала навѣрное, что всѣ книжные магазины заперты. Что тутъ дѣлать? Я посмотрѣла на итогъ этого огромнаго списка книгъ со тщательно проставленными цѣнами и прочла подъ чертой: «всего на сумму 6 руб. 94 коп.».

— Вотъ что,—сказала я добродушному священнику:—позвольте мнѣ сдѣлать маленькое приношеніе для вашей кременчугской школы а именно: скупить завтра книги и выслать вамъ почтою?

Батюшка не сразу понялъ мое предложеніе; онъ опять полѣзъ въ свой глубокій карманъ, вытащилъ оттуда большой кожанный кошель и сталъ, было, отсчитывать 6 руб. 94 коп. И когда я пояснила свое предложеніе, онъ умилился чуть не до слезъ этой неожиданностью.

Но вотъ вопросъ, что дѣлать мнѣ теперь съ этимъ спискомъ? Съ

одной стороны, такъ привлекательно снабдить захолустье порядочными книгами, не вошедшими въ каталогъ, и, благодаря наивному невѣдѣнію руководителей, распространить ихъ въ народѣ, а съ другой стороны, имѣешь-ли ты нравственное право рисковать благоденствіемъ полезнаго учрежденія, созданнаго этими добродушными людьми? Ужасно трудно мнѣ бываетъ разобраться въ этихъ вопросахъ. Вотъ почему я чрезвычайно люблю обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ человѣку, въ которомъ въ данный моментъ воплощается для меня разумъ и совѣсть. Человѣкъ этотъ рѣшилъ, что необходимо беречь учрежденіе, и потому высылаю изданія, вошедшія въ каталогъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и одобренныя книгою «Что читать народу».

Когда нашъ кременчугскій гость уходилъ изъ школы, ему предложили книгу, въ которую у насъ постороннія лица записываютъ свои наблюденія. Вотъ, что написалъ въ ней добродушный пастырь:

«9-го февраля съ великимъ удовольствіемъ былъ я на урокахъ въ школѣ. Безкорыстное и усердное отношеніе всѣхъ тружениковъ къ дѣлу выше всякаго описанія. Сердечную благодарность приношу Христинѣ Даниловнѣ за то сочувствіе, какое я нашелъ къ воскресной школѣ въ Кременчугѣ. А. К.».

Суббота, 15-го февраля 1892 г.

Все это время я собиралась посѣтить народную читальню, но никакъ не могла урвать для этого свободной минуты, несмотря на то, что къ дѣлу этому лежали всѣ мои симпатіи и что я считала себя съ нимъ въ нравственномъ родствѣ. Въ родствѣ-же съ нимъ я считала себя вотъ почему. Въ прошломъ году, въ собраніи Общества грамотности былъ возбужденъ вопросъ о необходимости издавать книги для народа. Вполнѣ сочувствуя этому, я, тѣмъ не менѣе, возвысила свой голосъ и сказала, что прежде, чѣмъ издавать новыя книги, необходимо доставить народу возможность читать тѣ, которыя существуютъ уже. Вотъ почему, если приходится выбирать одно изъ двухъ почтенныхъ дѣлъ, то, на мой взглядъ, читальня громче вопіетъ о своемъ скорѣйшемъ осуществленіи. Мысль эта была встрѣчена сочувственно и занесена въ протоколъ. Я предложила также назвать это новое учрежденіе «Первой народной читальней въ Харьковѣ» и пожертвовала на нее первую сотню рублей. Но когда дѣло дошло до практическаго осуществленія, я, по обыкновенію, совершенно устранилась отъ него, согласно принятому мною правилу не разбрасываться, и его осуществили люди, которые раньше, чѣмъ я, задумали его и относились къ нему съ бо́льшей горячностью, съ бо́льшимъ энтузіазмомъ. Я ограничилась только посѣщеніемъ двухъ собраній, а сегодня, наконецъ, удосужилась побывать и въ самой читальнѣ.

Мнѣ предложили въ ней, между прочимъ, записать свои впечатлѣнія въ «Книгу замѣчаній», что я и исполнила съ величайшимъ удовольствіемъ. Вотъ что написала я туда:

«15 февраля (Масляная) оказалось первымъ днемъ, когда я получила возможность, не покидая своей маленькой семейной школы и большой воскресной, предпринять далекое путешествіе въ интересующую меня народную читальню.

«Прежде всего меня пріятно поразила вся внѣшняя обстановка читальни: большія свѣтлыя комнаты, чистенькая, какъ съ иголочки, мебель, симметрично разставленныя книги, между которыми я съ удовольствіемъ замѣтила толстыя и узнала, что каталогъ читальни, обширнѣе нашего школьнаго каталога. Не понравилась мнѣ только «штрафная» книга на конторкѣ, по существу своему носящая несоотвѣтствующее названіе, и я назвала бы ее «Книгой замѣчаній». Мы читаемъ въ ней: «такой-то курилъ и получилъ замѣчаніе», «потерялъ свой входной билетъ» и т. д. Гдѣ-же тутъ штрафы? Между тѣмъ это грозное названіе производитъ непріятное впечатлѣніе въ *народной* читальнѣ.

«Замѣтила я еще одинъ недостатокъ, присущій, впрочемъ, всѣмъ школамъ и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ; это не мѣшаетъ, однако, преслѣдовать его всюду во имя сбереженія дѣтскаго зрѣнія, и лица, безкорыстно отдающія свой трудъ и время этому доброму дѣлу, моглибы, я думаю, взять на себя еще лишнюю заботу—слѣдить за тѣмъ, чтобы, читая, дѣти не наклонялись слишкомъ близко къ книгѣ. Конечно, по отношенію къ взрослымъ такого рода замѣчанія неумѣстны, но раціональная бесѣда съ дѣтьми по этому поводу, выслушанная взрослымъ человѣкомъ, могла-бы и ему принести пользу въ этомъ направленіи. На одномъ изъ общихъ собраній сотрудницъ читальни я узнала (это было въ самомъ началѣ ея существованія), что въ ней отсутствуетъ какая-бы то ни было дисциплина: малолѣтки, по преимуществу наполняющіе ее, громко разговариваютъ, хохочутъ, затѣваютъ игры и даже дерутся. Это отсутствіе дисциплины показалось мнѣ особенно неудобнымъ при мысли о привлеченіи *взрослыхъ* читателей. Такого рода условія могли дискредитировать читальню въ глазахъ серьезнаго простолюдина. Вотъ почему въ собраніи этомъ я очень горячо настаивала на необходимости дисциплины. Но, доказывая это, я вмѣстѣ съ тѣмъ задавалась вопросомъ, какъ именно встрѣчены будутъ эти жесткія слова молодежью, относящейся къ дѣлу съ увлеченіемъ, которое часто не выноситъ анализа; не прозвучитъли для нихъ слишкомъ черство несимпатичное слово «дисциплина» и не вызоветъ-ли протеста и порицанія? И дѣйствительно, возраженія были довольно рѣзки; очевидно, большинство было противъ

меня, такъ что вскорѣ я позволила даже сказать себѣ: «у васъ нѣтъ народной читальни, у васъ есть только дѣтскій клубъ».

«Возвращаясь изъ этого собранія, я чувствовала душевную боль при мысли, что произвела отрицательное впечатлѣніе на эту идейную молодежь, добрымъ мнѣніемъ о себѣ которой такъ дорожу я, тѣмъ не менѣе, я не раскаивалась въ томъ, что должна была сказать по совѣсти. Къ моему величайшему удовольствію, въ непродолжительномъ времени я услыхала, что въ этой самой тетрадкѣ, въ которой пишу я теперь, записана мнѣ благодарность за водвореніе новыхъ порядковъ.

«Сегодня-же я могла удостовѣриться во-очію, насколько удалось имъ это благоустройство. Я застала здѣсь до 60-ти человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полную возможность читать углубившись, читать серьезно. Изъ этихъ 60-ти читателей было до 40 дѣтей и подростковъ, но всѣ они очень внимательно впивались глазами въ «Спящую царевну», «Аленькій цвѣточекъ», въ «Робинзона» и др. дѣтскія книги. Взрослая дѣвушка-модистка тоже внимательно разсматривала модный журналъ и читала надписи надъ картинками. Большой простолюдинъ, заслонившись рукой, весь ушелъ въ разсматриваніе каталога. Остальные простолюдины всѣ, безъ исключанія, читали газеты. Мнѣ очень понравилась мысль о выпискѣ моднаго журнала для тѣхъ, кому искусство это даетъ кусокъ хлѣба. Мнѣ очень понравились каталоги, дающіе возможность и ребенку, и подростку, и взрослому задуматься надъ тѣмъ, что читать ему, какъ много разнообразныхъ книгъ существуетъ на свѣтѣ и почему однѣ записаны подъ рубрикой *исторіи*, другія—*географіи*, третьи — *естествознанія*. Но интереснѣе, трогательнѣе всего мнѣ было видѣть этихъ пожилыхъ бородатыхъ ра́ботниковъ съ газетой въ рукахъ. Что́ именно читаютъ они въ ней и ка̀къ читаютъ, казалось мнѣ самымъ интереснымъ вопросомъ. Вообще читальня произвела на меня самое чарующее впечатлѣніе, если можно такъ выразиться о такомъ сѣренькомъ, будничномъ, узкомъ дѣлѣ, какъ называютъ его иные.

«Мнѣ всегда ужасно не нравится видѣть интеллигентнаго читателя и гимназическій мундиръ, посягающими на скудный запасъ книгъ народной читальни. Но сегодня впечатлѣніе отъ подобнаго факта получилось совсѣмъ иное: среди простонародья какой-то подростокъ-гимназистъ сосредоточенно, серьезно впился глазами въ толстую книгу. И когда я взглянула, какъ изношена его гимназическая куртка, какъ худо и блѣдно его лицо; когда подумала, что, быть можетъ, онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ этой народной читальни, что, быть можетъ, и самъ онъ вышелъ или намѣревался только выйти изъ этого народа, мнѣ показалось вдругъ, что присутствіе его здѣсь

вполнѣ желательно и нормально и что онъ имѣетъ полное нравственное право пользоваться этими книгами, пожертвованными для народа.

Х. Алчевская».

Меня упрекаютъ часто въ томъ, что, отдавшись безраздѣльно созданной мною воскресной школѣ и книгѣ «Что читать народу», я эгоистически сторонюсь отъ другихъ дѣлъ и упрямо уклоняюсь отъ какого-либо въ нихъ участія. Такого рода обвиненіе я нахожу для себя слишкомъ тяжелымъ, и потому намѣрена оправдываться хотя въ своемъ школьномъ дневникѣ.

Начну съ коммиссіи народныхъ чтеній. Правда, я не принимаю въ ней горячаго и непосредственнаго участія, но я пріобрѣла, имѣя въ виду это дѣло, значительную коллекцію картинъ для волшебнаго фонаря и ни разу не отказала подѣлиться ими ни съ народными аудиторіями, ни съ гг. военными, устраивающими чтенія для солдатъ.

Перехожу къ Обществу взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ. Когда мысль о немъ возникла у одного изъ участниковъ нашей школы, Н. М. В., я каждый разъ отводила мѣсто для обсужденія этого вопроса на нашихъ педагогическихъ засѣданіяхъ и относилась къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Несмотря на недосугъ и болѣзненное состояніе, я была на первомъ собраніи Общества, гдѣ шелъ вопросъ о выборѣ предсѣдательницы и членовъ правленія, —вопросъ, которому я придавала громадную важность. Я уговорила поѣхать со мною туда сестру мою М. П., которая всю жизнь служила интересамъ этого добраго дѣла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгала всякаго рода регламентацій, говоря, что все это чуждо ей.

Вспомнивши тамъ-же о женщинѣ, потерявшей дѣтей и безцѣльно, одиноко влачащей свою печальную жизнь, я поѣхала прямо изъ собранія къ ней на домъ, уговорила ее отправиться туда со мною и сдѣлаться членомъ правленія. И вотъ, когда недавно я вошла въ залъ городской думы, гдѣ происходило засѣданіе Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ, и взглянула на лицъ, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, я увидѣла прекрасное спокойное лицо предсѣдательницы, на выборѣ которой такъ горячо настаивала я тогда,—товарища предсѣдателя, умную и образованную женщину, страстно увлекшуюся этимъ дѣломъ, несмотря на свое слабое здоровье, и членовъ правленія, по преимуществу рекомендованныхъ мною. Взглянувши на эти знакомыя мнѣ лица, я вдругъ почувствовала съ ними нравственное сродство и, несмотря на то, что давала себѣ слово не мѣшаться въ пренія этого чужого мнѣ собранія съ неизвѣстными вопросами и внутренними распорядками, всѣ эти вопросы показались вдругъ такъ близки и знакомы мнѣ, что я говорила по каждому изъ нихъ, говорила горячо, съ одушевленіемъ.

Но что было удивительнѣе всего на этомъ симпатичномъ для меня собраніи, такъ это умѣнье высокопоставленной женщины предсѣдательствовать на собраніи. Она вела засѣданіе такъ спокойно, такъ умно, съ такимъ тактомъ и знаніемъ дѣла, что я просто не могла отвести отъ нея глазъ. Умѣнье толково ставить вопросъ, серьезно и учтиво руководить преніями, формулировать въ концѣ высказанныя мнѣнія—всѣмъ этимъ съ избыткомъ обладала женщина-предсѣдатель. Въ жизни моей я никогда не видѣла человѣка, обладающаго до такихъ тонкостей этимъ искусствомъ. Наблюдая за нею съ восторгомъ и невольно сравнивая съ нею себя, я вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что какой-то червякъ зависти шевелится у меня въ сердцѣ.

Когда мы, возвращаясь домой, спускались съ лѣстницы, одна изъ учительницъ нашей школы нагнала меня и сказала, улыбаясь, о предсѣдательницѣ: «вотъ, Христина Даниловна, достойный вамъ конкуррентъ!»

— Что вы, что вы!—возразила я ей горячо.—Это идеалъ предсѣдателя; она обладаетъ всѣми условіями, которыя требуются для этого: спокойствіемъ, тактомъ, умѣньемъ молчать во-время, а я вѣчно кипячусь, перебиваю другихъ, говорю подчасъ рѣзкости; какой я предсѣдатель?!

Но, говоря это, я, какъ-бы въ утѣшеніе, спрашиваю себя: «любитъ-ли она свое дѣло такъ, какъ люблю его я; живетъ-ли такъ безраздѣльно жизнью своего собранія, какъ живу я, и не въ этомъ-ли заключается сила моего предсѣдательства?!»

Чувствую, что уклонилась въ сторону отъ вопроса, поставленнаго мною выше, и потому перехожу къ мужской воскресной школѣ. Думаю, что замѣтка изъ моего стараго дневника, которая попалась мнѣ недавно на глаза, вполнѣ можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ, существуетъ-ли у меня нравственная связь съ мужской воскресной школой.

Вотъ эта замѣтка:

11-го апрѣля 1889 г.

Мысль объ открытіи въ Харьковѣ мужской воскресной школы впервые была высказана въ нашемъ собраніи; затѣмъ, мы возвращались къ ней еще и еще разъ, и въ концѣ концовъ я заявила, что не имѣя силъ и возможности принять непосредственное участіе въ устройствѣ этой школы, я, тѣмъ не менѣе, всей душой сочувствую ей и готова помочь, чѣмъ и какъ могу. Я говорила, что если найдутся иниціаторы этого дѣла, я охотно предложу учебныя пособія на 100 человѣкъ и организую школьную библіотеку. Иниціаторы нашлись, и вотъ 5-го марта 1889 г. въ свѣтломъ школьномъ залѣ пе-

редъ иконой, убранной зеленью и цвѣтами, стоялъ священникъ въ полномъ облаченіи, а по-одаль—группа учителей и учительницъ слѣва, а справа 18 учениковъ, первыхъ піонеровъ воскресной школы, откликнувшихся на предложеніе учиться. Вся эта обстановка настолько тронула мою душу, что приливъ слезъ засталъ меня совсѣмъ врасплохъ и, закрывши глаза платкомъ, я тихо плакала въ продолженіе всего молебна, безсильная унять эти слезы, и даже стаканъ воды, обязательно принесенный мнѣ добродушнымъ школьнымъ сторожемъ, не оказалъ на меня ни малѣйшаго дѣйствія.

Мнѣ все казалось здѣсь трогательнымъ, все умиляло меня: и мысль, что, наконецъ-то, осуществилась моя давнишняя мечта, и воспоминаніе объ открытіи *нашей* воскресной школы, и группа новыхъ учителей и учительницъ, и эти плохо одѣтые дѣти, подростки и взрослые, пришедшіе сюда искать свѣта, и даже самый священникъ съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ и съ черными съ просѣдью волосами, котораго я знала когда-то, много лѣтъ назадъ энтузіастомъ-юношей. Мы мечтали тогда съ нимъ о томъ, чтó и кàкъ сдѣлаемъ въ жизни, и вотъ теперь, на склонѣ лѣтъ, сошлись у дѣла, столь близкаго къ нашимъ прежнимъ мечтаніямъ.

— О чемъ вы плакали вчера на молебнѣ?—спрашивалъ меня на другой день не безъ удивленія одинъ изъ иниціаторовъ школы.

— Если вы не можете уяснить себѣ самостоятельно причины этихъ слезъ, то никакія слова не могутъ помочь узнать ее, — отвѣчала я.

Въ число преподавателей и преподавательницъ школы попали лица, относящіяся ко мнѣ лично въ высшей степени несправедливо и недобросовѣстно. Но, работая надъ собой 25 лѣтъ и силясь научить себя отдѣлять людей отъ дѣла, я вдругъ почувствовала на 26-мъ году, что усилія мои увѣнчались успѣхомъ и отношенія мои къ школѣ остались такими же искренними и дружелюбными. Меня огорчало только одно, что иниціаторы школы какъ-бы сторонились меня, какъ-бы боялись моего вмѣшательства и вторженія, несмотря на то, что я была далека отъ этого. Меня ни разу не пригласили на эти собранія, хотя на нихъ бывали люди, не имѣющіе ничего общаго со школой.

И вотъ, на 1-й день Свѣтлаго Христова Воскресенья мнѣ доложили, что сторожъ *мужской* воскресной школы пришелъ поздравить меня съ праздникомъ. При этомъ извѣстіи я вдругъ поняла, что этотъ простой и непосредственный человѣкъ почувствовалъ своимъ незлобивымъ сердцемъ ту связь, которая лежитъ между мною и мужской воскресной школой и, чуждый опасеній интеллигентныхъ людей, пришелъ поздравить меня.

Отбросивъ всякаго рода приличія, я оставила моихъ именитыхъ

гостей и быстро направилась въ переднюю, гдѣ ждалъ меня мой дорогой гость. Передо мною стоялъ человѣкъ съ типичнымъ малорусскимъ лицомъ, обстриженный въ кружокъ, въ коричневой малорусской чамаркѣ. Я была рада ему до замѣшательства, до того состоянія, когда не знаешь, что́ и ка̀къ сказать, и теряешься, гдѣ посадить гостя и чѣмъ угощать.

— А почемъ вы меня знаете?—говорила я сконфуженно и сбивчиво.

— А як-же! — отвѣчалъ онъ мнѣ чистымъ малорусскимъ нарѣчіемъ, — я-ж вас на моле́бні бачив, ще й води вам приніс, як ви плакали.

— А мальчиковъ нашихъ магазинскихъ знаете?

— Ще-б то не знав, знаю! та я й сам вчусь, хіба це со́ром?

И онъ развилъ цѣлую теорію о томъ, что взрослому человѣку вовсе не стыдно начинать учиться и что гораздо стыднѣе сидѣть въ шинкѣ и пьянствовать.

Я возвратилась къ моимъ гостямъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа.

Воскресенье, 16-го февраля 1892 г.

Въ воскресенье, 9-го февраля, я обратилась ко всѣмъ ученицамъ съ вопросомъ, будемъ-ли мы заниматься въ послѣдній день масляной—16-го февраля? Мнѣ не хотѣлось вносить педантизма и нравоученія въ этотъ вопросъ, а потому я говорила откровенно и весело, что въ этотъ день, пожалуй, каждому хочется повеселиться—и ученицамъ, и учительницамъ. Моя откровенная рѣчь вызвала откликъ сочувствія и множество молодыхъ голосовъ повторило въ различныхъ концахъ залы: «ужъ такъ и быть—будемте веселиться!»

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту волну откровенности и веселья, мнѣ лично очень жаль было пропускать занятія съ моими ненаучившимися еще грамотѣ ученицами и я столковалась съ ними подъ шумокъ, чтобы онѣ пришли ко мнѣ, если хотятъ, въ слѣдующее воскресенье. Но столковалась я съ ними не лично, а черезъ свою молодую сотрудницу, ради того, чтобы не оказать на нихъ, такъ сказать, давленія.

Придя сегодня въ школу, я съ радостью увидѣла цѣлыхъ семь ученицъ. Причина неявки другихъ была также основательная: родные ихъ отправились въ гости и некому было стеречь домъ.

Въ занятіяхъ нашихъ въ этотъ исключительный день было не мало для меня радостнаго, чего не узнала-бы я, еслибъ праздновала дома. Такъ, напр., Анна М., пропустившая прошлое воскресенье, не только усвоила два звука, справившись у Мареы Т., что было пройдено безъ нея, но научилась по азбучкѣ писать цыфры до 10. Когда я просматривала ея домашнія работы, она съ какой-то затаенной

тревогой смотрѣла на меня своими карими умными глазами, очевидно, волнуясь вопросомъ, то-ли и такъ-ли сдѣлано ею.

Оказалось, что Мароа Т. усердно занималась всю недѣлю съ Лукерьей В., хотя и пришла отъ нея въ отчаяніе. «Хоть учи, хоть нѣтъ,—разсказывала она Аннѣ М.,—ничего не понимаетъ!»

— Ничего, научится!—сказала я ей въ утѣшеніе.

— Гдѣ тамъ научиться?!—возразила мнѣ на это Анна М.—Она какая-то дурная!.. Вотъ и сегодня не пошла въ школу безъ всякой причины! Спрашиваю ее: пойдешь?—«Нѣтъ!»—Почему?—«Да такъ!..» А послѣ говоритъ: «Я 2—3 недѣли еще похожу и брошу — будетъ съ меня!»

«Нечего сказать, утѣшила!» подумала я, вспоминая глупое лицо и глупую улыбку Лукерьи В.

Подъ впечатлѣніемъ этого разсказа я опять начала наводить справки объ Ольгѣ Т. и опять та-же Анна М. сказала мнѣ: «Я замѣтила, что вы интересуетесь, почему онѣ не ходятъ, и теперь, какъ повстрѣчаюсь съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, сейчасъ начинаю разспрашивать. Ольга Т. говоритъ: «Пошла-бы, да не смѣю: стыдно, что давно не была, что другія безъ меня впередъ ушли и придется Христинѣ Даниловнѣ съ одной со мной, дурой, возиться». Мнѣ просто до слезъ стало жаль Ольгу Т. и я убѣдительно просила Анну М., чтобы Ольга пришла ко мнѣ, если можно, на домъ, догнать другихъ ученицъ.

Въ это воскресенье я обратила особенное вниманіе на чтеніе ученицъ и была умилена тѣмъ, какъ превосходно читаютъ всѣ онѣ первыя три страницы азбуки. Но умиленіе это оказалось неосновательнымъ: оказалось, что онѣ заучили на память всѣ слова первыхъ двухъ страницъ. И когда я заставила прочитать незнакомую фразу въ 4 слова—«*и шум и гам*», никто не въ силахъ былъ сладить съ нею. Положимъ, заучить наизусть неграмотному человѣку 50 печатныхъ словъ—не легко и даже умилительно, но это не значитъ читать ихъ правильно, какъ, было, предположила я. Съ помощью картинокъ «Наглядной Азбуки», фактъ этотъ также не разъ наблюдался мною и, пожалуй, вглядываясь въ него, необходимо признать, что отсутствіе картинокъ въ азбукѣ Г. можно отнести только къ ея достоинствамъ.

Когда очередь дошла до дворничихи, оказалось, что за эту недѣлю она научилась отъ мужа читать по складамъ бойко, быстро, умѣло, но только по складамъ. Положимъ, я не вижу въ этомъ большой бѣды: научились-же мы всѣ читать, учась по складамъ; тѣмъ не менѣе, я въ деликатной формѣ просила ее не складывать, а читать сразу, что ей удалось какъ нельзя лучше. Тогда я пригласила молодую учительницу, пришедшую посмотрѣть на мое преподаваніе, послушать, какъ читаетъ моя дворничиха. Но, къ величайшему моему

удивленію и огорченію, почувствовавши около себя чужого человѣка, бѣдная женщина покраснѣла и совершенно утратила способность читать. Вмѣсто *ау* она читала *ум*, вмѣсто *уа—ура* и т. д. Когда барышня отошла наконецъ, дворничиха, отирая потъ съ лица ситцевымъ платочкомъ, сказала мнѣ, какъ-бы жалуясь на самоё себя: «Одна сижу въ комнатѣ, читаю просто, какъ грамотная, будто на свѣтъ родилась съ этимъ чтеніемъ, а при людяхъ точно мысли кто запутываетъ. При васъ-таки еще ничего—привыкла, а при чужихъ, хоть ты убей меня, ничего не помню».

Я объяснила ей, что такое робость, конфузъ и говорила ей, что въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго и что робкихъ и конфузливыхъ людей много на свѣтѣ.

Позанимавшись два часа сряду, которые пролетѣли для насъ совсѣмъ незамѣтно, мы пошли пить чай въ музей. Чаепитія у насъ въ школѣ собственно не полагается. Обыкновенно ученицы сами приносятъ съ собою свой скудный завтракъ въ видѣ кусочка хлѣба и рѣдко—ломтика колбасы. Но тутъ мнѣ хотѣлось поступить по праздничному и я велѣла своему слугѣ притащить въ школу самоваръ и 18 чашекъ.

Нашъ маленькій масляничный пикникъ удался какъ нельзя лучше. Но прежде, чѣмъ говорить о немъ, я должна сказать нѣсколько словъ объ одной изъ нашихъ участницъ. Когда я пришла въ школу, я узнала, что, кромѣ меня, нашлась еще одна учительница, рѣшившая собрать втихомолку въ этотъ день своихъ ученицъ. Я и прежде слышала, что отношенія маленькихъ звуковиковъ къ этой молоденькой учительницѣ и ея къ нимъ можно признать идеальными. «Это *моя* барышня!» говоритъ обыкновенно съ гордостью такая ученица. И въ этомъ мѣстоименіи звучитъ такое неотъемлемое право собственности, что, когда вы, въ силу вещей и въ интересахъ самой ученицы, переводите ее въ другую группу, ея дѣтскому отчаянію нѣтъ границъ.

Какъ-то школу нашу посѣтилъ одинъ косноязычный молодой человѣкъ, строгій критикъ, и, осмотрѣвши ее внимательно, остановился съ иронической усмѣшкой на слѣдующемъ вопросѣ: «почему ученицы называютъ учительницъ барышнями?» Я не нашлась въ ту минуту, что мнѣ отвѣтить ему, такъ какъ никогда не задумывалась надъ этимъ, а затѣмъ мнѣ показалось, что дѣло собственно не въ названіи и что нѣтъ большой бѣды въ томъ, если барышня называется барышней. Важно только, чтобы эти маленькія и большія ученицы знали, что барыни бываютъ *разныя* — умныя и глупыя, добрыя и злыя, простыя и чванныя.

Мы вошли въ школу вмѣстѣ съ молоденькой учительницей. Уви-

дѣвши моихъ ученицъ и узнавши, что изъ ея группы нѣтъ никого, дѣвушка имѣла нѣсколько сконфуженный видъ; но, очевидно, она такъ настроилась заниматься сегодня, что ей не хотѣлось уходить изъ школы, и она осталась здѣсь поджидать.

Я пошла заниматься, по обыкновенію, въ залу, позабывъ о молоденькой учительницѣ, которая оставалась въ смежной комнатѣ.

Прозанимавшись часъ съ лишнимъ, я пошла узнать, не готовъ-ли самоваръ, и совершенно неожиданно наткнулась на такую картинку съ натуры на одной изъ длинныхъ классныхъ скамеекъ сидѣла молоденькая учительница, а рядомъ съ нею темноглазая дѣвочка лѣтъ 9-ти. Учительница обвила ея шею рукой и, слегка наклоняясь къ ней, читала ей какую-то книжку; ей хотѣлось, очевидно, чтобы маленькая малограмотная дѣвочка слѣдила глазами по книжкѣ за тѣмъ, что громко читаетъ она; но дѣвочка, охваченная силой впечатлѣнія, вперила въ лицо учительницы свои умные глаза, совершенно позабывъ, очевидно, о возложенной на нее обязанности. Мнѣ подумалось, впрочемъ, въ эту минуту, что каждый, на мѣстѣ дѣвочки, сдѣлалъ-бы то-же,—настолько лицо учительницы было прекрасно; въ немъ было столько нѣжности, кротости, разума, любви, что я молча и съ благоговѣніемъ невольно остановилась передъ этой живой картиной. Онѣ читали разсказъ Толстого «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ». И глядя на нихъ, я чувствовала всѣмъ сердцемъ этого Бога любви. Мнѣ припомнилось лицо этой дѣвушки въ настоящей живой картинѣ, на сценѣ, въ картинѣ «Бой купца Калашникова». Мѣховая шапочка какъ-то бойко и граціозно сидѣла на ея хорошенькой головкѣ, изъ-подъ темныхъ бровей весело и смѣло смотрѣли ея красивые глаза, жизнерадостная улыбка помимо воли подергивала ея розовыя губы и, кутаясь въ мѣховую шубку, она смотрѣла, казалось, не на бой купца Калашникова, а куда-то вдаль, и улыбалась этой дали, этому загадочному будущему...

Лицо дѣвушки было во-истину прекрасно тогда, но въ эту минуту оно казалось мнѣ еще лучше, еще осмысленнѣе, еще прекраснѣе.

Существуетъ повѣрье, будто общественной дѣятельностью занимаются только некрасивыя женщины, утратившія надежду на личное счастье. Какое это противное повѣрье и какъ, по моему, красивыя женщины должны стремиться настоятельно разрушить его! Когда я была молодою и мнѣ дѣлали комплименты, они были особенно пріятны для меня при мысли, что это не мѣшаетъ мнѣ работать въ школѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать лишній разъ разрушенію существующаго противнаго мнѣ предразсудка.

Когда мы пошли пить чай, я пригласила молодую учительницу и ея маленькую ученицу идти съ нами за компанію; пригласила и

еще одну дѣвочку изъ старшей группы, которой не хотѣлось возвращаться немедленно домой, приходя изъ страшной дали, и которую я снабжала книгой для чтенія.

Молодая учительница вызвалась хозяйничать и наливать чай. Въ манерахъ ея было столько простоты и сердечности, что даже моя Маша послѣ минутнаго колебанія, какимъ образомъ сядетъ она пить чай со мной, улыбающаяся и немножко сконфуженная усѣлась подъ ея крылышко и, какъ-бы желая искупить чѣмъ-либо свою фамильярность по отношенію ко мнѣ, быстро и ловко передавала чашки во всѣ стороны.

Мнѣ припомнился при этомъ невольно слѣдующій эпизодъ: какъ-то во время репетиціи дѣтскаго театра изъ родителей никого не было, а собрались только наши слуги посмотрѣть на эту комедію. Они подобострастно ютились въ дверяхъ, а я силилась привлечь ихъ ближе.

— Прасковья, садитесь вотъ здѣсь! — говорила я, почти силою усаживая ее рядомъ съ собою. И въ то время, какъ мнѣ удалось усадить ее со мною, моя маленькая дочь, которой было тогда 2—3 года, подошла ко мнѣ и, глядя на меня въ упоръ своими большими серьезными глазами, сказала: «развѣ Прасковьѣ можно сидѣть рядомъ съ тобою?» Мнѣ сдѣлалось до слезъ стыдно и больно отъ этого вопроса; я какъ-будто увидѣла во-очію источникъ того предразсудка, изъ котораго такъ рано черпаютъ воду наши дѣти.

Простота обращенія молодой учительницы и мой многолѣтній навыкъ къ общенію съ простыми людьми сдѣлали нашу бесѣду совсѣмъ безцеремонной. Ульяна Б. разсказывала, какъ мирно и хорошо живетъ она съ невѣсткой и какъ та все дѣлаетъ за нее въ хозяйствѣ по воскресеньямъ. Дворничиха сообщала о тяжкой болѣзни своего барина, вздыхая и жалѣя его. Еще одна дѣвушка описывала, какія шустрыя дѣтки ея племянникъ и племянница, и какъ трехлѣтняя дѣвочка пристаетъ къ ней, чтобы она учила ее грамотѣ. Учительница-барышня, какъ-бы въ тонъ ей, разсказывала анекдоты о своихъ маленькихъ племянникахъ. Одна изъ ученицъ передавала, кто, когда и какъ направилъ ее въ школу... И въ общемъ чувствовалось столько непринужденности и веселости, что намъ, навѣрное, могли-бы позавидовать ученицы и учительницы, оставшіяся праздновать масляницу и дома, и въ гостяхъ.

Суббота, 22-го февраля 1892 г.

Я больна и больна такъ, что могу пропустить завтра занятія въ школѣ. Боже мой, какъ мнѣ это грустно и больно, и въ особенности въ виду моей предполагаемой поѣздки въ Петербургъ! Мнѣ такъ невыразимо хотѣлось-бы проститься съ ученицами, поручить ихъ попеченію А. Д. Г., просить ихъ не покидать безъ меня школы— и ничего этого я не сдѣлаю по случаю этой неумѣстной, противной

болѣзни. Тѣмъ не менѣе, нужно что-нибудь предпринять въ виду невозможности быть въ школѣ, и вотъ я пишу А. Д. слѣдующее:

«Многоуважаемая и дорогая А. Д.!

Я больна и въ школѣ быть не могу. Вотъ почему позвольте намѣтить планъ программы, которую необходимо пройти сегодня.

1-й часъ. Просмотрѣть домашнія работы ученицъ; высказать имъ объ этихъ работахъ свое мнѣніе; отмѣтить въ отчетѣ, кто былъ и кто не былъ изъ нихъ; разспросить пропустившихъ прошлое воскресенье, почему онѣ не были; записать это въ отдѣльную тетрадку, которую я посылаю вамъ, и заняться повтореніемъ пройденныхъ звуковъ.

2-й часъ. Показать новые звуки *л* и *н* и всѣ упражненія на нихъ.

3-й часъ. Ариѳметика.

4-й часъ. Взять въ отдѣльную комнату для занятій тѣхъ, которыя пропустили прошлое воскресенье и отставали въ настоящемъ, сильнѣйшихъ-же оставить на чтеніи.

Прошу передать ученицамъ мой искренній привѣтъ и сожалѣніе, что не могла придти въ настоящее воскресенье. Кромѣ того, прошу сообщить имъ, что я уѣзжаю временно въ Петербургъ и что пропущу, вѣроятно, еще 2 воскресенья; что я поручила вамъ заниматься съ ними и надѣюсь, что онѣ и безъ меня, какъ при мнѣ, будутъ посѣщать аккуратно школу.

Прошу васъ, А. Д., не разрушать безъ меня *класснаго* преподаванія, т.-е. не пустить впередъ болѣе сильныхъ ученицъ и не разбивать одной группы на двѣ части. Если сильнѣйшія будутъ нѣсколько скучать, то обѣщайте пустить ихъ впередъ послѣ моего возвращенія. Очень можетъ быть, что я, дѣйствительно, устрою это, такъ какъ начинаю чувствовать угрызенія совѣсти за медлительность ихъ движенія впередъ.

Если я пропущу за отъѣздомъ еще 2 воскресенья, то прошу проходить въ каждое изъ нихъ два и не болѣе трехъ звуковъ.

Послѣ каждаго воскресенья прошу писать мнѣ хотя коротенькій отчетъ, что и какъ сдѣлано вами въ нашей группѣ и не встрѣчалось-ли какихъ-либо вопросовъ и затрудненій. По полученіи отъ васъ письма я обѣщаю немедленно отвѣчать вамъ.

Въ занятіяхъ вашихъ вамъ будетъ помогать Л. А. Б. и М. П. Б. Если вамъ почему-либо нельзя будетъ посѣтить школы, прошу дать знать объ этомъ М. П.

Отчетную тетрадь прошу сберечь до моего пріѣзда, занося туда аккуратно всѣ свѣдѣнія.

Простите за то, что надавала вамъ такъ много порученій, но всѣ они мнѣ кажутся необходимыми.

Искренно преданная вамъ Х. А.».

*

Вторникъ, 25-го февраля 1892 г.

Въ субботу утромъ, какъ видно изъ предыдущихъ страницъ моего дневника, я чувствовала себя совсѣмъ больной и, написавши, такъ сказать, завѣщаніе, что и какъ дѣлать съ моими ученицами А. Д. Г., легла въ постель. Ознобъ смѣнился жаромъ, и я чувствовала себя въ самомъ безпомощномъ состояніи. Въ эту минуту сынъ мой, студентъ, принесъ мнѣ газетное извѣстіе о праздновании юбилея доктора Франковскаго. Это извѣстіе совершенно взбудоражило меня: какъ, завтра будутъ праздновать 50-лѣтній юбилей этого самоотверженнаго общественнаго дѣятеля, этого друга всѣхъ сирыхъ, несчастныхъ, обездоленныхъ, а я буду лежать здѣсь, въ этой постели, не проявивши ничѣмъ своего сочувствія и благоговѣнія?.. А школа?.. Тамъ всѣ знаютъ его, начиная отъ учительницъ, живущихъ въ каменныхъ домахъ, и кончая ученицами, обитательницами подвальныхъ этажей, гдѣ свирѣпствуютъ тифъ, скарлатина и дифтеритъ. Сколько людей обязаны ему или личной жизнью, или жизнью близкихъ и дорогихъ имъ существъ! Этотъ вопросъ о личной жизни перенесъ меня въ далекое прошлое: я сидѣла, рыдая надъ колыбелью своего первенца, и, глядя на это крошечное, худенькое тѣльце, на эти высохшія ручки и ножки, была близка къ отчаянію, къ самоубійству. И въ это время какой-то свѣтлый образъ, наклонившись ко мнѣ и глядя на меня добрыми, сострадательными глазами, произносилъ тихо слова утѣшенія и говорилъ о чудесахъ, которыя часто творитъ природа... Но нѣтъ, не природа сотворила чудо надъ моимъ дорогимъ первенцемъ: его вырвали изъ рукъ смерти забота и искусство гуманнаго человѣка-врача въ союзѣ съ любовью, окружавшею эту колыбель...

Жаръ усиливается, и въ воображеніи моемъ встаетъ другая картина. Полная жизненныхъ силъ и страстнаго увлеченія дѣломъ, я ѣду въ Петербургъ на интересный турниръ двухъ выдающихся педагоговъ, моихъ друзей. Одинъ изъ нихъ создалъ книгу для народнаго чтенія, придавъ ей утилитарный характеръ, соотвѣтствующій, съ его точки зрѣнія, запросамъ деревни; другой держится иныхъ взглядовъ на народъ, на его внутренній міръ и духовные запросы. Оба они были до сихъ поръ друзьями, но проявившаяся разность взглядовъ образовала между ними пропасть, и они рѣшили выйти на арену общественнаго суда, и тамъ, передъ лицомъ публики, въ многолюдномъ собраніи Педагогическаго общества, выяснить этотъ вопросъ.

Эта рознь друзей несказанно терзала меня, миролюбиваго человѣка. Я силилась уяснить себѣ, кто изъ нихъ правъ, и не могла. Слушая одного, мнѣ казалось, что правда на его сторонѣ, слушая другого—то-же самое. Я упрекала себя въ неустойчивости, въ двуличіи; мнѣ хотѣлось рѣзко стать на ту или иную сторону, и безсонныя,

тревожныя ночи шли одна за другою. Появился жаръ, галлюцинаціи, и ко дню сраженія друзей я чувствовала себя совсѣмъ больною.

Да, они были когда-то друзьями, хотя и не видали другъ друга. Оба молодые, энергичные, впечатлительные, даровитые, они ярко выдвинулись на аренѣ общественной дѣятельности и пріобрѣли огромную популярность. Одинъ проповѣдывалъ съ каѳедры, и молодежь благоговѣйно внимала его горячимъ, блестящимъ рѣчамъ. Она шла за нимъ толпою, а онъ твердо и вдохновенно держалъ въ рукахъ своихъ знамя, на которомъ было начертано: «народное образованіе». Онъ создалъ образцовую воскресную школу, которая явилась не только школою учениковъ, но и учителей. Каждый ученикъ имѣлъ своего учителя, и этотъ учитель отдавалъ ему всего себя. Онъ не только просвѣщалъ его разумъ грамотой, урокомъ, бесѣдой,—онъ изучалъ его душу, его нравственные запросы; онъ становился его другомъ, товарищемъ-наставникомъ; онъ посѣщалъ его на дому, и отчеты этихъ идеальныхъ отношеній вы можете прочесть и теперь въ «дневникахъ», сохранившихся, къ счастью, въ печати. И въ то время, какъ его юная паства энергично работала на нивѣ народнаго образованія, учитель учителей писалъ пламенныя статьи, зажигающія сердца. Я издали слѣдила за нимъ, читала его статьи и встрѣтиться съ нимъ у любимаго дѣла—стало моею завѣтною мечтою. И я встрѣтилась съ нимъ, много говорила, много переписывалась и привыкла издавна почитать и любить его.

Другой работалъ въ захолустьѣ, въ качествѣ земскаго дѣятеля, но скоро вся Россія узнала это захолустье, и лучшіе люди того времени ѣздили туда на поклоненіе ему, его образцовымъ школамъ, его новымъ методамъ преподаванія, отъ которыхъ вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, обновляющимъ, — и для каждаго у него было теплое слово, добрый совѣтъ, горячее участіе и весь онъ безраздѣльно отдалъ себя любимому дѣлу. Блестящій ораторъ, онъ «глаголомъ жегъ сердца людей», и на земскія собранія стекались толпы, чтобы видѣть и слышать его. Я тоже знала его тогда, въ пору его блестящей, выдающейся общественной дѣятельности, и тоже привыкла почитать и любить это имя. Но оба друга не знали одинъ другого лично и были знакомы только по перепискѣ. Въ перепискѣ этой было высказано много честныхъ мыслей, много сердечныхъ изліяній, но никогда вопросъ, чѣмъ должна быть книга для сельскаго школьника, не проникалъ въ нее. Между тѣмъ это былъ тотъ самый вопросъ, который, будучи поставленъ ребромъ, долженъ былъ произвести взрывъ и заставить друзей разойтись въ разныя стороны. Близость къ народной жизни, къ матеріальнымъ нуждамъ крестьянина, горячее желаніе помочь ему — все это ярко отразилось въ книгѣ земскаго дѣятеля.

Здѣсь былъ и образецъ прошенія, подаваемаго мировому судьѣ, и рецептъ, какъ избавиться отъ прусаковъ, клоповъ и другихъ домашнихъ насѣкомыхъ, и совѣтъ, какъ въ чистотѣ и опрятности держать свое тѣло, и многое другое, безъ чего могла-бы обойтись классная книга для чтенія, имѣющая цѣлью развивать умъ и душу ребенка, а не давать ему практическіе совѣты. 20 лѣтъ спустя, авторъ книги и самъ измѣнилъ отчасти взглядъ на этотъ предметъ, и въ предисловіи посмертнаго изданія говорится слѣдующее:

«Начиная съ 13-го изданія книга эта является въ совершенно измѣненномъ видѣ, согласно желанію покойнаго автора; въ книгѣ было не мало статей, которыя имѣли узко-утилитарный характеръ, или такихъ, которымъ мѣсто въ справочной книгѣ, а не въ книгѣ для чтенія. Въ настоящемъ изданіи всѣ такія статьи исключены изъ книги».

Но тогда земскій дѣятель фанатически отстаивалъ каждую строчку и не хотѣлъ уступить ни шагу. Не того ждалъ отъ него заочный другъ, весь пропитанный идеальными взглядами на народъ и желающій перелить въ его душу свои симпатіи и вѣрованія. Вотъ что говорилъ онъ во время публичнаго состязанія въ Педагогическомъ обществѣ, въ то время какъ вся я замирала отъ волненія:

«Авторъ хлопочетъ о томъ, какъ улучшить бытъ крестьянина, сдѣлать простолюдина чистоплотнымъ, смышленымъ, но начинаетъ дѣло сверху, извнѣ, а не извнутри. Всѣ рецепты будутъ безсильны помочь дѣлу, пока крестьянинъ не получитъ общаго развитія, пока онъ не разовьется высшею стороной своего человѣческаго сознанія. Крайній утилитаризмъ, которымъ проникнута книга, по нашему мнѣнію, никогда не можетъ выполнить этой задачи. Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни крестьянинъ работаетъ безъ устали; въ школѣ его снабжаютъ рецептами, правилами, совѣтами, онъ не выходитъ изъ *дѣловой* сферы, изъ задачъ чисто-рабочаго, матеріальнаго характера. Природа—великая и мощная воспитательница человѣка—для него служитъ только полемъ рабочаго упорнаго труда, для него закрыта ея чарующая прелесть, ея обаятельная и обновляющая сила, которая могла-бы облагородить и возвысить его жизнь. Въ то время, когда подъ покровомъ чудно-прозрачной ночи, въ таинственномъ сумракѣ прохладнаго лѣса, весною, звучно раздается рокотъ соловьиной пѣсни, полной нѣги и прелести, ужели крестьянинъ долженъ, въ духѣ книги, высчитывать только, сколько соловей поѣдаетъ вредныхъ для хозяйства насѣкомыхъ и на что еще эта малая птица пригодна? Ужели такое отношеніе къ природѣ можно назвать полною жизнью, признакомъ общечеловѣческаго развитія? Нѣтъ и нѣтъ! Отчего нашъ народъ такъ любитъ пѣсню, какая ему въ ней польза? Оттого,

что народъ чутокъ къ поэтической сторонѣ жизни; оттого, что онъ безсознательно стремится воплотить и радость, и горе, безъ всякихъ интересовъ и разсчетовъ, въ пѣвучей, потрясающей душу мелодіи. И, быть можетъ, много и много спасла народу живыхъ элементовъ она—эта пѣсня народная. И ужели народъ не способенъ почувствовать прелесть поэзіи, или она для него не нужна? Кто скажетъ: «нѣтъ»?.. Прочтите «Утро» Никитина, прочтите эту чудную картину, и вы почувствуете, какъ васъ охватилъ прохладный утренній паръ, вы ощутите на вашемъ лицѣ капли «росы серебристой» съ листьевъ нечаянно задѣтаго куста, вы слухомъ услышите шумъ отлетающихъ испуганныхъ утокъ и издали доносящійся до васъ смѣшанный шумъ водяной мельницы. Это-ли не наглядное обученіе? Но мы дослушаемъ поэта;

«А востокъ все горитъ-разгорается,
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ:
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ,
По плечу молодцу все тяжелое:
Не боли ты, душа! Отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!»

«Да мы согласны съ педагогомъ, что книга для чтенія должна преслѣдовать высшую задачу истиннаго, общечеловѣческаго развитія, а не одни лишь житейскія, утилитарныя знанія. Насъ назовутъ, быть можетъ, теоретикомъ и идеалистомъ, — пусть такъ; но мы убѣждены, что только идеально-теоретическая точка зрѣнія и есть истинная въ педагогическомъ дѣлѣ».

Рѣчь эта сопровождалась самымъ восторженнымъ залпомъ рукоплесканій. Казалось, противникъ убитъ былъ наповалъ и не подняться ему на этомъ полѣ сраженія. Но вотъ продолжительные аплодисменты затихли и наступилъ моментъ самозащиты. Лицо автора книги носило слѣды тревоги, но ясный взоръ говорилъ, что онъ безгранично вѣритъ въ свою правоту и готовъ до послѣдней капли крови защищать свое дѣтище. Взглядъ этотъ не обманулъ слушателя: плавная, изящная рѣчь полилась быстрымъ потокомъ и разомъ захватила вниманіе и симпатію публики. Онъ говорилъ, что мы не въ правѣ отворачиваться эгоистически отъ язвъ народа, отъ его бѣдности, невѣжества и грязи и убаюкивать себя мыслью, что душа его полна поэзіи и творчества. Онъ говорилъ, что пора сбросить намъ брезгливое отношеніе къ этой грязи, нуждѣ и пороку и посмотрѣть имъ безбоязненно въ глаза, чтобы узнать врага, съ которымъ придется бороться намъ.

Казалось, устами его говорила сама истина. И новый залпъ рукоплесканій, такихъ-же восторженныхъ, такихъ-же неумолкаемыхъ, покрылъ послѣднія слова оратора.

Я сидѣла, низко опустивши голову, въ какомъ-то туманѣ, не двигаясь съ мѣста, и вдругъ услышала свое имя и фамилію, произнесенными громко и отчетливо съ трибуны оратора-обвинителя. Я вздрогнула, подняла голову, пристально вперила въ него свой тревожный взглядъ и стала слушать внимательно, что говоритъ онъ. Онъ предлагалъ меня въ члены Педагогическаго общества и дѣлалъ мою характеристику въ такихъ яркихъ краскахъ, что кровь прильнула къ моей головѣ и я боялась, что мнѣ сдѣлается дурно.

Рѣчь его была встрѣчена новыми шумными аплодисментами. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, и выборы казались законченными. Какъ вдругъ авторъ книги поднялся съ своего мѣста и сдѣлалъ знакъ, что онъ также желаетъ говорить по данному вопросу. Публика опять заняла свои мѣста, и, оглянувшись кругомъ, я замѣтила тревогу на лицахъ, которыя какъ-бы спрашивали себя, какого рода возраженія скажетъ онъ противъ словъ врага своего и выдержитъ-ли спокойно эти возраженія сконфуженная женщина, принесенная, быть можетъ, въ жертву этимъ пререканіямъ. Но тревога оказалась напрасной. Авторъ книги констатировалъ фактъ, что онъ знакомъ съ практической дѣятельностью этой женщины не по газетамъ, не издали, а видѣлъ ее во-очію тамъ, на югѣ Россіи, и самъ дышалъ воздухомъ этого благотворнаго учрежденія.

Рѣчь его была покрыта новыми восторженными рукоплесканіями. И когда я, съ еще болѣе отяжелѣвшей головой и побагровѣвшими щеками, направлялась, пошатываясь, къ выходу изъ залы, я чувствовала на себѣ сотни взглядовъ и слышала, какъ десятки голосовъ произносили шепотомъ фамилію женщины, во взглядахъ на дѣятельность которой такъ удивительно солидарны оказались два враждующихъ лагеря.

Я не припомню, что было со мною дальше, знаю только, что меня привезли въ Харьковъ въ безсознательномъ состояніи, съ воспаленіемъ мозга. Мнѣ все грезилась какая-то дѣвочка въ углу. Большіе черные глаза смотрѣли на меня проницательно, и блѣдное худое личико было полно страданія. «Я твоя душа,—говорила мнѣ дѣвочка въ черныхъ лохмотьяхъ,—и я не хочу оставаться здѣсь, въ этихъ роскошныхъ палатахъ. Пощади меня! Уйдемъ отсюда!». И голосъ этотъ разрывалъ мое сердце. Я вскакивала съ постели; мнѣ хотѣлось бѣжать куда-то безъ оглядки, но заботливыя руки останавливали меня и укладывали снова въ постель. Бывали, впрочемъ, и другія

минуты, когда я, говорятъ, удивительно импровизировала цѣлые монологи и стихи...

И вотъ минутами, очнувшись отъ этого забытья, я видѣла надъ собою доброе, гуманное лицо человѣка, который съ участіемъ и любовью глядѣлъ на меня. Онъ говорилъ мнѣ тихія, задушевныя слова; онъ уговаривалъ меня пить какія-то лѣкарства, и я чувствовала, какъ подъ вліяніемъ этой теплоты и ласки, сознаніе все больше и больше возвращается ко мнѣ. И когда я сознала, наконецъ, вполнѣ и себя, и окружавшую меня жизнь, я поняла, что этотъ добрый геній, парившій надо мною и силившійся возвратить меня къ жизни, былъ Владиславъ Андреевичъ Франковскій.

И вотъ теперь наступилъ день нравственной расплаты всѣхъ тѣхъ, кому спасалъ онъ жизнь. «И неужели я останусь малодушно въ постели, дрожа за жизнь, которою я обязана ему? Нѣтъ, жизнь за жизнь!» восторженно думаю я, хватаясь за свою пылающую голову, и быстро одѣваюсь, поспѣшно отправляю сына заказывать бархатную папку и лихорадочно пишу адресъ отъ имени учительницъ воскресной школы. На другой день, въ 8 час. утра, я такъ-же поспѣшно отправляюсь къ проф. Грубе, предсѣдателю предстоящаго собранія, заявляю ему о нашемъ желаніи участвовать въ оваціи, перечитываю передъ нимъ адресъ, получаю его полное одобреніе и лечу въ школу для собиранія подписей. Но тутъ встрѣчаетъ меня новое обстоятельство: для осмотра школы явились интеллигентный господинъ, членъ правленія общественной библіотеки, классная дама женской гимназіи и какія-то двѣ молодыя учительницы, преисполненныя желанія узнать, что это за дѣло, еще незнакомое, невѣдомое имъ. О господинѣ я слыхала, будто онъ скептически относится къ такого рода предпріятіямъ и считаетъ ихъ дамской забавой отъ нечего дѣлать; но лицо его такъ симпатично, такъ много внушаетъ довѣрія, изъ-подъ очковъ смотрятъ такіе умные, добрые глаза, что какъ-же я оставлю его въ этомъ заблужденіи, какъ не покажу ему своей группы, успѣховъ своихъ взрослыхъ ученицъ, ихъ отношеній ко мнѣ, полныхъ дружелюбія?!. А классная дама женской гимназіи? А эти двѣ милыя дѣвушки, въ души которыхъ неизбѣжно заронить зерно симпатіи къ школѣ? Нѣтъ, мнѣ обязательно надо дать для нихъ «представленіе», какъ шутя выражаюсь я,—вѣдь у меня еще два часа впереди. И я поручаю собираніе подписей одному изъ участниковъ школы и приглашаю на «представленіе» милыхъ гостей.

Подписи собрать очень легко: всѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ относятся къ юбиляру, всѣмъ нравится составленный мною въ жару адресъ. «Представленіе» также идетъ очень хорошо: я занимаюсь съ такимъ одушевленіемъ, что даже самыя тупыя ученицы какъ

будто поумнѣли. Меня не огорчаетъ даже извѣстіе, что моя глупая Лукерья В. рѣшила привести немедленно въ исполненіе свой глупый планъ покинуть безпричинно школу. «Проживетъ и безъ ученія!» невольно думаю я, вспоминая тупое выраженіе ея лица, а дворничиха, какъ-бы угадывая мою мысль, говоритъ мнѣ въ унисонъ: «такимъ не къ чему учиться,—у нея совсѣмъ другое въ головѣ». Дворничиха, по прежнему, приводитъ меня въ восторгъ: она догадалась дома, во время усиленныхъ занятій въ одиночку, что незнакомый ей новый звукъ долженъ называться *н*. «Думаю себѣ, какое такое слово *луа?* должно быть *луна*. А дальше: *раа*, должно быть—*рана*, а рядомъ—*оги*, должно быть—*ноги*. Прислушиваюсь сама къ себѣ, ей-Богу, должно быть *н*; такъ оно и вышло на повѣрку!».

За два часа своихъ одушевленныхъ занятій я прохожу не два, а три звука: *л*, *н*, *і*. Это не мѣшаетъ мнѣ отрываться минутами и посвящать своихъ гостей въ ходъ занятій. Я предлагаю имъ разсмотрѣть мою записную тетрадь, изъ которой они могутъ видѣть весь ходъ занятій; я прошу ихъ даже навести справку, какое именно воскресенье занимаемся мы—8-е или 9-е, чтобы судить правильно о результатахъ, которыхъ достигла я; я показываю имъ доски учениць, съ ихъ болѣе или менѣе красивыми начертаніями словъ. Одна изъ учениць, напоминающая свойствами Лукерью В., все пропускаетъ звуки при письмѣ. Я показываю гостямъ и ея доску и объясняю имъ, что на 4-й часъ, во время Закона Божія, ученица эта будетъ заниматься отдѣльно съ молодой учительницей, чтобы догнать классъ. Въ 12 час. я прощаюсь при нихъ съ ученицами, говоря имъ о своемъ отъѣздѣ и о томъ, что я поручаю ихъ А. Д. Г., и въ то-же время, обращаясь къ гостямъ, подаю имъ тетрадку, въ которой написано мое завѣщаніе А. Д. Кромѣ того, я дарю имъ по брошюркѣ Абрамова, которая постоянно находится у меня подъ рукой въ моемъ школьномъ ящикѣ и которая, по моему мнѣнію, еще яснѣе ознакомитъ ихъ съ дѣломъ, съ которымъ они желали познакомиться.

73 подписи собраны подъ адресомъ; бархатная папка сдѣлана со сказочной поспѣшностью; часы показываютъ половину перваго; извозчикъ ждетъ уже, и мы садимся въ экипажъ съ А. Д. И. Но я не въ силахъ еще отдѣлаться отъ впечатлѣній школы: лица учениць и гостей стоятъ еще предо мною, и мнѣ кажется, что глаза интеллигентнаго скептика стали еще добрѣе и вдумчивѣе; мнѣ кажется, что они говорятъ: «нѣтъ, это не шутка, не праздная затѣя, и дѣло это, навѣрное, вноситъ капельку добра въ жизнь». На лицѣ классной дамы я также вижу умиленіе, а милыя барышни такъ и сіяютъ восторгомъ.

Пусть я ошибаюсь въ этомъ, пусть обманываетъ меня мое живое

воображеніе, но мнѣ такъ хорошо, такъ легко дышать при сознаніи этой маленькой, но дорогой для меня побѣды. Эти двухчасовыя напряженныя занятія не только не утомили меня, а, напротивъ, придали мнѣ бодрости и силы. Я вѣрю въ успѣхъ своего адреса и, оживленная и веселая, вхожу въ красивую думскую залу. Распорядитель, видя бархатную папку въ моихъ рукахъ, предлагаетъ мнѣ пройти въ первый рядъ; но мнѣ кажется это нескромнымъ и я занимаю кресло въ третьемъ ряду. Вообще, мнѣ кажется, что я должна держать себя какъ можно скромнѣе, какъ представительница отъ общества учительницъ. Я довольна своимъ простымъ чернымъ суконнымъ платьемъ, хотя вижу, что другія дамы моихъ лѣтъ и общественнаго положенія одѣты въ шелковыя. Я оглядываюсь кругомъ и вижу направо огромное общество медиковъ съ извѣстными представителями во главѣ; налѣво стоитъ каѳедра для будущихъ ораторовъ; за большимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, я вижу антично-красивое, суровое и умное лицо предсѣдателя собранія. Вся зала полнымъ-полна народу или, точнѣе сказать, интеллегенціей. И, Господи, кого только нѣтъ тутъ! Рядомъ съ представителемъ крупной торговой фирмы стоитъ потертый студенческій мундиръ; бокъ-о-бокъ съ барышней въ кружевахъ и атласахъ ютится скромная дѣвушка въ старенькомъ шерстяномъ платьѣ; даже ненумерованныя, такъ сказать, мѣста на окнахъ всѣ заняты публикой. Хоры до такой степени полны народомъ, что я невольно осматриваю, на какихъ собственно подставкахъ держатся они. Рядомъ съ древней старушкой въ старомодномъ чепцѣ я вижу тамъ молоденькое, хорошенькое личико дѣвушки, почти ребенка; какой-то сѣдовласый старецъ силится протиснуть впередъ подростка-гимназиста, должно быть, внука и, наклонившись, объясняетъ ему что-то на ухо. «*Онъ*, вѣрно, спасъ этого мальчика!» невольно думаю я о юбилярѣ. И мнѣ кажется, что и эта старушка въ старомодномъ чепцѣ, и эта молодая дѣвушка съ розовымъ личикомъ, и этотъ гимназистъ-подростокъ—все это живая лѣтопись дѣяній почтеннаго юбиляра. Я чувствую необыкновенный подъемъ духа. «Какое огромное воспитательное значеніе имѣютъ для общества подобныя торжества!» думаю я. Но въ то-же время взглядъ мой падаетъ на первые ряды креселъ, и я чувствую въ душѣ какой-то притокъ разочарованія. Рядомъ съ княземъ въ широкой красной лентѣ и звѣздѣ сидитъ предводитель дворянства, по лѣвую его руку—предсѣдатель судебной палаты, еще далѣе—осанистый генералъ съ грудью, увѣшанной орденами... Боже мой, какіе они всѣ надутые и важные! Зачѣмъ они здѣсь? Я не ждала ихъ, я не для нихъ составляла мой адресъ, я не могу читать его при нихъ, мнѣ дѣлается ужасно тяжело и боязно... Но въ эту минуту во входныхъ дверяхъ въ залъ показывается высокая, нѣсколько сгорбленная фигура юбиляра. Нѣсколько меди-

ковъ суетливо сопровождаютъ его. Онъ положительно имѣетъ видъ жертвы. Блѣдное лицо все какъ-то осунулось, щеки запали, помутившіеся глаза опущены внизъ. И если-бы мнѣ сказали, что человѣка этого ведутъ на казнь, я беззавѣтно повѣрила-бы этому. И дѣйствительно, настоящее торжество являлось для него казнью. Скромный, чуждый всякаго тщеславія, онъ два года сряду уклонялся отъ этихъ шумныхъ овацій, отъ этого блестящаго торжества, которое теперь, можно сказать, силою заготовили и устроили его друзья и почитатели. Узнавши объ этомъ, онъ молилъ ихъ позволить ему остаться дома и праздновать юбилей безъ него, но они не вняли его просьбамъ и требовали его присутствія. Страдая въ послѣднее время остановкой біенія сердца при малѣйшемъ волненіи, онъ почти увѣренъ, что не возвратится домой живымъ послѣ этого торжества. И когда докторъ Ш. пріѣхалъ за нимъ, онъ, подавая ему руку, сказалъ: «выслушайте мой пульсъ и скажите моей женѣ и дѣтямъ, возвратите-ли вы меня домой живымъ». И дѣйствительно, глядя на это блѣдное, потухающее лицо, становилось страшно за его жизнь; но въ то-же время оно внушало какое-то особенное чувство благоговѣнія: хотѣлось стать передъ нимъ на колѣни и молиться ему.

И вотъ потянулся цѣлый рядъ депутацій, адресовъ, рѣчей, поздравленій. Прочтена была біографія юбиляра, составленная просто, живо, искренно и хватающая за сердце своимъ содержаніемъ; прочтенъ былъ докладъ о дѣтской больницѣ, иниціаторомъ которой былъ Владиславъ Андреевичъ; теплотой и задушевностью отмѣчена была статья д-ра П., озаглавленная «Нравственное вліяніе В. А. Франковскаго»; привѣтствовала юбиляра Харьковская городская дума, почтивши его высокимъ титуломъ гражданина г. Харькова; чинно подошла къ столу группа мировыхъ судей съ привѣтствіемъ отъ съѣзда. Все это было въ высшей степени торжественно и трогательно; но никто не произвелъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ докторъ съ неизвѣстной мнѣ фамиліей, взошедшій на каѳедру. Передъ нами стоялъ умирающій человѣкъ съ желтымъ, какъ пергаментъ, исхудавшимъ лицомъ и ввалившейся грудью; онъ нѣсколько минутъ не могъ говорить отъ приступа чахоточнаго кашля. И казалось, что вотъ-вотъ кашель этотъ задушитъ его и передъ нами очутится трупъ. Но впалые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ и, гордо борясь съ своимъ недугомъ, онъ заговорилъ громкимъ, хотя и нѣсколько прерывающимся голосомъ. Это была поистинѣ вдохновенная рѣчь. Онъ ярко и образно нарисовалъ идеалъ человѣка-врача и, поставивши вопросъ: возможенъ-ли этотъ идеалъ въ жизни?—сдѣлалъ энергическій жестъ по направленію къ Владиславу Андреевичу и сказалъ сильнымъ, торжественнымъ голосомъ: «вотъ онъ, мы видимъ его между нами!»

Громъ рукоплесканій покрылъ слова оратора. Я приняла эти слова за эффектный конецъ, но оказалось, что въ запасѣ у этого пылкаго умирающаго человѣка имѣлось еще много горячихъ словъ, блестящихъ сравненій, оригинальныхъ выводовъ. Но ничто не было такъ трагически эффектно, какъ его заключительныя слова: «Я знаю, что дни мои сочтены,—сказалъ онъ голосомъ, отъ котораго вѣяло могилой,—но я все-таки счастливъ въ эту минуту тѣмъ, что дожилъ до этого дня торжества лучшаго изъ людей».

И этотъ «лучшій изъ людей», точно пробужденный электричествомъ этой предсмертной рѣчи, быстро привсталъ, быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу и крѣпко жалъ въ своихъ рукахъ протянутыя къ нему худыя руки оратора. Я жадно вглядывалась въ это пергаментное лицо; мнѣ казалось, что я вижу его не въ первый разъ. И вдругъ въ воображеніи моемъ совершенно неожиданно, какъ это бываетъ иногда, нарисовалась картина далекаго прошлаго. Это было въ зиму моего страстнаго увлеченія оперой. Я стояла на улицѣ у фонарнаго столба и читала афишу; къ той-же афишѣ подошелъ юноша-блондинъ съ неправильными, некрасивыми чертами лица, небольшого роста, худощавый и съ тѣмъ лихорадочнымъ, выразительнымъ взглядомъ, который часто предвѣщаетъ чахотку. Не знаю, какъ это случилось, но мы разговорились съ нимъ, точно будто старые знакомые, и прошли вмѣстѣ до самаго нашего дома. Мнѣ не пришло даже въ голову спросить, кто онъ, или назвать свою фамилію. Все, что говорилъ онъ по поводу оперы, было такъ умно, содержательно, прекрасно, что я чувствовала въ немъ только своего единомышленника и ничего не желала болѣе. Съ тѣхъ поръ я потеряла его изъ виду. И вотъ, въ этомъ маленькомъ, исхудаломъ скелетѣ, въ этихъ горящихъ, по прежнему, лихорадочнымъ огнемъ глазахъ я узнала загадочную встрѣчу прошлыхъ лѣтъ, и сердце мое сжалось еще мучительнѣе, еще больнѣе. И чѣмъ больше вглядывалась я въ пергаментное лицо, тѣмъ больше удостовѣрялась, что не ошиблась въ своемъ предположеніи. Но этого мало, оно напомнило мнѣ еще одно такое-же пергаментное лицо, которое знала я въ ранніе годы моей юности. Мнѣ было 16—17 лѣтъ и отецъ мой строго оберегалъ меня отъ тлетворныхъ вѣяній либерализма. Но, съ свойственной мнѣ живостью и предпріимчивостью, я пробралась какъ-то въ семью политическаго ссыльнаго, который возвращенъ былъ на родину умереть.

Умирающій отечески полюбилъ пылкую, восторженную, полную жизни дѣвушку, которая молилась на него, и незадолго до своей смерти написалъ ей въ альбомъ слѣдующіе стихи:

«Весеннее солнце пригрѣло,
«Весеннія воды шумятъ...

«И таетъ, какъ снѣгъ, изболѣвшее тѣло,
«И щеки румянцемъ горятъ.
«Больной... Но давно-ль онъ такъ смѣло
«Шелъ въ жизни не битымъ путемъ?
«И шелъ онъ за правое дѣло,
«Исполненный чуднымъ огнемъ,
«Огнемъ молодыхъ упованій...
«О, молодость! сгинула ты,
«Исчезли подъ гнетомъ страданій
«Твои золотыя мечты.
«Онъ молодъ годами, но сила
«Страдальцу давно измѣнила:
«Ядъ нравственной пытки въ немъ силу убилъ,—
«Онъ молодъ лѣтами, но старчески хилъ.
. . . .
«Себѣ ничего онъ не ждалъ,
«Своей догорающей жизни
«Послѣдніе дни доживалъ;
«Но юный порывъ увлеченья
«Всегда онъ съ восторгомъ встрѣчалъ
«И ѣдкой улыбкой сомнѣнья
«Отравы въ него не вливалъ.
. . . .
«Въ немъ прежняя вѣра осталась.
«Онъ счастливъ былъ, если при немъ,
«Шумя, молодежь волновалась,
«И старая новымъ огнемъ
«Энергія въ немъ загоралась.
«Но вреденъ порывъ для больного:
«На мигъ оживилось лицо;
«Удушливый кашель... и снова
«Поспорить-бы могъ съ мертвецомъ
«Онъ цвѣтомъ лица,—лишь свѣтились
«Огнемъ вдохновеннымъ глаза,
«Да, вѣрно, отъ кашля катилась
«По блѣднымъ ланитамъ слеза».

Я силилась припомнить послѣднія строки забытаго стихотворенія и, продолжая глядѣть издали на пергаментное лицо, думала: «какъ похожи они всѣ между собою, чахоточные!» Въ это время прочитанъ былъ послѣдній мужской адресъ, правду сказать, довольно монотонно, и въ общемъ начинало чувствоваться утомленіе и скука.

«Адресъ учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы», произнесъ отчетливо голосъ предсѣдателя. Я взяла уже въ руки свою бархатную папку, намѣреваясь открыть ее и достать оттуда адресъ (мнѣ казалось скромнѣе читать съ мѣста), но докторъ-распорядитель приблизился ко мнѣ и пригласилъ меня подойти къ столу. Я почувствовала вдругъ, какъ замерло мое сердцо, какъ похолодѣли руки, какъ кровь прильнула къ головѣ; но, силясь призвать

на помощь присутствіе духа, я все-таки, какъ кажется мнѣ, прошла спокойно и съ достоинствомъ мимо всѣхъ этихъ князей, предводителей дворянства и предсѣдателей судебныхъ палатъ. Когда я очутилась у стола лицомъ къ лицу съ Владиславомъ Андреевичемъ, я вдругъ позабыла обо всѣхъ и обо всемъ; передо мной было одно только это знакомое, доброе, прекрасное лицо съ ласкающимъ и одобряющимъ меня взглядомъ. Я почувствовала вдругъ, что все то, что хочу сказать я, принадлежитъ ему одному и что мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до всѣхъ этихъ звѣздъ, орденовъ и мундировъ. Я знала свой коротенькій адресъ наизусть, такъ какъ перечитывала его и дома, и въ школѣ, и у проф. Грубе. Вотъ почему, почти не глядя въ него, а глядя въ глубину этихъ безконечно добрыхъ старческихъ глазъ, я начала громко, внятно и съ одушевленіемъ:

«Глубокоуважаемый Владиславъ Андреевичъ!

«Позвольте и намъ, учительницамъ, скромно работающимъ на нивѣ народнаго образованія, присоединиться къ чествованію счастливаго дня 50-лѣтія вашей общественной дѣятельности и въ немногихъ, но искреннихъ словахъ, высказать все то, что мы думаемъ и чувствуемъ по этому поводу.

«Вы, Владиславъ Андреевичъ, принадлежите къ числу тѣхъ немногихъ высокогуманныхъ людей, жизнь которыхъ является сплошнымъ подвигомъ служенія страждущему человѣчеству.

«Вотъ почему въ глубокомъ уваженіи къ вамъ и въ самыхъ горячихъ симпатіяхъ сходятся люди самыхъ разнообразныхъ направленій, взглядовъ и партій; вотъ почему въ сегодняшнемъ гимнѣ вамъ слились самые разнообразные голоса и всѣ такъ одушевлены однимъ общимъ стремленіемъ чествовать васъ.

«Но какъ ни торжественно настоящее чествованіе, оно было-бы еще торжественнѣе и трогательнѣе, если-бы пришли сюда всѣ тѣ несчастные, сирые, обездоленные, которымъ вы такъ часто и такъ много протягивали вашу великодушную руку помощи и въ безпросвѣтную жизнь которыхъ отзывчиво вносили участіе, слова утѣшенія и радость.

«Пусть-же эти неисчислимыя и неслышныя міру благословенія сольются въ нашемъ общемъ гимнѣ и откликнутся въ вашей прекрасной душѣ сознаніемъ, какъ много любви, добра и свѣта внесено вами въ жизнь за эти полстолѣтія».

23 февраля 1892 г.

Мои послѣднія слова были покрыты громомъ рукоплесканій. И когда я, взволнованная, потупивши глаза, возвращалась въ свой третій рядъ, я проходила подъ градомъ этихъ рукоплесканій. Я опустилась въ кресло и вздохнула свободнѣе, а рукоплесканія все продолжались съ неумолкаемой силой.

Есть люди восторженные, увлекающіеся, способные преувеличивать и быстро заражаться общимъ настроеніемъ, и есть другіе — спокойные, разумные, справедливые, мнѣнія которыхъ цѣнится поэтому на вѣсъ золота. Къ числу ихъ принадлежитъ А. Д. И. Вотъ почему, когда она, наклонясь къ моему уху, сказала тихо: «Прекрасно, превосходно! Вы получили самые громкіе аплодисменты»,—я разомъ поняла, что вышла съ полнымъ тріумфомъ изъ этого испытанія и что мое живое воображеніе не преувеличило силы аплодисментовъ.

Но и въ восторженныхъ отзывахъ не было недостатка: ко мнѣ подходили съ ними люди самыхъ разнообразныхъ профессій и направленій, начиная отъ профессора-филолога, который признавалъ безупречнымъ и мой слогъ, и мою дикцію, и кончая банкиромъ-евреемъ, который со страстностью, свойственной ихъ націи, и со слезами на глазахъ говорилъ горячо, пожимая мнѣ руки: «Прекрасно, безподобно! Вашъ голосъ разбудилъ уставшую и утомленную толпу, а ваша рѣчь проникла прямо въ сердце и всецѣло завладѣла имъ». Младшая дочь юбиляра заключила меня въ свои объятія, за нею послѣдовала старшая, а жена Владислава Андреевича крѣпко жала мнѣ руки и со слезами на глазахъ высказывала свое сочувствіе и признательность.

Когда аплодисменты стихли, началось чтеніе телеграммъ; ихъ насчитывали до 100; разнообразіе ихъ было удивительное: здѣсь были и телеграммы отъ обществъ, и отъ товарищей по профессіи, и отъ частныхъ лицъ: встрѣчались имена высокопоставленныхъ лицъ, и простыхъ смертныхъ; были телеграммы длинныя, содержательныя, серьезныя и восторженные привѣты въ нѣсколько словъ. Но все это тянулось слишкомъ долго, начинало чувствоваться утомленіе. Какъ вдругъ на всѣхъ насъ пахнуло разомъ деревней, природой, жизнью, и единодушный залпъ рукоплесканій покрылъ слова чтеца. Прочитана была такая телеграмма:

«Будь здоровъ! Долго, долго живи, мой благодѣтель!

Крестьянка З.»

Мнѣ говорили потомъ, что какъ-то давно у неграмотной крестьянки Ахтырскаго уѣзда, З—й, заболѣлъ смертельно единственный сынъ-мальчикъ. Отчаяніе несчастной матери было такъ велико, что кто-то изъ грамотныхъ людей посовѣтовалъ ей затратить 2 р. и послать телеграмму въ Харьковъ исцѣлителю болящихъ, В. А. Франковскому. Несчастная мать не пожалѣла 2 р. Телеграмма ея вышла въ высшей степени трогательной; она нашла откликъ въ сердцѣ великодушнаго человѣка-врача, и онъ пріѣхалъ спасти ея единственнаго сына.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Единственный сынъ сталъ сельскимъ учителемъ. И когда онъ прочелъ ей въ «Южномъ Краѣ»

о предстоящемъ празднествѣ В. А. Франковскаго, крестьянка З. не пожалѣла послѣднихъ грошей и сочинила телеграмму, которую слышали мы. Вотъ почему въ словахъ этой женщины заключалось такъ много электричества; вотъ почему оно отозвалось въ нашихъ сердцахъ такой зажигательной искрой; вотъ почему мнѣ казалось, что пальма первенства настоящаго торжества принадлежитъ женщинѣ, — и я, гордая и счастливая, вышла изъ юбилейной залы. Мнѣ слѣдовало ѣхать, но я не чувствовала ни малѣйшей усталости послѣ этого семичасового нервнаго возбужденія и быстро пошла пѣшкомъ. На полдорогѣ я встрѣтила своихъ друзей-учительницъ. Сказавши имъ, что я возвращаюсь не «на щитѣ», а «со щитомъ», и на-лету сообщивши имъ о своемъ тріумфѣ, я заявила весело: «ну, господа, сегодня вечеромъ идемъ въ театръ!»

— Богъ съ вами, Христина Даниловна!—отвѣчали онѣ мнѣ.—Давно-ли вы встали съ постели? И послѣ такой усталости!.. Это положительно невозможно!

Но я увѣряла ихъ, что совершенно здорова, и взяла съ нихъ слово, что онѣ зайдутъ за мною въ $7^1/_2$ ч. Однако гораздо раньше $7^1/_2$ ч. я уже лежала бездыханно въ постели и даже на другой день еле-еле встала и одѣлась въ виду своихъ многочисленныхъ и неотложныхъ дѣлъ.

Въ 4 часа того-же дня дѣти прибѣжали сказать мнѣ, что пріѣхалъ В. А. Франковскій. Я быстро направилась въ залу и увидѣла вчерашняго юбиляра совсѣмъ съ другимъ, помолодѣвшимъ и какъ будто даже пополнѣвшимъ лицомъ. Онъ припалъ къ моимъ рукамъ и долго и горячо цѣловалъ ихъ, говоря задушевнымъ голосомъ: «Вѣрьте, что ни одно привѣтствіе не произвело на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ ваше. До него я могъ-бы еще что-нибудь сказать, обращаясь къ публикѣ, но оно положительно доканало меня, и я могъ только плакать, а не говорить. Но, ради Бога, берегите себя, не напрягайте слишкомъ душевныхъ струнъ, которыя называются нервами, иначе онѣ могутъ когда-нибудь разорваться».

На другой день я чувствовала себя еще болѣе больной и послала за профессоромъ Т., страшась его запрещенія ѣхать въ Петербургъ. Ѣхать онъ позволилъ, а болѣзнь мою нашелъ результатомъ потрясенныхъ нервовъ и говорилъ мнѣ, улыбаясь: «Когда я слушалъ вашу прекрасную рѣчь и смотрѣлъ на ваше оживленное и покраснѣвшее лицо, я былъ увѣренъ, что на другой день вы сляжете въ постель. Такъ и случилось. Вмѣсто лѣкарствъ, я даю вамъ предписаніе никогда не принимать такого горячаго участія въ юбилеяхъ и не произносить такихъ блестящихъ рѣчей».

Мнѣ стало весело отъ предписаній профессора Т., а тутъ со всѣхъ

сторонъ до меня доходили все новые и новые слухи о тріумфахъ моихъ въ юбилейной залѣ. Вотъ что писала мнѣ, напримѣръ, въ своей запискѣ Е. Д. Г.:

«Я видѣлась съ братомъ, и онъ мнѣ съ восторгомъ говорилъ о вашемъ чтеніи на юбилеѣ. По его наблюденію, чувствовавшееся послѣ чтенія адресовъ и мужскихъ рѣчей утомленіе въ публикѣ послѣ вашего чтенія совершенно исчезло».

Всѣ эти тріумфы въ высшей степени напоминали мнѣ мое парижское торжество, но харьковское оказалось мнѣ еще ближе, дороже, роднѣе.

Воскресенье, 1-го марта 1892 г.

Болѣзнь невѣстки моей сдѣлала поѣздку мою въ Петербургъ невозможной. Въ субботу температура поднялась до 40 съ лишнимъ градусовъ, и въ душѣ моей не было другихъ мыслей и чувствъ, кромѣ отчаянія. Въ воскресенье, въ 8 часовъ утра, замирая отъ страха, я подходила къ дому, который еще такъ недавно казался мнѣ счастливѣйшимъ въ мірѣ, и чѣмъ ярче рисовалось передо мной это недавнее счастье, тѣмъ большимъ ужасомъ и холодомъ вѣяло отъ предстоящаго удара. Вмѣстѣ со мною вошелъ профессоръ Т., и нѣсколько минутъ, которыя провелъ онъ въ комнатѣ больной, показались мнѣ долгими часами. Когда онъ вышелъ оттуда, лицо его было совершенно весело. Извѣстіе, что температура упала до 38°, наполнило душу мою новымъ сладкимъ чувствомъ надежды, почти увѣренности, и я счастливѣе даже, чѣмъ послѣ тріумфа въ городской залѣ, быстро направилась въ школу. Всѣ лица учительницъ и ученицъ казались мнѣ въ высшей степени добрыми и привѣтливыми. Каждый вопросъ о здоровьѣ больной, казалось мнѣ, шелъ изъ самаго сердца и вызывалъ во мнѣ теплое чувство признательности. Я всѣхъ и все любила вокругъ, всѣмъ была за что-то благодарна. И дѣйствительно, нужно было видѣть лица *моихъ* ученицъ, когда я неожиданно вошла въ залу, гдѣ занимались онѣ съ А. Д. Г. Не обращая вниманія на присутствіе А. Д., онѣ объясняли мнѣ, какъ было грустно имъ безъ меня, какъ и ученье шло совсѣмъ иначе, и я ни разу еще не чувствовала съ такою ясностью той нравственной связи, которая установилась между мною и всѣми этими простыми людьми, пришедшими сюда съ окраинъ города. Не доставало только любимицы моей, прачки Марьяны, и я сильно подозрѣвала, что ей грустно было придти безъ меня въ школу.

Недавно мужъ мой ѣздилъ въ Кіевъ, и я просила его привезти оттуда, изъ Кіево-Печерской Лавры, 18 иконокъ или крестиковъ для подарка моимъ ученицамъ. Этотъ знакъ вниманія какъ-то особенно кстати пришелся въ это именно воскресенье и какъ-бы еще больше придалъ задушевности и теплоты нашей встрѣчѣ.

Въ настоящее воскресенье мы прошли звуки *ы* и *о*. Хотѣла, было, я показать третій, но слабѣйшія изъ ученицъ смѣшивали *ы* и *л*, и я рѣшила не двигаться дальше. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ ужасно жаль было сильнѣйшихъ ученицъ, особенно Елены Б., которая съ помощью своего младшаго братишки, учащагося въ приходскомъ училищѣ, прошла за эту недѣлю весь алфавитъ, усвоила твердо начертаніе всѣхъ буквъ и написала некрасивымъ, правда, но мелкимъ почеркомъ три страницы тетради. Тотъ, кто не видалъ, какъ она выводила въ первое воскресенье безобразные элементы, навѣрное не повѣрилъ-бы, что она пришла въ школу, не умѣя писать, а для того, кто былъ тому свидѣтелемъ, это казалось положительно чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Вотъ почему, глядя въ умное и доброе лицо Елены Б., я какъ-бы извинялась передъ нею и говорила ей: «Мнѣ очень совѣстно, что мы подвигаемся такъ медленно, но, право, для васъ есть и въ этомъ польза. Дома вы занимайтесь себѣ, какъ хотите, и подвигайтесь впередъ, а здѣсь мы идемъ медленно, но вполнѣ правильно». Точно будто желая оправдать это, Б. чаще другихъ дѣлала звуковые пропуски въ диктовкѣ, что я деликатно ставила ей на видъ.

Изъ посторонnихъ посѣтителей у насъ была молодая учительница, пріѣзжавшая изъ Кременчуга. Это третье уже лицо, пріѣзжавшее оттуда въ третью очередь. Очевидно, они заражаютъ другъ друга интересомъ къ школѣ до рѣшимости ѣхать въ Харьковъ, за 243 версты. Это новое лицо—очень милая, красивая, цвѣтущая молодая дѣвушка, нѣсколько старше, но гораздо застѣнчивѣе и молчаливѣе своей предшественницы.

«Что это, какіе все симпатичные люди пріѣзжаютъ отъ васъ, изъ Кременчуга!» вырвалось у меня невольно при видѣ ея милаго смущеннаго лица.

Она точно приросла къ моей группѣ и слушала меня цѣлыхъ два часа сряду. Наконецъ, я догадалась, что это зависитъ не отъ прелести моего преподаванія, а оттого, что она не рѣшается двинуться съ мѣста, и любезно предложила ей послушать другихъ.

Я очень дорожу также тѣмъ, чтобы лица, командированныя отъ воскресныхъ школъ для осмотра нашей школы, присутствовали при раздачѣ книгъ и переспросахъ прочитаннаго, почему и просила кременчугскую учительницу остаться послѣ занятій, что она охотно исполнила. Пригласила я ее также на завтрашнее кружковое собраніе, и очень рада, что въ виду ея не 16-ти, а, вѣроятно, 18-ти лѣтъ, мамаша не брала съ нея слова не оставаться болѣе одного дня въ Харьковѣ, какъ это было съ ея юной предшественницей.

*

Понедѣльникъ, 16-го марта 1892 года.

Я выѣхала въ Петербургъ 3-го марта и возвратилась оттуда 13-го; слѣдовательно, пропустила всего-на-всего одно воскресенье. Необходимо будетъ попросить М. Н. С., составляющую еженедѣльный отчетъ, обозначить причину моего пропуска, такъ какъ я считаю эту причину вполнѣ законной. У насъ не разъ возбуждался вопросъ, слѣдуетъ-ли требовать отъ учительницы, чтобы она заявляла о причинахъ своего пропуска, и обыкновенно рѣшался большинствомъ въ томъ смыслѣ, что это есть личное дѣло учительницы и что врываться въ ея личную жизнь никто не имѣетъ права. Но я всегда оставалась въ меньшинствѣ лицъ, претендующихъ на то, что только особенно важныя причины заставляютъ ихъ пропускать школу и что оправдать себя въ глазахъ школьнаго общества указаніемъ на эти причины онѣ считаютъ желательнымъ для себя правомъ.

Поѣздки мои въ Петербургъ находятся обыкновенно въ тѣсной связи со школьнымъ дѣломъ; но я не заношу ихъ въ школьный дневникъ, такъ какъ въ нихъ часто врывается матеріалъ, не носящій на себѣ педагогическаго характера и не касающійся школы Вотъ почему замѣтки подобнаго рода я называю обыкновенно «докладами», не входящими собственно въ школьный дневникъ.

По пріѣздѣ изъ Петербурга я съ удовольствіемъ узнала, что въ прошлое воскресенье всѣ мои ученицы были въ школѣ, о чемъ А. Д. Г. писала мнѣ въ Петербургъ. Письмо это не захватило меня, впрочемъ, тамъ, и почтальонъ подалъ мнѣ его только сегодня. Вотъ что заключало въ себѣ это милое письмо:

«Многоуважаемая Христина Даниловна!

Спѣшу увѣдомить васъ о моихъ занятіяхъ сегодня. Буду писать вамъ многія подробности, можетъ быть, совершенно лишнія.

Въ школу я шла въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, позабывъ совершенно, что многія изъ моихъ (на этотъ разъ) ученицъ могутъ не придти, не надѣясь найти во мнѣ такую-же опытную и хорошую преподавательницу, какъ вы. Придя въ школу довольно поздно (было, кажется, безъ 10 м. десять), я встрѣтила 2—3 ученицъ; это меня немного смутило; однако, я рѣшила не унывать, живо разставила съ ученицами столы, принесла всѣ необходимыя принадлежности. Послѣ молитвы, когда всѣ разошлись, я посмотрѣла на свою группу и—о, ужасъ!—душъ 8 всего. Это задѣло немного мое самолюбіе; однако, я начала заниматься хотя съ нѣсколько упавшимъ духомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, къ великой моей радости, являются одна, другая, третья... всѣ! Это меня такъ поразило (я никогда не могла предположить, чтобы онѣ всѣ пришли) и въ то-же время обрадовало, ободрило, что я съ жаромъ начала заниматься. Сначала

мнѣ показалось, что ученицы смотрятъ на меня съ недовѣріемъ и даже съ нѣкоторою непріязнью, но къ концу часа (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось) мнѣ удалось завоевать ихъ довѣріе и даже симпатію, что меня страшно обрадовало. Я уже тогда подумала: неужели я могу когда-нибудь хорошо преподавать?

Прежде всего, пересмотрѣвъ домашніе работы, я занялась повтореніемъ прошлаго урока, затѣмъ показала имъ новый звукъ *д*. Второй часъ—упражненія на звукъ *д* и новый (показанный) *к*. Третій часъ—ариѳметика, которою я просила заниматься Б., такъ какъ я и не люблю, и совершенно не умѣю преподавать ее. Четвертый часъ—слабыя занимались съ Б. и со мною. Все-же остальное время я занималась сама. По моему, ученицы всѣ способныя; маленькое исключеніе могутъ составить только Л. и Анюта.

Теперь позвольте, Христина Даниловна, подѣлиться мнѣніемъ о своемъ преподаваніи. Во-1-хъ, у меня нѣтъ самаго главнаго—увѣренности въ самой себѣ; затѣмъ, нѣтъ послѣдовательности въ преподаваніи. Я не могу заинтересовать ихъ всѣхъ сразу: займусь съ одной, положимъ, чтеніемъ слова какого-нибудь, — другимъ нечего дѣлать, и онѣ скучаютъ, какъ мнѣ кажется, хотя на второй и третій часы онѣ, повидимому, были немного заинтересованы и вообще принимали участіе въ урокѣ. Потомъ, мнѣ кажется, что я занимаюсь съ ними слишкомъ казенно, въ смыслѣ—неинтересно, однообразно, сухо.

Вотъ все, что я за собой примѣтила, больше ничего не могу написать. Вообще-же осталась очень, очень довольна сегодняшнимъ днемъ: чувствовала себя свободно, хорошо, весело.

Если найдете нужнымъ мнѣ отвѣчать, то съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего письма.

Искренно уважающая васъ А. Г.».

Я назвала это письмо «милымъ», такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ весьма много симпатичныхъ элементовъ, а именно: искренность, отсутствіе самонадѣянности, при которой молодая учительница никогда не пойдетъ впередъ, трепетное отношеніе къ дѣлу, заставляющее преувеличенно строго относиться къ себѣ, и въ итогѣ робкое сознаніе нравственнаго удовлетворенія и душевной ясности. Да, я не ошиблась въ А. Д. Г.: изъ нея навѣрное выработается образцовая учительница! А это желаніе вырваться изъ-подъ моей опеки, эти слова, въ которыхъ слышится столько горечи: «многія *изъ моихъ* (*на этотъ разъ*) ученицъ»... Какъ все это нравится мнѣ, какою молодостью и жаждой самостоятельности вѣетъ отъ всего этого и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не хочется выпустить изъ гнѣзда этого птенца, пока я не удостовѣрюсь окончательно въ его способности летать безъ чужой помощи.

Войдя вчера въ классъ, я прежде всего замѣтила присутствіе Лукерьи В., о которой я съ досады написала въ школьномъ отчетѣ: «выбыла по глупости». Она совершенно беззастѣнчиво встрѣтила меня, улыбаясь своей глупой улыбкой, и сказала простодушно: «соскучила за вами и пришла».

— Зачѣмъ-же вы столько пропустили? — отвѣчала я ей тономъ упрека, въ которомъ слышалась, однако, значительная доля радости, такъ какъ оставленіе В. школы я все-таки считала для себя непріятностью.—Ну, какъ мы теперь съ вами будемъ догонять классъ?

— А мнѣ Мароа Т. показывала, и я знаю все то, что и она,— отвѣчала В. съ необычайнымъ торжествомъ.

Извѣстіе это показалось мнѣ даже неправдоподобнымъ, особенно при воспоминаніи о томъ, какъ сама Мароа Т. приходила въ отчаяніе при ея непонятливости. И позабывши на минуту о существованіи другихъ учениць, я занялась самымъ детальнымъ экзаменомъ Лукерьи В. Оказалось, что она читаетъ и пишетъ несравненно лучше, чѣмъ прежде, и я положительно съ благоговѣніемъ взглянула на Мароу Т., которой далась тайна достигнуть успѣховъ съ В., не дававшаяся мнѣ, опытной учительницѣ. «Въ чемъ именно заключалась эта тайна?» спрашивала я себя съ удивленіемъ. Вѣроятно, въ умѣньѣ ближе подойти къ ней, проще держать себя съ нею, явственнѣе прислушаться къ средствамъ, которыми можно дѣйствовать на нее. Вспоминала я также, что рѣшеніе бросить школу созрѣло въ головѣ В. послѣ того факта нетерпѣнія и раздражительности, которыя я проявила по отношенію къ ней (о чемъ было упомянуто въ предыдущемъ дневникѣ), и она вдругъ показалась мнѣ совсѣмъ не такою глупою, какъ аттестовала ее я прежде.

Да, умѣнье вызвать откровенность учениць — это великое дѣло и чтобы войти въ это царствіе Божіе, требуется иногда не самоувѣренность и опытность, а незлобіе и чистосердечіе ребенка.

А. Д. Г. пришлось сдѣлать наблюденіе, которое мнѣ ни разу не приходило въ голову, несмотря на доброкачественность моихъ отношеній къ ученицамъ, въ которой я увѣрена. Дворничиха и другія взрослыя успѣвающія ученицы заявили ей, что онѣ больше желали-бы заниматься 4-й часъ, чѣмъ слушать чтеніе.

Увѣренная въ пользѣ развитія отъ громкаго чтенія учительницы и подбирая соотвѣтствующій матеріалъ, я ни разу не остановилась на мысли, раздѣляютъ-ли мое мнѣніе взрослыя ученицы, и только въ эту минуту сознала свой промахъ. А между тѣмъ, дворничиха говорила мнѣ теперь по этому поводу: «Мы больше желаемъ заниматься; ну, что-жъ тамъ сказочка какая-нибудь! къ чему она намъ? Другое дѣло, конечно, Законъ Божій. Мы такъ и порѣшили: когда

бываетъ батюшка, слушать его наставленія, а когда его не бываетъ, идти заниматься съ другими въ то время, какъ вы сказки читаете. Къ тому-же, скажу я вамъ про себя вотъ что: какъ начнете вы это самое чтеніе, я не такъ слушаю его, какъ все думаю: вотъ не пойму, вотъ не пойму! И что-жъ-бы вы думали, хвачусь— не поняла! Даже передъ собой самой совѣстно. А тутъ еще такое сумленіе: вдругъ вы спросите, а я не могу разсказать, и станетъ мнѣ стыдно передъ всѣми прочими».

Я силилась скрыть свое смущеніе, выслушивая разумную рѣчь дворничихи и считая ее полезнымъ урокомъ для себя; но все-таки, вѣроятно, на лицѣ моемъ отразилось это смущеніе, такъ какъ чуткая прачка Марьяна обратилась ко мнѣ и съ выраженіемъ участія сказала ласково: «А по моему, онѣ судятъ неправильно: какъ можно, чтобы чтеніе пользы человѣку не приносило; даже въ сказкѣ можно наставленіе для себя найти, особенно въ такой хорошей, какъ вы намъ читали. Онѣ пусть поступаютъ тамъ, какъ хотятъ, а я буду и батюшку слушать, и чтеніе. А повторить буквы и дома можно, въ одиночку».

Слова Марьяны мало утѣшили меня, такъ какъ они являлись одинокимъ протестомъ.

Давши себѣ слово, какъ можно чаще справляться съ мнѣніями и взглядами моихъ взрослыхъ ученицъ, я обратилась къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Мы празднуемъ обыкновенно годовщину школы служеніемъ молебна и раздачею книгъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы узнать, кто какую книгу желалъ-бы получить изъ васъ? Скоро вы будете уже грамотными и хотя медленно, но все-таки получите возможность читать».

И разсказавши, какія бываютъ книги на свѣтѣ, я сказала, между прочимъ: «Самою лучшею книгою въ мірѣ я считаю Евангеліе; но, быть можетъ, тѣ, которыя помоложе, пожелаютъ получить книгу свѣтскаго содержанія? Въ такомъ случаѣ я охотно исполню ихъ желаніе». Всѣ, безъ исключенія, высказались за Евангеліе, даже Анюта К. заявила своимъ хриплымъ голосомъ: «мнѣ для мамы хочется Евангеліе имѣть». А дворничиха сказала прочувствованно, что книга эта явится для нихъ не только подаркомъ, но и дорогой памятью обо мнѣ, о школѣ и о томъ, какъ научились онѣ грамотѣ.

Я обратилась къ прачкѣ Марьянѣ съ вопросомъ, не пріобрѣсти-ли мнѣ для нея Евангеліе на польскомъ языкѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, на вашемъ!—отвѣчала она мнѣ.— На польскомъ у меня есть; а главное, я желаю имѣть русское для спора: мнѣ часто встрѣчались такіе люди, которые говорятъ, будто у насъ Евангеліе не такое. Вотъ я имъ и буду доказывать.

Въ эту минуту М. Н. С. принесла для раздачи ученицамъ билетики съ напечатаннымъ на нихъ словомъ «молебенъ». Я вызвалась сама раздать ихъ и, положивши передъ каждой ученицей, заставила прочитать печатное названіе праздника, состоящее, къ счастью, изъ пройденныхъ уже нами буквъ. Это маленькое разнообразіе въ занятіяхъ доставило имъ всѣмъ, очевидно, нѣкоторое развлеченіе.

Существуетъ вопросъ, кому именно легче дается грамота—взрослому человѣку, или ребенку? Обыкновенно пальма первенства отдается почти всѣми дѣтямъ; но, несмотря на свои долголѣтнія занятія, я вынесла твердое убѣжденіе, что взрослый человѣкъ быстрѣе овладѣваетъ грамотой. Серьезное отношеніе къ дѣлу, неослабѣвающая энергія, спокойная сосредоточенность являются такими вѣрными союзниками успѣха, что положительно берутъ перевѣсъ надъ способностью быстро схватывать и легко усваивать, присущею дѣтямъ. Придетъ-ли, напр., въ голову ребенку такой поступокъ? Подходитъ ко мнѣ въ концѣ урока взрослая дѣвушка Варвара Д. и говоритъ мнѣ заискивающимъ голосомъ: «Я къ вамъ съ просьбой, Христина Даниловна! Хозяйка заявила намъ, что въ слѣдующее воскресенье мы будемъ работать весь день, такъ какъ иначе не кончимъ заказовъ къ празднику. Будьте такъ добры, покажите мнѣ двѣ буквы впередъ, какъ онѣ собственно называются и какъ пишутся? Мнѣ больше ничего не надо; слова я и сама разберу».

Конечно, я охотно исполнила просьбу Варвары Д., пожелавши ей успѣха въ самостоятельной работѣ.

Отъ А. Д. я узнала, что въ прошлый разъ была Марія Т., пропустившая 4 воскресенья сряду. Оказалось, что причиной этого была смерть матери. Сегодня ея опять нѣтъ, но бояться, что она отстанетъ отъ класса, нѣтъ основаній, такъ какъ она умѣетъ читать, и усвоить разомъ нѣсколько звуковъ не представляетъ для нея затрудненія.

Скажу нѣсколько словъ по поводу азбуки Г. Показаніе *ъ* на 4-й страницѣ мнѣ кажется преждевременнымъ, такъ какъ оно должно быть обусловлено, на мой взглядъ, знакомствомъ съ гласными и согласными, иначе ученицы обходятся съ нимъ такимъ образомъ: въ словѣ *лѣсъ* онѣ ставятъ *ъ* на концѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ его и на концѣ слова *лѣса*, получивши отъ учительницы одно только свѣдѣніе, что *ъ* не выговаривается. На той-же 4-й страницѣ введены слова, съ звуками которыхъ ученицы знакомятся позднѣе, т.-е., дойдя до словъ: «воръ», «ротъ», оказалось, что ученицамъ не показаны еще ни *в*, ни *т*. Каждое упражненіе имѣетъ, такъ сказать, право располагать матеріаломъ, показаннымъ ученицамъ въ прошлый урокъ, а не забѣгать преждевременно въ неизвѣстное будущее.

Но, несмотря на указанные промахи азбуки Г., я наблюдаю та-

кое явленіе: всѣмъ почти учительницамъ звуковыхъ группъ очень хочется заниматься именно по ней, и я получила уже нѣсколько запросовъ на выписку этой азбуки изъ Москвы. Вѣроятно, имъ кажется, что успѣхъ моего преподаванія зависитъ въ значительной степени отъ этой новой азбуки.

Сегодня ученицамъ моимъ были показаны *ъ* и *я*; *ъ* многія изъ нихъ смѣшивали при письмѣ съ *ы*, а буква *я*, легко усвоенная въ словахъ *яма*, *Яша*, представляла большое затрудненіе въ срединѣ слова, какъ, напр., *няня*, *дядя*. Растягивая звукъ, имъ, естественно, слышалась буква *а*, и это очень сбивало ихъ; такъ, напр., вмѣсто слова *дядя*, онѣ писали *дада* и т. д.

Въ концѣ третьяго урока я, въ интересахъ каллиграфіи, заставила ихъ написать нѣсколько знакомыхъ словъ на грифельныхъ доскахъ и затѣмъ переписать ихъ въ тетради карандашемъ. Работы эти не удовлетворили меня и, считая письмо элементовъ самымъ полезнымъ упражненіемъ для хорошаго почерка, я непремѣнно удѣлю имъ нѣсколько времени въ слѣдующій урокъ. Отчетливый и даже красивый почеркъ я считаю весьма важнымъ практическимъ подспорьемъ въ жизни, и мнѣ кажется, что элементарная школа должна заботиться о выработкѣ его.

Въ настоящее воскресенье школу посѣтила учительница, пріѣзжавшая изъ Елисаветграда, А. С. Ц. Она весьма серьезно отнеслась къ дѣлу, пробыла у насъ цѣлое утро, присутствовала при выдачѣ книгъ и рѣшила остаться до вторника, что не входило въ ея планы, чтобы побывать на нашемъ собраніи.

Отъ М. Н. С. я узнала, что въ прошлое воскресенье школу нашу посѣтили 4 молодыя, симпатичныя барышни, пріѣзжавшія изъ Полтавы съ цѣлью ознакомиться съ дѣломъ и открыть у себя такую-же воскресную школу. Онѣ были очень опечалены, не заставши меня въ Харьковѣ, но М. Н. С., въ качествѣ «объединяющаго» лица (какъ называется у насъ ея должность), ознакомила ихъ весьма детально съ общимъ ходомъ школьныхъ занятій, пригласила ихъ вечеромъ къ себѣ и снабдила всевозможными брошюрами, программами и постановленіями. Барышни обѣщали ей еще разъ побывать въ Харьковѣ. Надежды ихъ на открытіе воскресной школы построены на томъ, что въ Полтаву переведенъ губернаторъ, жена котораго извѣстна, какъ просвѣщенная и гуманная женщина. По иниціативѣ ея была открыта женская воскресная школа въ Екатеринославѣ, и нѣтъ основаній предполагать, что она не откликнется сочувственно на такое-же доброе дѣло въ Полтавѣ.

Понедѣльникъ, 23 марта 1892 г.

Какъ богаты мы, однако, на иногороднихъ посѣтителей школы! Давно-ли къ намъ пріѣзжали изъ Полтавы и Кременчуга, а теперь

въ субботу я получила телеграмму изъ Кишинева слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжаю завтра 7 утра. Дорошевская».

Я находилась болѣе года въ перепискѣ съ Теофиліей Севериновной, посылала ей школьные матеріалы; но переписка эта была не изъ дѣятельныхъ, и письма ея не говорили мнѣ ни объ ея общественномъ положеніи, ни о наружности, ни о годахъ. Вотъ почему, рѣшивши встрѣтить ее на вокзалѣ, я чувствовала себя въ крайне затруднительномъ положеніи. Поѣздъ вотъ-вотъ долженъ былъ придти: на платформѣ стояла группа артельщиковъ въ ожидательномъ положеніи. Обратившись къ нимъ, я сказала весело: «Г-да! дайте мнѣ, пожалуйста, совѣтъ, какъ мнѣ узнать пріѣзжую барышню, которую я никогда не видала?» Называя Теофилію Севериновну барышней, я не знала тогда, что она замужняя женщина, жена доктора, мать семейства.

— Такъ, можетъ-же, она васъ узнаетъ!—сказалъ мнѣ съ добродушной улыбкой рыжеватый малый, артельщикъ, въ бѣломъ холщевомъ фартукѣ.

— Такъ вѣдь и она меня не знаетъ!—отвѣчала я недогадливому человѣку.

— Безпремѣнно надобно кличъ сдѣлать по вагонамъ!—совѣтовалъ мнѣ другой.

А третій, пожилой и, очевидно, умудренный опытомъ человѣкъ, говорилъ наставительно: «Вы вотъ что сдѣлайте, сударыня: станьте тутъ вотъ у входа, глядите на каждую проходящую и окликайте по имени, можетъ кто и откликнется!»

Я послушалась его совѣта и, дѣйствительно, стала у входа, но окликать каждую проходящую у меня не хватило мужества. Я думала такъ: «буду всматриваться въ лица и, если увижу молодую особу одну съ вопрошающимъ выраженіемъ лица, пойду вслѣдъ за нею и буду вслушиваться, какой адресъ дастъ она извозчику (относительно адреса и остановки въ нашемъ домѣ было условлено раньше). Я пристально вглядывалась въ лица, но подходящаго ничего не было: проходили старики, молодые люди, дѣти, дамы подъ ручку съ кавалерами и т. д. Наконецъ, я увидѣла молодую особу одну, одѣтую совсѣмъ не по дорожному, а самымъ изысканнымъ образомъ, выступающую смѣлой и самодовольной походкой. Когда она поравнялась со мною, я съ ужасомъ увидѣла, что лицо ея набѣлено, щеки нарумянены и красивыя брови наведены черной краской. «Неужели это она?!»—подумала я съ отчаяніемъ. Мнѣ стало жаль себя, жаль школы; мнѣ не хотѣлось идти за нею, не хотѣлось вслушиваться въ адресъ и я осталась на мѣстѣ съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ на душѣ. Въ

эту минуту взглядъ мой упалъ на маленькую женскую фигурку съ интеллигентнымъ, худощавымъ личикомъ и большими сѣрыми выразительными глазами. «Вотъ это скорѣе она!» подумала я. Но рядомъ съ этой неизвѣстной мнѣ женщиной шелъ молодой человѣкъ, брюнетъ съ восточнымъ типомъ и любезно бралъ изъ ея рукъ тяжелый сак-вояжъ. Толпа пассажировъ рѣдѣла. Потянулись, наконецъ, солдаты-новобранцы съ своимъ жалкимъ скарбомъ за плечами, и ни одной женской фигуры не было видно на платформѣ. Я двинулась по направленію къ выходной двери. Въ это время восточный молодой человѣкъ, тотъ самый, котораго видѣла я съ дамой, подошелъ ко мнѣ и спросилъ вызывающимъ тономъ: «не вы-ли г-жа Алчевская?»

— Вы, вѣроятно, можете указать мнѣ Т. С. Дорошевскую?—сказала я, обрадовавшись. И черезъ нѣсколько минутъ мы ѣхали уже съ нею вмѣстѣ, весело разговаривая о нашей странной встрѣчѣ.

Вчера мы были вмѣстѣ въ школѣ, изъ которой она, повидимому, вынесла самыя свѣтлыя впечатлѣнія. И когда мы возвращались изъ школы и я спросила ее объ этихъ впечатлѣніяхъ, она ничего не отвѣтила мнѣ и только крѣпко, крѣпко сжала мою руку своей миніатюрной рукой. Мнѣ очень понравился этотъ безмолвный отвѣтъ и показался чрезвычайно выразительнымъ. Правда, позднѣе явилась и критика: ей не понравились наши доски и грифеля, вмѣсто тетрадокъ и перьевъ, и кое-что другое, въ этомъ родѣ, но все это тонуло въ общемъ хорошемъ впечатлѣніи.

Почти всѣ мои ученицы были на лицо, что мнѣ было чрезвычайно пріятно, и особенно въ виду посторонней посѣтительницы.

— А почему ты не пришла ко мнѣ въ пятницу, какъ обѣщала?— обратилась я къ Анютѣ К.

Она улыбнулась, потупивши глаза, и молчала.

— Сказывай, сказывай!—говорила ей, смѣясь, покровительствующимъ тономъ дворничиха.

Но Анюта молчала.

— Она на барышню, что у васъ работаетъ, пишетъ, обидѣлась,— продолжала, смѣясь, дворничиха.—Говоритъ: «Христина Даниловна никогда со мною такъ не обращается. Не стану ходить».

Я вспомнила, что за домашнимъ недосугомъ я, дѣйствительно, поручала М. П. заниматься съ Анютой, когда она приходила ко мнѣ на домъ, что она дѣлала весьма старательно и заботливо. Очевидно, разсѣянность Анюты вывела М. П. все-таки изъ терпѣнія, какъ вывела меня когда-то тупость Лукерьи В. По справкамъ оказалось, что это было, дѣйствительно, такъ и что Анюта нашла для себя обидными такія слова М. П.: «Какъ вамъ не стыдно! Христина Даниловна для васъ старается, а вы не хотите приложить никакого вниманія».

Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ оказалось, что послѣ занятій съ М. П. во вторникъ Анюта много лучше стала читать и писать, и, не желая ронять авторитетъ учительницы, я сказала ей весело: «Вотъ, хоть ты и обидѣлась, Анюта, на М. П., а она все-таки очень хорошо учила тебя».

Въ связи съ этимъ вопросомъ объ обидчивости я обратилась къ Лукерьѣ В. и спросила ее: «Могу я просить васъ отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ по правдѣ, только по истинной правдѣ, ни капельки не стѣсняясь?»

— Ну, что-жъ!—отвѣчала она съ своей обычной улыбкой.

— Обидѣлись вы на меня и разсердились, когда я какъ-то прикрикнула на васъ?

— Нѣтъ!—отвѣчала она, глядя мнѣ прямо въ глаза.—Я разсердилась, только не на васъ, а на себя, за свою глупость.

И вдругъ въ этихъ маленькихъ невыразительныхъ глазахъ блеснули слезы. Въ эту минуту мнѣ также стало стыдно до слезъ за свою надпись въ записной тетрадкѣ: «выбыла по глупости».

Въ это время дворничиха вытащила изъ своего узелочка какую-то огромную, совсѣмъ не школьную тетрадь и съ торжествомъ развернула ее передо мной. На страницахъ старой тетради, въ которыя дворники записываютъ обыкновенно жильцовъ, стояло множество буквъ и словъ, безпорядочно внѣдренныхъ въ несоотвѣтствующія школьнымъ правиламъ графы. Тѣмъ не менѣе, слова эти являлись положительнымъ торжествомъ для 30-лѣтней Мавры Т. Это выраженіе торжества дошло до полнаго апоѳеоза, когда, порывшись между исписанными страницами, она нашла, наконецъ, нѣчто, что составляло ея особенную гордость. «Поглядите сюда,— сказала она мнѣ, указывая на послѣднюю строчку своимъ грязнымъ толстымъ пальцемъ,—написала сперва-на-перво *Мава*; гляжу—чего-то не достаетъ; прислушалась—*р* надо поставить; поставила, и вышло мое собственное имя—*Мавра*.

Я похвалила и перешла къ пересмотру другихъ домашнихъ работъ.

Пріятно мнѣ также было появленіе Маріи Т., съ которой я не видѣлась 1½ мѣсяца. Ея простенькое траурное, черное платье еще рѣзче оттѣняло прекрасныя черты ея интереснаго лица, и большіе грустные глаза глядѣли еще задумчивѣе и печальнѣе изъ-подъ густыхъ, красивыхъ бровей. Она похоронила мать и объяснила мнѣ, что осталась одна на свѣтѣ.

— А отецъ?—участливо спросила я.

— У меня нѣтъ отца, а отчимъ!—отвѣчала она дрогнувшимъ голосомъ, и ея прекрасные глаза затуманились слезою.

Замѣчу мимоходомъ, что всякое малѣйшее вниманіе съ моей сто-

роны необыкновенно цѣнится ученицами. Укажу на такой трогательный случай. Желая высказать чѣмъ-нибудь свою память о нихъ, я привезла изъ Петербурга по кусочку мыла, изображающаго цыпленка, цѣною въ 5 коп. И вотъ, вчера въ собраніи А. Д. И. сообщила мнѣ, что ея горничная, Анастасья П., запрятала эту драгоцѣнность на самое дно сундука и говоритъ ей: «Боже сохрани, чтобы я умывалась имъ, какъ приказывала Христина Даниловна; я буду беречь его на память до самой смерти».

По чтенію и письму у насъ было пройдено два новыхъ звука: *в* и *т*, а на 4-мъ часѣ, за отсутствіемъ священника, я прочла разсказъ «Подъ свѣтлый праздникъ»—В. Чехова.

На счастье Т. С. Дорошевской, желавшей какъ можно ближе познакомиться съ ходомъ школьнаго дѣла въ Харьковѣ, въ настоящее воскресенье было назначено собраніе Общества грамотности, въ которое мы и отправились вмѣстѣ съ нею. Чувствуя себя большой патріоткой г. Харькова, я искренно желала, чтобы это собраніе вышло какъ можно содержательнѣе и лучше и чтобы наша заѣзжая гостья вынесла изъ него самыя хорошія впечатлѣнія. И дѣйствительно, это вышло такъ. Проф. А. П. Ш. съ свойственнымъ ему умомъ и тактомъ обрисовалъ въ немногихъ словахъ дѣятельность Общества грамотности за настоящій годъ и выяснилъ, насколько расширилась она въ послѣднее время. Онъ отмѣтилъ, между прочимъ, безкорыстное отношеніе къ дѣлу молодого архитектора А. Н. Б., который безвозмездно затратилъ много времени и силъ на сложную перестройку обширнаго зданія Общества грамотности. Мнѣ было это вдвойнѣ пріятно, вопервыхъ, потому что эти лестныя слова касались мужа моей дочери, а во-вторыхъ, отъ сознанія, что зять мой унаслѣдовалъ тѣ-же свойства безкорыстныхъ отношеній къ общественнымъ интересамъ, которыми въ такой широкой степени обладаетъ его глубоко чтимый мною отецъ.

Затѣмъ выступилъ проф. В. Я. Д. съ отчетомъ о первой народной читальнѣ въ Харьковѣ, созданной по его иниціативѣ. Я не буду останавливаться на этомъ отчетѣ, такъ какъ говорила раньше въ своемъ дневникѣ, какое именно впечатлѣніе произвела на меня читальня при ея осмотрѣ; къ тому-же, проф. Д. настолько поразилъ меня новымъ своимъ проектомъ, внесеннымъ имъ въ собраніе, что существующее уже благополучно дѣло народной читальни какъ будто стушевалось передо мною, и я вся отдалась новымъ впечатлѣніямъ. Онъ говорилъ о народномъ музеѣ, и говорилъ такъ горячо, съ такимъ одушевленіемъ, такъ необычно рѣзко возражалъ своимъ оппонентамъ, что мнѣ ужасно хотѣлось ему аплодировать. Но, не осмѣлившись начать первою, я встала только и сказала нѣсколько сочувственныхъ словъ.

За нимъ выступилъ проф. Б. съ докладомъ объ издательской коммиссіи. Изъ доклада этого мы узнали, что 11 выпусковъ книгъ для народа вышли уже благополучно изъ цензуры и что не сегодня-завтра народная литература обогатится новыми хорошими произведеніями въ количествѣ 110.000 экземпляровъ.

Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ о трехъ ежедневныхъ школахъ и одной воскресной, состоящихъ въ вѣдѣніи Общества грамотности, о коммиссіи народныхъ чтеній съ постоянно возрастающими въ различныхъ частяхъ города народными аудиторіями, о дѣятельности двухъ отдѣленій Общества—Сумскаго и Славянскаго и о женской ремесленной школѣ, учредительница которой уѣзжаетъ въ непродолжительномъ времени въ Петербургъ, причемъ А. П. Ш. обратился къ общему собранію съ предложеніемъ избрать ее въ почетные члены.

Когда я подошла къ ящику, накрытому зеленымъ сукномъ, и взяла въ руку избирательный шаръ, дѣло это показалось мнѣ весьма серьезнымъ, и мнѣ очень хотѣлось рѣшить его по совѣсти. Между тѣмъ, въ глубинѣ души я ощущала нѣкоторое колебаніе. Въ сознаніи моемъ возникло нѣсколько «но» по отношенію лица, которое предложено было въ почетные члены, какъ, напр., отсутствіе горячей пищи впродолженіе долгихъ лѣтъ для учеництъ, работающихъ въ ремесленной школѣ; кромѣ того, мнѣ припомнились и мои личные счеты съ этой самой учредительницей и ея лишенныя справедливости отношенія ко мнѣ. Но другой голосъ говорилъ мнѣ: «много-ли людей работаетъ для школы столько, сколько работала она долгіе годы? Многіе-ли загораются священнымъ огнемъ къ общественной дѣятельности и жаждою внести благо въ жизнь?» И протянутая рука моя положила шаръ направо. Когда дѣйствіе это было совершено, я вдругъ подумала: «Всѣ-ли шары окажутся избирательными, и если кто-нибудь положитъ налѣво, это навѣрное будетъ отнесено на мой счетъ, такъ какъ всѣмъ извѣстны наши недружелюбныя отношенія». Но, къ счастью, всѣ шары оказались избирательными, чему я была отъ души рада.

Во все время собранія меня занималъ вопросъ, что это за папку держитъ въ рукахъ одна изъ учительницъ школъ Общества грамотности и почему она имѣетъ такой взволнованный и сконфуженный видъ? Впослѣдствіи оказалось, что папка эта заключала въ себѣ адресъ, составленный учительницами въ честь распорядителя мужской воскресной школы. Учительница прочла его трепетнымъ, надрывающимся голосомъ, но онъ показался мнѣ чрезвычайно трогательнымъ. Распорядитель мужской воскресной школы, положившій на нее много труда и хлопотъ, долго хворалъ въ послѣднее время, съ трудомъ поднялся по высокой лѣстницѣ городского дома и, несмотря на свой болѣзненный видъ, весь полонъ былъ желанія приняться снова

за свое любимое дѣло. И вотъ этотъ адресъ явился, на мой взглядъ, вполнѣ кстати и производилъ трогательное впечатлѣніе.

Затѣмъ предсѣдателемъ предложено было содѣйствовать основанію народной библіотеки въ Липцахъ и воскресной школы въ Богодуховѣ.

Въ общемъ, собраніе производило на меня самое радостное впечатлѣніе. Прежде всего А. П. Ш. предложилъ меня въ предсѣдатели. и хотя я наотрѣзъ отказалась отъ этого, мотивируя свой отказъ незнакомствомъ съ вопросами, но все-таки мнѣ было это чрезвычайно пріятно, и подобное предложеніе я считала для себя большою честью. Затѣмъ, почти каждое изъ филіальныхъ отдѣленій Общества грамотности, читая свой отчетъ, благодарило меня то за матеріальную поддержку, то за сочувствіе, то за снабженіе картинами для волшебнаго фонаря. Я чувствовала себя въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа и вышла-бы изъ собранія вполнѣ счастливою, если-бы не произошло заключительнаго эпизода, отъ неожиданности котораго, говоря безъ преувеличеній, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно.

Я считала собраніе уже законченнымъ, когда предсѣдатель началъ рѣчь, въ которой фигурировало слово «юбилей». Въ первую минуту мнѣ показалось, что это касается чествованія Моцарта и музыкальнаго общества, которое праздновало юбилей его именно въ этотъ день. «Какая связь между Моцартомъ и Обществомъ грамотности?» думалось мнѣ. Положимъ, музыка имѣетъ также воспитательное значеніе, но все-таки... Каково-же было мое удивленіе, когда я услышала свое имя и фамилію въ связи съ предложеніемъ чествовать мою скромную 30-ти-лѣтнюю школьную дѣятельность 13-го мая. Когда я силюсь припомнить теперь, что именно говорилъ предсѣдатель, я не могу припомнить ни слова: настолько была смущена я; но, собравшись съ послѣдними силами, я все-таки поднялась съ мѣста и попросила право голоса. «Я настолько поражена и озадачена вашимъ предложеніемъ, Андрей Петровичъ, — сказала я,—что удивляюсь своей способности произнести эти нѣсколько словъ; но я должна произнести ихъ въ свою защиту. Я должна сказать, что моя скромная школьная дѣятельность совершенно не гармонируетъ съ громкимъ словомъ «юбилей», и мнѣ невыразимо хочется отказаться отъ предлагаемой мнѣ чести. Правда, день этотъ дорогъ мнѣ, какъ начало работы для любимаго дѣла и, ничего не зная еще о вашихъ замыслахъ, я мечтала отпраздновать его въ тѣсномъ кружкѣ своихъ друзей и сотоварищей по школѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я вполнѣ ясно сознаю, что рамки того дѣла, которое дѣлаю я, слишкомъ ограничены и насильственно раздувать ихъ было-бы большой натяжкой. Есть здѣсь и еще другая сторона, несравненно болѣе важная и

серьезная,—это отношенія оффиціальной сферы къ подобнымъ юбилеямъ и чествованіямъ. На другой день послѣ того, какъ я прочла свой скромный адресъ въ день чествованія д-ра В. А. Франковскаго, ко мнѣ явилось оффиціальное лицо и разъяснило мнѣ всю неумѣстность подобнаго дѣйствія. Лица и учрежденія, подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія, могутъ принимать участіе въ оваціяхъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра. Такимъ образомъ, чествуя лично меня, вы можете повредить дѣлу, которымъ такъ дорожу я».

Когда я окончила свой протестъ, С. А. Р. всталъ съ своего мѣста и весело возразилъ мнѣ: «Всѣ мы очень хорошо знаемъ, Христина Даниловна, насколько вы дорожите вашимъ дѣломъ, насколько вы осторожны и предусмотрительны, но позвольте увѣрить васъ, что мы не дадимъ вамъ повода къ опасеніямъ и съумѣемъ чествовать васъ безъ всякихъ пагубныхъ послѣдствій».

Это вышло чрезвычайно мило со стороны оффиціальнаго лица, но я все-таки выходила изъ собранія взволнованная, съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ. «Зачѣмъ это, зачѣмъ, Боже мой!» мучительно думала я. «Мало-ли и безъ того я испытала въ жизни всякаго рода волненій, тревогъ, непріятностей?! Мало-ли злословій возбуждаю я на тему о моемъ самолюбіи и тщеславіи и не дастъ-ли это мнѣ еще нѣсколько новыхъ враговъ?!..» «Что мнѣ дѣлать, какъ разстроить это?» говорила я, спускаясь съ лѣстницы, человѣку, съ которымъ я безгранично откровенна, и услышала въ отвѣтъ: «разстраивать это поздно и невозможно, такъ какъ извѣстія о чествованіи разосланы чуть не по всей Россіи, и вамъ остается одно—молчать».

Голова моя горѣла и, чтобы освѣжить ее, я поѣхала кататься за городъ. Легкій, ласкающій вѣтерокъ дулъ мнѣ прямо въ лицо мелкія пушинки снѣга цѣлымъ снопомъ вертѣлись вокругъ зажженныхъ фонарей; блѣдная луна то пряталась за тучи, то тихо выплывала изъ-за нихъ, освѣщая пустынное поле. Гдѣ-то издали слышенъ былъ лай собакъ, напоминающій деревню. Все это какъ-то успокоительно дѣйствовало на нервы, все это убаюкивало меня, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ тревожныя думы ушли куда-то далеко, и мнѣ пріятно было дышать этимъ смягченнымъ воздухомъ, предвѣстникомъ ранней весны...

Среда, 25-го марта 1892 г.

Въ виду предстоящаго праздника Благовѣщенія, я предложила моимъ ученицамъ, не хотятъ-ли онѣ собраться для занятій въ школу, и въ то-же время вдругъ подумала испуганно: не слишкомъ-ли великъ этотъ праздникъ для занятій, и мнѣ пришло на память изреченіе, что въ этотъ день даже «птица гнѣзда не вьетъ». Но дѣло

было сдѣлано. Оставалось только подѣлиться съ ученицами своимъ раздумьемъ, и я подѣлилась.

«Къ ранней обѣднѣ пойдемъ, а потомъ придемъ заниматься; какой-же тутъ грѣхъ?» поддержала меня дворничиха. И мы порѣшили на этомъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Во вторникъ я узнала, что мнѣ предстоитъ поѣздка въ Петербургъ, въ четвергъ, въ 7 ч. утра. Собрать бумаги, привести дѣла въ порядокъ, уложиться — все это требуетъ времени, а въ запасѣ у меня одинъ день—среда, въ который назначены занятія съ ученицами и крестины новорожденной внучки.

Мнѣ не легко казалось соединить все это. Какъ вдругъ явилось обстоятельство, посягнувшее на все мое время: я получила отъ уважаемаго проф. Д. И. Б., предсѣдателя издательской коммиссіи Общ. грам., слѣдующую записку:

«Многоуважаемая Христина Даниловна!

Беру на себя смѣлость предложить вамъ на разсмотрѣніе одну рукопись—разсказъ А. Доде «Прекрасная Ниверneза». Было-бы очень пріятно, если-бы вы дали *устный* отзывъ о немъ въ засѣданіи нашего издательскаго комитета, назначенномъ на завтрашій день (среда, въ 7½ час. вечера) въ школѣ Общ. грам., что на Скрыпницкой улицѣ.

Рукопись при семъ прилагаю.

Съ полнымъ почтеніемъ Д. Б.».

Прочитавъ эту записку, я послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія рѣшила взвалить себѣ на плечи и это дѣло, и вотъ почему: при возникновеніи коммиссіи въ началѣ зимы меня усиленно просили принять въ ней участіе, но я наотрѣзъ отказалась въ виду одолѣвающихъ меня текущихъ дѣлъ. Но въ послѣднее время дѣятельность коммиссіи возбудила во мнѣ самый живой интересъ, и мнѣ невыразимо хотѣлось бывать тамъ, а меня, какъ нарочно, никто не приглашалъ туда, и идти безъ приглашенія было совѣстно. И вдругъ получаю эту записочку, открывающую мнѣ доступъ къ интересующему меня дѣлу. Возможенъ-ли при этомъ новый отказъ съ моей стороны, новое уклоненіе отъ участія? Не теряя ни минуты, я развернула рукопись «Прекрасной Ниверnезы» и начала читать. Разсказъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе; но этого казалось для меня мало: мнѣ захотѣлось провѣрить его съ ученицами. И вотъ на другой день, явившись въ школу, я разсказала имъ исторію возложеннаго на меня порученія и спросила, согласны-ли онѣ прослушать разсказъ? Заручившись согласіемъ, я просила Т. С. Дорошевскую прочесть его, а сама слушала его съ карандашемъ въ рукахъ и дѣлала бѣглыя замѣтки по пути. Эта нервная работа чрезвычайно утомила меня; но до крестинъ оставался всего-на-всего часъ, и мнѣ неизбѣжно

было продиктовать рецензію для прочтенія ея въ издательской коммиссіи вечеромъ. Голова моя трещала отъ усиленной работы и я едва держалась на ногахъ; но мысль о предстоявшей вечеромъ желанной коммиссіи придавала мнѣ силы и я, шагая взадъ и впередъ по нашему музею, продиктовала Теофиліи Севериновнѣ слѣдующую рецензію:

Прекрасная Ниверноза. Исторія одного стараго судна. Д. И. Б. обратился ко мнѣ вчера съ просьбой прочесть настоящій разсказъ и дать о немъ свой устный отзывъ. Согласно этой просьбѣ, я прочла его вечеромъ въ одиночку и вынесла то хорошее впечатлѣніе, которое обыкновенно производятъ талантливые разсказы Додэ. Это впечатлѣніе заставило меня порадоваться тому, что «Прекрасная Нивернеза» выйдетъ въ 10.000 экземплярахъ для народа и навѣрное доставитъ десяткамъ тысячъ читателей минуты эстетическаго удовольствія. Увѣренность эта была построена на той обычной мѣркѣ, съ которой подхожу я къ произведеніямъ, предназначеннымъ для народа: если интеллигентный человѣкъ выноситъ благопріятныя впечатлѣнія и читаетъ разсказъ съ захватывающимъ душу интересомъ, то разсказъ этотъ точно также захватитъ душу читателя изъ народа и оставитъ въ ней замѣтный слѣдъ. Одно усмотрѣла я по пути— это незначительныя шероховатости въ литературныхъ выраженіяхъ переводчика, которыя, само собою разумѣется, легко могутъ быть исправлены.

Перечитывая разсказъ, я весьма сожалѣла, что незнакома съ подлинникомъ и такимъ образомъ лишена возможности знать, какія именно сдѣланы въ немъ сокращенія, и судить, насколько они удачны. Пожалѣла я также, что на заглавномъ листѣ разсказа не стоитъ имени автора, хотя-бы въ такой формѣ: «по Додэ». Мнѣ кажется всегда желательнымъ и полезнымъ пріучать народъ вглядываться въ имена и имѣть любимыхъ авторовъ, какъ имѣемъ мы; по крайней мѣрѣ, въ библіотекѣ воскресной школы я обращаю съ этою цѣлью вниманіе учениць на заглавный листокъ.

Вотъ все, что замѣтила я при одиночномъ чтеніи; но читать въ одиночку и читать съ малограмотными людьми—совсѣмъ не одно и то-же. Слова, выраженія, понятія, которыя незамѣтно скользили по васъ въ одиночномъ чтеніи, вдругъ пріобрѣтаютъ въ вашихъ глазахъ совсѣмъ иное значеніе. Вотъ почему, перечитывая «Прекрасную Нивернезу» съ ученицами, не окончившими азбуки, я замѣтила, что незнакомыя имъ слова «судно», «палуба», «корма» стоятъ безъ объясненія; что незамысловатаго слова «найденышъ» никто никогда не слыхивалъ изъ нихъ; что интеллигентная поговорка «пороху не выдумаетъ» имъ неизвѣстна, а потому и самый юморъ остался неза-

мѣченнымъ; что слово «экипажъ» вызвало недоумѣніе и на вопросъ мой, кого называютъ такъ, взрослая дѣвушка отвѣчала: «въ него запрягаютъ лошадей»; что названіе «Сена» безъ комбинаціи со словомъ «рѣка», несмотря на первоначальное объясненіе, было принято на послѣдующей страницѣ за сухую траву—сѣно, а другая дѣвушка замѣтила: «нѣтъ, это вода!» Даже отдѣльныя выраженія, какъ напр.: «красивыя дамы станутъ по немъ съ ума сходить»,—вдругъ показались мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующими мечтаніямъ русскаго простого человѣка, и на меня какъ-бы пахнуло отъ нихъ французской жизнью и нравами. Но въ общемъ разсказъ все-таки былъ прекрасно понятъ и произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Ученицы съ удивительной чуткостью поняли, напр., душевное состояніе Виктора и его грусть по семьѣ, пріютившей его когда-то. «Онъ все думалъ о своемъ семействѣ, о своихъ прежнихъ родителяхъ, затосковалъ по нихъ», говорили они во время описанія его болѣзненнаго бреда. А пониманіе душевнаго состоянія дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній является, конечно, самымъ доказательнымъ отвѣтомъ на вопросъ, насколько понятъ разсказъ читателемъ изъ народа.

Продиктовавши эту рецензію, я поѣхала на крестины. Обрядъ крещенія показался мнѣ необыкновенно долгимъ и особенно то время, когда я съ сильнѣйшей головной болью и головокруженіемъ, съ необычайной заботой и нѣжностью держала на рукахъ это крошечное, миніатюрное существо, этого будущаго человѣка, вступающаго въ неизвѣстную ему жизнь. Послѣ обряда крещенія насъ ждалъ завтракъ, но тутъ уже я не выдержала и, сознавшись въ своей головной боли, отпросилась домой раньше другихъ гостей. Времени для отдыха оказалось весьма мало и черезъ $1^1/_2$—2 часа, выпивши нѣсколько чашекъ крѣпчайшаго чаю, который обыкновенно помогаетъ мнѣ отъ головой боли, я входила уже въ засѣданіе коммиссіи съ своей «Прекрасной Нивернезой» въ рукахъ. Прочла я ее громко, отчетливо, съ выраженіемъ, и, очевидно, участники остались довольны моимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ возложенной на меня обязанности. Я и сама чувствовала себя въ своей сферѣ, читая этотъ отзывъ на беллетристическое произведеніе. Но когда мой маленькій тріумфъ, какъ казалось мнѣ, кончился, и предсѣдатель попросилъ секретаря приложить мой отзывъ къ протоколу, приступили къ чтенію рукописи «Уссурійскій край». Сознавая свою полную не компетентность въ произведеніяхъ научнаго содержанія и желая даже подчеркнуть это какимъ-либо внѣшнимъ проявленіемъ, я отошла отъ коммиссіоннаго стола и сѣла поодаль съ одной изъ участницъ дѣла. Читалъ рукопись молодой профессоръ, беззавѣтно увлеченный предметомъ, о которомъ шла рѣчь. Но это беззавѣтное увле-

ченіе не помѣшало вкрасться скукѣ, которая съ каждой новой главой все больше и больше овладѣвала мною. Сухой перечень растеній и животныхъ, находящихся въ Уссурійскомъ краѣ, тяжелый слогъ съ безпрестаннымъ повтореніемъ слова «дѣйствительно», всякое отсутствіе живости изложенія и яркости красокъ—все это вмѣстѣ взятое напоминало зубреніе гимназиста по сухому, казенному учебнику. «И еще потомъ будутъ говорить, что народъ не любознателенъ!» думала я въ то время, когда глаза мои смыкало желаніе заснуть. Чтобы развлечь себя чѣмъ-либо, я дѣлилась потихоньку съ сосѣдкой своими впечатлѣніями, и она была вполнѣ солидарна со мною. «Да и какъ же можетъ быть иначе?» думалось мнѣ. Навѣрное, вся коммиссія будетъ вполнѣ солидарна во взглядахъ на эту рукопись!

Наконецъ, чтеніе окончилось. И, вѣроятно, желая изъ учтивости выслушать прежде всего мнѣнія дамъ, предсѣдатель обратился къ М. Н. С., сидѣвшей vis-à-vis съ нимъ за столомъ, и просилъ высказать ея взглядъ на только-что прочитанное произведеніе. М. Н. С. аттестовала его съ самой лучшей стороны. Я съ удивленіемъ взглянула на нее и подумала: «что это такое—духъ противорѣчія, что-ли?» Я увѣрена была, что она останется при отдѣльномъ мнѣніи, и мнѣ было досадно на нее. Въ эту минуту предсѣдатель обратился ко мнѣ и потребовалъ моего мнѣнія. Совершенно позабывши о своей некомпетентности, я съ самой крайней горячностью и задоромъ изложила все то, о чемъ сообщала я своей сосѣдкѣ во время чтенія.

Послѣ меня держалъ рѣчь молодой профессоръ. Въ голосѣ его слышалось положительное раздраженіе противъ меня. Онъ горячился, размахивалъ руками и говорилъ быстро и порывисто: «Несмотря на всю вашу компетентность (при этихъ словахъ я съ удвоенною силою почувствовала все свое ничтожество), я долженъ сказать вамъ, что и среди народа, какъ и среди интеллигенціи, есть люди серьезные, интересующіеся не какими-либо побасенками; для нихъ не для чего сочинять особо занимательныхъ книгъ,—они прочтутъ каждое научное сочиненіе съ интересомъ и пользою».

На смѣну ему выступилъ предсѣдатель собранія. Рѣчь его была спокойна и полна достоинства; она вполнѣ гармонировала съ тѣмъ, что было высказано М. Н. С.; но только вмѣсто удивленія, которое ощущала я тогда, я почувствовала, что лечу куда-то въ пропасть, и думала мучительно: «какъ смѣла я запутаться въ этотъ ученый трактатъ?!»

Послѣ предсѣдателя говорилъ одинъ изъ членовъ коммиссіи народныхъ чтеній, затѣмъ еще и еще кто-то, и всѣ они были солидарны. Я оглянулась безнадежно на свою единомышленницу и даже дернула ее за рукавъ, но, очевидно, компетентныя мнѣнія компетент-

ныхъ людей лишили ее смѣлости высказаться такъ прямо, какъ высказалась я. Сознавши свое фіаско, я начала извиняться за вмѣшательство въ область, недоступную мнѣ. Вѣроятно, почувствовавши всю искренность этихъ извиненій, предсѣдатель сказалъ мнѣ ласково: «Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, успокойтесь, Христина Даниловна! Вы положительно внесли жизнь въ наше собраніе. Совсѣмъ нежелательно, чтобы въ подобныхъ засѣданіяхъ всѣ пѣли въ унисонъ».

Но эти ласковыя слова мало утѣшили меня, и я уходила изъ коммиссіи сконфуженная и недовольная собой, давая себѣ слово никогда не мѣшаться болѣе въ пренія по научнымъ предметамъ.

Когда я возвратилась домой, часы показывали 12. Посреди комнаты стоялъ раскрытый сундукъ, въ который не было положено еще ни одной вещи; онъ точно будто говорилъ мнѣ: «а вѣдь надо укладываться!» И я дѣйствительно укладывалась до 3-хъ часовъ утра, съ тѣмъ, чтобы проснуться въ шесть. Но сонъ мой былъ очень тревоженъ. Приступъ головной боли возвратился съ новой силой. Мнѣ грезилась то «Прекрасная Нивернеза» со всѣми ея дѣйствующими лицами; то Ольга Т., которую мнѣ удалось-таки привлечь въ школу послѣ двухъ мѣсяцевъ отсутствія, то дворничиха, которая, услышавши извиненія въ моей новой поѣздкѣ въ Петербургъ, говорила мнѣ снисходительно и любовно: «ну, что-жъ, проѣздитесь, отдохните! насъ поучитъ А. Д.»; то крошечная маленькая дѣвочка, которую я тихо убаюкивала, держа на рукахъ; то молодой профессоръ, говорившій мнѣ что-то, что, казалось мнѣ, я давно знала безъ него...

«Нѣтъ, такъ работать невозможно!» думала я, проснувшись въ шесть часовъ утра, «да еще въ день, когда даже птица гнѣзда не вьетъ и всѣ люди отдыхаютъ».

На вокзалѣ мнѣ было невыносимо грустно. Городъ еще спалъ; на платформѣ ходили 2—3 унылыя незнакомыя фигуры. Я вырвала изъ записной книжки листикъ, достала изъ сумочки карандашъ и написала нѣсколько горькихъ и желчныхъ словъ самому дорогому для меня человѣку, которыя должны были незаслуженно и глубоко уязвить его. Такова логика человѣческаго сердца. Но въ ту минуту, какъ я дописывала послѣднія жестокія слова, я увидѣла неожиданно издали знакомый образъ, знакомый взглядъ,—и это проявленіе вниманія, и этотъ взглядъ согрѣли мою душу надолго, надолго. Стоило мнѣ только закрыть глаза, чтобы этотъ любимый образъ стоялъ передо мною, какъ живой и освѣщалъ мнѣ дальнѣйшій путь...

31-го марта 1892 г.

Вопросъ о нравственномъ вліяніи и воздѣйствіи на молодежь я считаю чрезвычайно важнымъ; но въ то-же время мнѣ кажется, что лично я неспособна на такого рода вліяніе. Мнѣ кажется, что для

этого требуются рѣчи, воззванія, авторитетный тонъ, а ничего этого у меня нѣтъ. Правда, я искренно люблю эту милую окружающую меня женскую молодежь, искренно уважаю ее за ея честныя стремленія къ общественной работѣ. Но и только. Тѣмъ не менѣе, въ жизни моей нерѣдко проявляются факты, говорящіе объ этомъ нравственномъ воздѣйствіи, котораго я не признаю въ себѣ.

На-дняхъ я получила письмо отъ брата А. Д. Г., народнаго учителя, который пишетъ мнѣ слѣдующее:

«Вчера получилъ письмо отъ сестры, гдѣ она въ чаду упоенія разсказываетъ о томъ, какъ ей счастливо удалось заниматься самой, когда вы ѣздили въ Петербургъ. Вы ее совсѣмъ тамъ наэлектризовали. Это хорошо, что она узнаетъ значеніе народнаго просвѣщенія и за это вамъ благодарность».

Я состою съ Б. Д. Г. въ самой дѣятельной перепискѣ. Письмо его и на этотъ разъ полно интересныхъ вопросовъ, но все-таки для меня дороже всего эти нѣсколько строкъ.

По возвращеніи изъ Петербурга, я нашла въ школьной тетрадкѣ А. Д. Г. слѣдующую записку, обращенную ко мнѣ:

«Въ послѣднее воскресенье, вѣроятно, въ виду приближающихся праздниковъ и усиленной работы, учениць было такъ мало, что я не рѣшилась показать имъ два новыхъ звука, какъ это дѣлаете обыкновенно вы, а показала всего одинъ *ф*. Поступила я такъ въ виду того еще, что въ этотъ разъ собрались сильнѣйшія изъ учениць, а слабѣйшія, которымъ затруднительно было-бы потомъ догнать классъ, отсутствовали.

Буква *ф*, неожиданно для меня самой, представила трудности для учениць: онѣ никакъ не могли выговорить ее правильно и замѣняли звукомъ *х*; такъ, напр., вмѣсто слова «кофта», читали «кохта»; въ другихъ-же случаяхъ никакъ не могли отдѣлить звука *ф* отъ *х* и произносили «штохфъ» вмѣсто «штофъ».

Пробившись надъ этимъ обстоятельствомъ довольно продолжительное время, я пожалѣла, что показала имъ безъ васъ эту трудную для нихъ букву: вы навѣрное съумѣли-бы лучше объяснить имъ различіе».

Записку эту я нашла въ послѣдующее воскресенье послѣ перваго часа занятій и до нея еще, начавши урокъ, по обыкновенію, съ повторенія пройденнаго, замѣтила то, о чемъ писала мнѣ А. Д. Въ виду этого я дала ученицамъ множество примѣровъ словъ, въ которыхъ входили оба эти звука въ началѣ, срединѣ, концѣ и заставила подыскивать подобныя-же слова самостоятельно, требуя опредѣлять, слышится-ли въ данномъ случаѣ *ф* или *х*. Но, упражняясь въ этомъ,

я все-таки чувствовала, что кто-то раньше меня усердно поработалъ въ томъ-же направленіи. Такъ, напр., дворничиха въ самомъ началѣ чтенія безпрестанно поправляла самоё себя. «*Кохта...*» читала она протяжно и тотчасъ говорила торопливо: «то бишь *кофта*; *штохфъ*... то бишь *штофъ*», произнося особенно выразительно неудавшійся ей сперва-на-перво звукъ.

Среда, 8 апрѣля 1892 г.

У насъ бываетъ, обыкновенно, два школьныхъ праздника въ годъ: одинъ, о которомъ я говорила въ своемъ декабрьскомъ дневникѣ,—ёлка, другой—чествованіе годовщины школы. Здѣсь нѣтъ ни народныхъ пѣсенъ, оживляющихъ праздникъ, ни затѣйливой декораціи, ни раздачи вкусныхъ гостинцевъ. День этотъ, по замыслу своему, выглядитъ какъ-то серьезнѣе и строже: послѣ молебна, исполняемаго школьнымъ хоромъ, происходитъ раздача книгъ, и этимъ собственно все дѣло кончается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ праздникъ этотъ имѣетъ свои преимущества, свой притокъ жизни, вносящей веселье и радость. Во-первыхъ, онъ происходитъ весной, когда яркое солнце врывается во всѣ окна, изъ растворенной двери пахнетъ тепломъ, въ школьномъ саду щебечетъ какая-то ранняя птичка, и все вокругъ дышитъ весною и жизнью. Школьный хоръ поетъ священныя пѣсни; но эти звучные, сильные, свѣжіе голоса производятъ впечатлѣніе не покаянія и смерти, а чего-то живого, бодраго, жизнерадостнаго. «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», поетъ довольно монотонно trio, состоящее изъ священника, діакона и причетника. «И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ», подхватываютъ разомъ 80 молодыхъ голосовъ и отзываются радостью въ вашемъ собственномъ сердцѣ. Всѣ веселы, оживленны, счастливы. Добрыя отношенія учительницъ и учоницъ становятся еще какъ-будто добрѣе и трогательнѣе. Вы видите маленькую дѣвочку съ сіяющимъ личикомъ и апельсиномъ въ рукахъ. Ей и самой въ рѣдкость этотъ апельсинъ, стоящій пятачекъ, а пожалуй и гривенникъ, но она принесла его *своей* барышнѣ вмѣсто пасхальнаго яичка и выжидаетъ только, когда выйдетъ та въ залъ. Рядомъ съ нею взрослая дѣвушка; она не держитъ своего апельсина на показъ, какъ это дѣлаетъ ея маленькая сосѣдка,—онъ завернутъ у нея тщательно въ чистенькій бѣлый платочекъ, и она, конфузясь и краснѣя, протягиваетъ вамъ его, какъ-бы крадучись и робко говоритъ: «Христосъ воскресе!»

Вчера на праздникѣ у насъ присутствовала молоденькая дѣвушка-барышня, переступившая впервые порогъ школы. Ей все здѣсь было ново, и вотъ, обращаясь къ своему жениху, она спросила его наивно: «что это значитъ, что однѣ изъ учениц христосуются съ однѣми

изъ учительницъ, а другія съ другими?» Я какъ разъ подоспѣла на этотъ вопросъ и объяснила, что значитъ *моя* барышня.

Пятница, 10 апрѣля 1892 г.

Въ послѣднее время жизнь моя была отравлена письмами ко мнѣ интеллигентныхъ людей со всѣхъ концовъ Россіи по поводу статьи моей о Лермонтовѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли». Въ письмахъ этихъ, если хотите, говорилось много лестнаго и относительно живости изложенія, и относительно красоты слога, но, въ концѣ концовъ, чувствовалось, что это есть не болѣе, какъ литературный пріемъ интеллигентнаго человѣка передъ тѣмъ, какъ онъ желаетъ укусить тебя въ самое больное мѣсто. Въ данномъ случаѣ этимъ больнымъ мѣстомъ являлись сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли крестьяне поняли поэзію Лермонтова такъ, какъ описываю я, и дѣйствительно-ли они говорили то, что говорили. Всѣ эти сомнѣнія и воздыханія настолько бѣсили меня, настолько противенъ казался мнѣ интеллигентный человѣкъ, воображающій, что только одного его природа одарила свѣтлымъ умомъ, душевной чуткостью ко всему прекрасному и яснымъ пониманіемъ жизненныхъ явленій, что я давала себѣ слово никогда больше не дѣлиться съ ними своими впечатлѣніями на этотъ счетъ. И вдругъ сегодня произошло нѣчто, что пролило на мою душу какой-то цѣлебный и умиротворяющій бальзамъ.

Я совершала, по обыкновенію, свою утреннюю прогулку. Погода была сѣренькая, непріятная, съ несвоевременной пылью, не гармонирующей съ неожиданно наступившимъ холодомъ. Въ переулкѣ, по которому шла я, не было видно ни души, и одинъ только пожилой человѣкъ въ неуклюже-сшитомъ пальто и въ купеческомъ картузѣ, надвинутомъ на брови, шелъ по противоположному тротуару. Завидѣвши меня, онъ рѣзко перешелъ улицу и направился прямо ко мнѣ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ и глядя на меня съ необычайнымъ привѣтомъ и лаской.

«Не узнаете меня, Христина Даниловна?» началъ онъ, «да и не мудрено: рѣдко встрѣчался, да и то такъ гдѣ-нибудь на улицѣ, въ переулкѣ. Я, признаться сказать, давно уже бросилъ кланяться вамъ— къ чему, какое между нами знакомство? Знавали мы васъ когда-то на дачѣ съ женою и то такъ, можно сказать, мимолетно, потому что мы люди простые, а вы совсѣмъ въ другомъ обществѣ находитесь. И не возобновилъ-бы я вамъ своихъ поклоновъ, если-бы не случилось одно маленькое обстоятельство... Читать я, признаться, читаю мало, да и куда намъ читать! вѣдь, мы на мѣдные гроши учены; но все-таки, напр., и среди купечества, и среди нашего брата-приказчика, если знакомая фамилія попадется, — интересно. Вотъ и говорятъ мнѣ: «прочти—Алчевская сочинила!» И взялъ я журналъ

по названью «Мысль Русская» и началъ читать. Сначала читаю и думаю: «хорошо сочинено, ловко!» а дальше совсѣмъ даже и объ этомъ позабылъ, точно будто меня въ эту самую хату ввели и при всемъ этомъ вашемъ разговорѣ я присутствую. Думаю себѣ: «нѣтъ, это все не сочинено, не можетъ быть, это все такъ въ дѣйствительности было». И припомнилась мнѣ ночь одна: ѣду въ степи, свѣту Божьяго не видно—такая метель, вотъ-вотъ заблудимся, надо непремѣнно куда-нибудь прибиваться. Видимъ—огонекъ издали, подъѣхали — шинокъ; дѣлать нечего, вхожу туда, хоть и не люблю по шинкамъ быть. Народу тьма-тьмущая, весело такъ сидятъ, разговариваютъ, спорятъ о чемъ-то, на меня ровно никакого вниманія не обращаютъ. Но я все-таки почувствовалъ, что не моя это компанія и что я могу только стѣснить ихъ; усѣлся себѣ поодаль—благо пустая скамеечка нашлась, положилъ свой узелокъ, подушку и прилегъ. Ни пить, ни ѣсть мнѣ ничего не хотѣлось: уморился крѣпко съ дороги; но заснуть тоже не могу, то закрою, то открою глаза—не спится. И сталъ я вслушиваться въ ихніе разговоры мужицкіе, и хоть самъ я не Богъ знаетъ какого рода, мѣщанскаго, даже по фамиліи можно судить, но, живя въ городѣ и не видя мужика, думалъ: «дураки они всѣ, невѣжды и далеко имъ до насъ, до горожанъ!» А тутъ, какъ послушалъ, просто диву дался. И откуда у нихъ эти умныя рѣчи берутся, эти слова, разсужденія?! И объ чемъ только тутъ ни говорили! Предполагая, что я сплю, начали о городѣ говорить и о горожанахъ, о господахъ, купцахъ, мѣщанахъ, о прислугѣ городской; стали издѣваться надъ барскимъ чванствомъ, надъ купеческой сытостью, надъ мѣщанскимъ невѣжествомъ, надъ обезьянствомъ прислуги и такъ, можно сказать, остро, что хоть и самого меня это нѣсколько касается, а никакъ не могу воздержаться отъ смѣха. До самаго утра ихъ слушалъ съ такимъ интересомъ, что, кажется, если-бы и былъ сонъ, такъ навѣрное прошелъ-бы. На разсвѣтѣ, какъ только развиднѣлось, мы поѣхали дальше и совсѣмъ-было я и позабылъ объ этомъ событіи за давностью лѣтъ, но какъ сталъ читать ваше сочиненіе, такъ у меня передъ глазами этотъ шинокъ и возникъ; тѣ-же самые мужики да и только, точно, будто вы съ нихъ фотографію снимали».

Я возвратилась съ моей утренней прогулки совсѣмъ довольною и счастливою, готовою простить всѣхъ и все, даже ту интеллигентную барыню, которая писала мнѣ, что, по ея мнѣнію, и мужики, и хата, и ихъ разговоры—все это не болѣе, какъ фикція, ловко построенная мною.

Воскресенье, 12-го апрѣля 1892 г.

Сегодня, по случаю, вѣроятно, послѣдняго дня праздниковъ, учениц было такъ-же мало, какъ и въ прошлый разъ, и не только въ

моей группѣ, но и въ другихъ. Прошелъ слухъ, будто въ этотъ день совсѣмъ не будетъ занятій; иныя повѣрили ему и не пришли въ школу. Слухъ этотъ возникъ, вѣроятно, потому, что были годы, когда мы, дѣйствительно, не занимались въ это святочное воскресенье.

Въ группу нашу явились опять сильнѣйшія изъ учениць, и я, какъ и А. Д., сочла возможнымъ показать имъ только одинъ новый звукъ *з*, имѣя въ виду слабѣйшихъ. Но что за наслажденіе заниматься съ этими сильнѣйшими! Всѣ онѣ точно подобраны одна къ другой: та-же степень вниманія, то-же рвеніе къ занятіямъ, та-же быстрота усвоенія новаго матеріала. Не будь этихъ слабѣйшихъ, имъ можно было-бы показать сразу 3—4 звука. И въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что ихъ невозможно больше задерживать, несмотря на все мое желаніе не разстраивать класснаго обученія, и въ слѣдующій разъ непремѣнно раздѣлю группу на двое. Подраздѣленіе это имѣетъ еще и то основаніе, что первая группа образуется изъ учениць по преимуществу старѣйшихъ по годамъ, а вторая—изъ болѣе молодыхъ.

Въ это послѣднее воскресенье при занятіяхъ моихъ присутствовалъ инспекторъ народныхъ училищъ, И. Я. Л. Это не только инспекторъ, но и общественный дѣятель, учредитель многихъ библіотекъ по селамъ. Онъ большой знатокъ школьнаго дѣла, и я чрезвычайно интересовалась его мнѣніемъ. Занятія у меня шли какъ нельзя лучше, и я чувствовала, что его одобрительный отзывъ вполнѣ заслуженъ мною; но мнѣ все-таки не хотѣлось признаться ему, что классъ состоитъ въ этотъ разъ изъ сильнѣйшихъ учениць. Послушалъ-бы онъ, напримѣръ, мою Лукерью В. или Анюту К. въ то время, какъ на нихъ находитъ затменіе, и результаты получились-бы совсѣмъ иные. Но моя-ли это собственно вина, какъ учительницы, я не могу отвѣтить по совѣсти.

Бываютъ посѣтители, стѣсняющіе меня нѣсколько, — это именно тѣ, которые обращаютъ вниманіе на мелочи и производятъ впечатлѣніе людей, подстерегающихъ каждый малѣйшій промахъ; но И. Я. Л. нисколько не стѣснялъ меня: я была твердо увѣрена, что онъ все пойметъ, разсудитъ, опредѣлитъ, оцѣнитъ по достоинству.

Бѣдная Лукерья В.! она не была ни на праздникѣ, ни въ школѣ: собаки изранили ея маленькую сестричку двухъ лѣтъ, и она ежедневно носитъ ее въ лечебницу. Столько трагизма и въ самомъ этомъ происшествіи, и въ неудачѣ бѣдной дѣвушки овладѣть искусствомъ грамоты! Въ эту минуту я еще больше люблю ее и она вызываетъ во мнѣ еще больше жалости и симпатіи.

Вторникъ, 14-го апрѣля 1892 г.

Въ моей маленькой семейной школѣ на 4-мъ часѣ былъ пропущенъ урокъ нѣмецкаго чтенія. Я хотѣла-было замѣнить его рус-

скимъ, но солнце такъ заманчиво глядѣло въ окна, небо было такъ ясно и безоблачно, изъ открытой двери на балконъ такъ обаятельно пахло весной, что я отстранила свой первый планъ и повела дѣтей въ университетскій садъ. Очутившись на вольномъ воздухѣ и почуявъ свободу, они, точно птицы, вырвавшіяся изъ клѣтки, помчались по главной аллеѣ, не испросивъ даже на то у меня разрѣшенія. Они бѣжали быстро, не оглядываясь, и, когда достигли конца аллеи, еле переводили дыханіе и даже самыя блѣдныя изъ нихъ зарумянились румянцемъ. Обратно на гору они не въ силахъ были уже бѣжать, и мы шли всѣ вмѣстѣ тихо—кто вразбродъ, кто парами, весело смѣясь и разговаривая.

Мы шли по главной аллеѣ въ то время, какъ я замѣтила на боковой дорожкѣ, на скамеечкѣ, молодую дѣвушку-блондинку и мальчика брюнета, лѣтъ 6—7. Дѣвушка держала книгу въ рукахъ и, наклонившись къ ребенку, читала ему что-то вполголоса. Выраженіе лица мальчика было чрезвычайно напряженно; выразительные глаза свѣтились точно два уголька, щечки зардѣлись румянцемъ, и весь онъ былъ сосредоточенъ и взволнованъ. Въ первую минуту я не узнала-было лица дѣвушки, такъ какъ простенькая черная шляпа съ большими полями почти закрывала его, но, подойдя ближе, увидѣла нашу бывшую ученицу, Варю С. До меня доходили слухи, что изъ нея вышла прекрасная бонна и что жалованье ея возрасло до 18 руб., что̀ у насъ платятъ только иностранкамъ-нѣмкамъ. Но я давно не видѣла ея лично и, обрадовавшись этой встрѣчѣ, подошла къ ней. Кромѣ того, меня привлекало незнакомое мнѣ личико мальчика, который до такой степени заслушался чтенія, что, когда мы подошли къ нимъ всей веселой компаніей, онъ какъ-то исподлобья, недружелюбно взглянулъ на насъ и снова углубился въ разсмотрѣніе картинки раскрытой передъ нами книги. Глядя на лицо ребенка, я была почти увѣрена, что онъ слушалъ сказку, и, чтобы окончательно удостовѣриться въ этомъ, спросила дѣвушку, которая также обрадовалась мнѣ: «что именно читаете вы съ нимъ, Варя?» Она подала мнѣ книгу съ яркой обложкой, на которой было напечатано красными буквами: «Нянины сказки».

— Сколько ему лѣтъ?

— Шесть.

— Чей это ребенокъ?

— Доктора К.

— А вы постоянно читаете ему сказки или-же и что-нибудь другое?

— Онъ очень любитъ сказки.

При этомъ отвѣтѣ я сочла своимъ нравственнымъ долгомъ про-

честь Варѣ С. коротенькую лекцію о томъ, что исключительное чтеніе сказокъ слишкомъ развиваетъ воображеніе ребенка и что читать ихъ слѣдуетъ въ перемежку съ разсказами изъ дѣйствительной жизни. Я рекомендовала ей при этомъ изданія Фребелевскаго Общества, за что она поблагодарила меня, и мы пошли.

— Что это за мальчикъ?—спросилъ меня кто-то изъ дѣтей.

— Мальчика я не знаю,—отвѣчала я,—а о дѣвушкѣ могу разсказать вамъ коротенькую біографію. Варя С. была маленькая, худенькая, блѣдненькая, плохо одѣтая дѣвочка, когда поступила къ намъ въ воскресную школу, гдѣ учатся даромъ. По буднямъ она помогала своей бѣдной матери въ работѣ, а по воскресеньямъ та посылала ее учиться. Отца у Вари не было, а былъ отчимъ—наборщикъ и пьяница. Онъ обижалъ и жену, и дочь, но Варя никогда не жаловалась намъ на него. Мы слышали объ этомъ только стороной и вѣрили этому, глядя на грустное личико дѣвочки, на ея нервныя подергиванья и слезы, которыя вызывала въ ней каждая грустная книжка. Училась у насъ Варя очень хорошо, пожалуй, лучше всѣхъ; пересказывала прочитанное такъ, что просто заслушаться. Годы шли; она выросла въ высокую 16-ти-лѣтнюю дѣвушку, научилась порядочно шить; но ее больше тянуло къ книгамъ, къ ученью, къ дѣтямъ, и она сдѣлалась бонной, получаетъ порядочное вознагражденіе, помогаетъ немножко своей больной матери и младшей сестрѣ и пользуется уваженіемъ и симпатіей тѣхъ семей, въ которыхъ живетъ она. Всѣмъ своимъ скромнымъ благосостояніемъ Варя обязана самой себѣ. она не училась нигдѣ, кромѣ воскресной школы, а мы, съ другой стороны, очень счастливы, что наша школа могла научить ее тому, чему научила.

Дѣти слушали внимательно мой разсказъ. Даже дѣвочка съ птичьимъ выраженіемъ глазъ, говорящая лучше по французски, чѣмъ по русски, задумалась и, глядя на меня своимъ милымъ, наивнымъ взглядомъ, сказала: «значитъ, воскресная школа—это хорошо!»

— Еще-бъ не хорошо!—возразилъ ей авторитетнымъ тономъ мальчикъ, сестра котораго находится въ составѣ нашихъ учительницъ.

Я возвратилась домой довольная и прогулкой, и встрѣчей съ Варей С., и своимъ разсказомъ о ней. «Да это полезнѣе, пожалуй, нѣмецкаго и русскаго чтенія», думала я, если даже въ разсказѣ, который читала-бы я дѣтямъ, фигурировала-бы для ихъ назиданія такая-же добродѣтельная дѣвушка, пробившая себѣ дорогу такимъже честнымъ трудомъ. Тамъ они видѣли-бы болѣе или менѣе удачную фотографію, а здѣсь передъ ними предсталъ живой, реальный образъ, который навѣрное ярче запечатлится въ ихъ дѣтскомъ воображеніи.

Понедѣльникъ, 4-го мая 1892 г.

Опять мнѣ пришлось покинуть свою группу на цѣлыхъ два воскресенья по случаю поѣздки въ Петербургъ. Но оказалось, что ученицы мои попали въ хорошія руки, и, говоря по совѣсти, я не могу рѣшить, когда сдѣлали-бы онѣ больше успѣха — при мнѣ, или при неопытной въ началѣ года А. Д. Г. Когда я стала, такъ сказать, экзаменовать ихъ, то пройденные звуки оказались вполнѣ усвоенными, и для окончанія алфавита пришлось показать только *ж*, *й* и *ъ*.

Когда я шла въ школу, я твердо рѣшила, что на этотъ разъ слабѣйшія всенепремѣнно должны быть отдѣлены отъ сильнѣйшихъ; но экзаменъ показалъ вполнѣ ясно, что даже Прасковья К. и Анюта К. не отстаютъ отъ другихъ и очень бойко и красиво выводятъ продиктованныя слова.

Не могу выразить, съ какимъ чувствомъ радости и гордости взглянула я послѣ экзамена на мою юную сотрудницу. И говоря ей слова привѣта, думала про себя: «Она положительно достигла большихъ успѣховъ, чѣмъ я. Почему это такъ? Вѣроятно, потому, что она была терпѣливѣе и усидчивѣе въ своихъ занятіяхъ. Я больше всего дорожу жизнью въ классѣ, больше всего гонюсь за оживленными лицами и общимъ бодрымъ настроеніемъ, быть можетъ, слишкомъ преувеличенно опасаюсь апатіи и скуки. Вотъ почему при малѣйшемъ зѣвкѣ я готова бросить подчасъ на произволъ судьбы слабѣйшихъ изъ ученицъ и ободрить сильнѣйшихъ новымъ шагомъ впередъ».

Я всегда люблю школу; но, войдя въ нее черезъ двѣ недѣли разлуки, чувствую какую-то особенную теплоту и радость. Мнѣ кажется, что все кругомъ улыбается мнѣ самымъ искреннимъ привѣтомъ. Такъ было и вчера. Група моя была почти вся на лицо. Когда мы дошли до буквы *х*, я, для разнообразія, сказала имъ: «теперь я не буду диктовать вамъ, а пусть напишетъ каждая на эту букву, кто что хочетъ». Пріемъ этотъ вызвалъ особенное оживленіе и усердіе. Всѣ какъ-то засуетились и оживились: кое-кто совѣтовался другъ съ другомъ, какой-то шепотъ передавался отъ одной къ другой. Я дала полную волю ихъ самостоятельности и отошла даже немного въ сторону. Когда я подошла къ столу, всѣ лица какъ-то особенно сіяли, а на доскахъ у всѣхъ было написано: «Христина Даниловна». Правда, кой у кого было пропущено по одному звуку, на одной изъ досокъ стоялъ *ъ* на концѣ, а на одной—*ы* вмѣсто *и*, но все-таки сюрпризъ этотъ былъ для меня чрезвычайно пріятенъ и дорогъ. Въ то время, какъ я радостно разсматривала доски, одна изъ взрослыхъ ученицъ какъ-то быстро и порывисто сѣла на свое мѣсто и нацарапала грифелемъ еще что-то, это «что-то» было: «Аполлинарія Дмитріевна».

Очевидно, ей пришла въ голову деликатная мысль, какъ-бы не обидѣть этимъ преимуществомъ молодую добрую учительницу, и она поспѣшила восполнить этотъ пробѣлъ.

Просматривая записную тетрадь, я замѣтила, что дворничиха не была въ школѣ прошлый разъ, и спросила ее о причинѣ.

— Родственники понаѣхали съ деревни къ Егорью, чтобъ ихъ совсѣмъ!—отвѣчала она, какъ-то презрительно махнувъ рукой.—Да еще и смѣются: что ты бѣлены объѣлась, что-ли, что вздумала учиться на старости лѣтъ? А я имъ говорю: во-первыхъ, я не старая (и она какъ-то молодцовато тряхнула своими сильными плечами), а во-вторыхъ, въ этомъ ровно ничего нѣту постыднаго.

Я поспѣшила развить въ довольно пространныхъ словахъ высказанную ею мысль, но чувствовала, что то, что высказала *она*, было сказано проще, но сильнѣй, и производило бо́льшее впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на меня.

Я освѣдомилась, между прочимъ, о Лукерьѣ В. Увы! она не появлялась больше въ школѣ, но, говорятъ, будто Мареа Т. продолжаетъ учить ее. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!

Вторникъ, 12-го мая 1892 г.

Въ воскресенье, 10-го мая, я пришла въ школу очень, очень рано, раньше всѣхъ; даже завѣдующей распредѣленіемъ группъ не было еще. Увидѣвши Марію Т. съ книжечкой въ рукахъ, которую я дала ей для прочтенія на домъ, я пригласила ее въ музей, усадила рядомъ съ собою и начала разспрашивать о прочитанномъ. Въ это время нѣсколько маленькихъ ученицъ съ шумомъ ворвались въ комнату и, перебивая другъ друга, заявили мнѣ, что меня спрашиваетъ какая-то барышня-учительница, которая желаетъ поступить въ школу съ осени. Я быстро пошла на встрѣчу. Передо мною стояла дѣвушка необычайно изящной наружности и съ отпечаткомъ той-же изящности на каждой складкѣ платья. Легкій румянецъ чуть-чуть покрывалъ ея нѣжное лицо, какъ-бы гармонируя съ блѣдно-розовымъ крепомъ, выглядывавшимъ изъ-подъ ея темнаго платья. Большіе, темные грустные глаза глядѣли на меня прямо въ упоръ, какъ-бы спрашивая, я-ли это?

Э. О. К. желала устроить мистификацію, но ей этого не удалось, и черезъ секунду я знала уже, что передо мною стоитъ давно жданный и желанный мною человѣкъ, знакомый мнѣ и даже родной по перепискѣ.

— Ахъ, какъ это удачно, что мы можемъ встрѣтиться, какъ мечтали, на необитаемомъ островѣ, безъ постороннихъ наблюдателей! сказала я, вводя ее въ музей.

Марія Т., съ прирожденной ей деликатностью, тотчасъ почув-

ствовала себя лишней и ушла. Мы остались вдвоемъ. Въ эту минуту неожиданной встрѣчи, подъ обаяніемъ впечатлѣній отъ поэтическаго образа, музей нашъ, въ самомъ дѣлѣ, показался мнѣ на секунду необитаемымъ островомъ, и всѣ эти рыбы, птицы, животныя, окружавшія насъ тутъ,—какой-то сказочной обстановкой, о которой мечтали мы въ письмахъ. Меня смущала, однако, нѣсколько эта слишкомъ уже изящная внѣшность дѣвушки, эта слишкомъ изысканная нѣжность въ чертахъ и безстрастіе, разлитое по этому блѣднорозовому лицу. Гдѣ-же таится эта рѣзкость, этотъ скептицизмъ, раздраженіе, иронія, которыми полны были ея письма? Все такъ спокойно въ ней, прилично, уравновѣшено каждое движеніе, каждый поворотъ головы. И только большой, точно изваянный лобъ съ густою прядью темныхъ волосъ, небрежно брошенныхъ на него, какъ-будто таитъ въ себѣ какія-то тайны.

Мало-по-малу школа начала наполняться. Звонокъ, молитва, первый урокъ. Я приглашаю Э. О. послушать прежде всего мои занятія. Я думаю самонадѣянно, что первыя впечатлѣнія необходимо сдѣлать пріятными. Я вся проникнута мыслью дать блистательное «представленіе»; но—о ужасъ!—мнѣ припоминается съ удивительной ясностью скептическій складъ ума экзаменующаго меня въ данный моментъ человѣка, и я чувствую, какъ силы и увѣренность измѣняютъ мнѣ. Меня пугаетъ сомнѣніе, разъясню-ли я съ достаточной ясностью, и особенно такимъ ученицамъ, какъ Анюта К., какое именно значеніе играютъ въ срединѣ слова *г* и *ъ*. Я позабыла даже всѣ слова, которыя заготовила на это правило, и рѣшительно не помню, куда положила я листикъ, на которомъ были написаны эти слова. Былъ у меня и еще одинъ планъ на сегодняшній день—это заняться повтореніемъ всѣхъ пройденныхъ звуковъ съ самаго начала и до конца азбуки, быстро и оживленно диктуя ученицамъ по одному слову на каждый звукъ и удостовѣряясь такимъ образомъ въ томъ, насколько прочно онѣ усвоили пройденное. Планъ этотъ я помнила хорошо, и потому приступила къ нему, но—увы!—диктовка словъ шла крайне вяло. Мнѣ было какъ-будто досадно даже, что ученицы такъ добросовѣстно усвоили все пройденное и пишутъ, точно машины, слово-за-слово, не обращаясь ко мнѣ ни съ какими недоразумѣніями и лишая меня случая отличиться. Часъ этотъ показался мнѣ томительно длиннымъ. Я подозрѣвала, что учительница позабыла позвонить во-время, и когда прозвонилъ звонокъ, я чувствовала бóльшее утомленіе, чѣмъ послѣ 4-хъ часовъ занятій.

На второй часъ смущающій меня человѣкъ ушелъ анализировать другіе классы, а на смѣну ему вошли двѣ молодыя дѣвушки, учительницы мужской воскресной школы, мало знакомая мнѣ дѣвица,

работающая въ общественной библіотекѣ, наша бывшая учительница, пріѣхавшая изъ Смоленска къ моему юбилею, и одна изъ нашихъ учительницъ-библіотекарей. Я бойко и весело взглянула на нихъ, мнѣ казалось, что какая-то тяжесть разомъ свалилась съ моихъ плечъ, и я съ необычайнымъ одушевленіемъ и увѣренностью принялась за урокъ. Листикъ съ примѣрами оказался у меня подъ рукой, на немъ ясно и отчетливо было написано: «сѣмя, семья, семь, съѣмъ, сѣлъ, съѣлъ». Объясненіе мое было такъ толково и удачно, что ученицы съ удивительной быстротой усвоили себѣ это новое понятіе. Но мнѣ все-таки было досадно на себя. Пусть-бы лучше я опозорилась передъ всѣми этими незнакомыми мнѣ барышнями, чѣмъ уронила себя, какъ учительницу, въ глазахъ человѣка, мнѣніемъ котораго такъ дорожу я. Я хотѣла-было пригласить Э. О. на свой третій урокъ, чтобы поправить бѣду, но при одной мысли объ этомъ чувствовала, что со мною опять произойдетъ та-же самая исторія, и была права.

На 4-й часъ Э. О. безъ всякой просьбы съ моей стороны пришла послушать, какъ веду я чтеніе разсказа съ ученицами. Я читаю обыкновенно плавно, ровно, увѣренная въ доброкачественности своего чтенія; но тутъ я нѣсколько разъ сбивалась на самыхъ обыкновенныхъ словахъ и чувствовала себя погибающей, какъ и на первомъ урокѣ.

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о моихъ личныхъ ощущеніяхъ, перейду къ разбору трехъ разсказовъ, изданныхъ коммиссіей при Харьковскомъ Комитетѣ грамотности и прочитанныхъ мною въ воскресной школѣ.

Издательская коммиссія при Харьков. Общ. грам. задумала рядъ дешевыхъ изданій для народа, и первыми изъ нихъ появились: «Среди французовъ» и «Несчастная». «Среди французовъ» является собственно общимъ названіемъ, а книжечка содержитъ въ себѣ два разсказа: первый—«Тайна стараго мельника», второй—«Обезьяна». Читатель изъ народа не понимаетъ, однако, этого общаго заглавія и говоритъ: тутъ три разсказа: одинъ—«Среди французовъ», другой—«Тайна стараго мельника», третій—«Обезьяна» (Попадается также и нѣсколько непонятныхъ словъ). Оба разсказа заимствованы у Доде, но подверглись значительнымъ передѣлкамъ и сокращеніямъ. Вотъ почему, вѣроятно, «Тайна стараго мельника», который никакъ не могъ помириться съ нововведеніемъ паровыхъ мельницъ и, желая показать сосѣдямъ, что онъ вовсе не разорился, возилъ въ мѣшкахъ известку и щебень, не производитъ особеннаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, на горожанъ. Образъ стараго мельника довольно блѣденъ, и трагизмъ его положенія какъ-то не трогаетъ душу. Гораздо

бо̀льшее впечатлѣніе производитъ разсказъ «Обезьяна». Бѣдная женщина, жена пьяницы-мужа, приходитъ въ шинокъ, чтобы тащить его оттуда домой. Когда-то она была молода и красива, но горе и непосильный трудъ сдѣлали ее безобразной и дали ей прозвище «Обезьяна». Бѣдная женщина подвергается въ кабакѣ всевозможнымъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ, но все-таки тащитъ съ собою своего забулдыгу-мужа. Дорогой онъ близокъ къ тому, чтобы на смерть поколотить ее; но по мѣрѣ того какъ кабакъ исчезаетъ изъ глазъ и они приближаются къ убогому жилищу, гдѣ ждутъ ихъ голодныя дѣти, пьяница-мужъ смягчается и покорно идетъ за женой.—«Эта куда лучше и жальче!» говорятъ ученицы воскресной школы, возвращая книжечку.

Бросился мнѣ въ глаза и такой еще случай: мальчикъ интеллигентной семьи прочелъ «Обезьяну»; какъ-то онъ ѣхалъ съ матерью, а на улицѣ у воротъ кривлялась и гримасничала безобразная, уродливая дѣвченка; остальныя уличныя дѣти стояли тутъ-же и смѣялись надъ ней. «Боже, что за уродъ!» сказала мать и невольно разсмѣялась, глядя на комическія кривлянья дѣвочки.

— Можетъ, и я смѣялся-бы надъ нею,—замѣтилъ задумчиво мальчикъ,—если-бъ не прочелъ сегодня «Обезьяны» Доде.

Еще большее впечатлѣніе производитъ на взрослыхъ ученицъ разсказъ «Несчастная» (передѣлка съ польскаго). Несчастье Магды также состоитъ въ томъ, что мужъ ея—пьяница. Магда—здоровая, красивая, работящая баба, беззавѣтно любящая своего Андрея—могла-бы жить совершенно счастливо, если-бы не пагубная страсть его къ кабаку. Андрей также горячо любитъ жену, пока онъ трезвъ, а въ пьяномъ видѣ немилосердно бьетъ и истязаетъ ее. Магда покоряется мужу, но всему есть предѣлъ. Андрей задумалъ свести въ шинокъ корову, кормилицу семьи. Магда отстаиваетъ свои права на нее и, въ припадкѣ отчаянія и злобы, схватываетъ часть стараго колеса, наноситъ имъ ударъ мужу—и тотъ падаетъ, истекая кровью...

Это нежданное, нежеланное преступленіе вызываетъ къ ней общее сочувствіе и состраданіе въ читателѣ изъ народа, и на вопросъ учительницы, какъ вы думаете, обвинятъ ее или оправдаютъ на судѣ присяжные, ученицы говорятъ задумчиво: «должны оправдать!..» «она даже не думала, не чувствовала и не помнила себя, когда произошло съ ней это несчастіе».

Разсказы «Тайна стараго мельника» и «Обезьяна» могутъ быть даны въ руки и ребенку, и взрослому человѣку; разсказъ-же «Несчастная» пригоденъ исключительно для взрослыхъ, такъ какъ потрясать душу ребенка подобными раздирающими душу сценами совсѣмъ не слѣдуетъ.

10-го іюля 1892 г.

Итакъ, я въ Крыму. Въ минуты отдыха передо мною происходятъ воспоминанія послѣднихъ дней въ Харьковѣ. Какъ удивительно бурны и тревожны были эти дни! Когда я начинала свой дневникъ въ декабрѣ, я имѣла цѣлью дать скромный отчетъ о томъ, какъ именно пройдутъ эти полгода въ стѣнахъ школы для учительницы, намѣтившей себѣ задачу—научить грамотѣ неграмотныхъ людей. Дневникъ этотъ предназначался исключительно для кружковыхъ собраній учительницъ по звуковому методу. И вдругъ въ него ворвался, совсѣмъ нежданно и негаданно для меня, самый яркій эпизодъ изъ всей моей жизни—чествованіе моей 30-ти-лѣтней работы въ школѣ. Какъ ни отклоняла я отъ себя этого праздника, какъ ни страшилась излишняго шума и говора, обвиненій въ самолюбіи, честолюбіи и тщеславіи,—мнѣ все-таки не удалось устранить его и я очень хорошо видѣла и замѣчала настроеніе всѣхъ моихъ школьныхъ друзей, которые безпрестанно шептались о чемъ-то, выводили другъ друга въ другую комнату и имѣли какой-то нервно-возбужденный и таинственный видъ. Минутами меня даже сердило это настроеніе. Всѣ мелкія школьныя дѣла какъ-бы отодвинулись на втотой планъ изъ-за какихъ-то интимныхъ совѣщаній. И помню, какъ однажды, когда меня попросили не входить въ общую залу, гдѣ я намѣревалась поговорить съ учительницами о предстоящемъ школьномъ собраніи, я сказала съ раздраженіемъ: «изъ-за этого юбилея всѣ школьныя текущія дѣла отодвинуты у насъ куда-то на задній планъ!» Но бывали и другія минуты: я видѣла встревоженныя лица; слышала вскользь какіе-то вопросы, вызывавшіе недоумѣніе; чувствовала, что кому-то и въ чемъ-то надо помочь и, съ свойственной мнѣ организаторской страстью, мнѣ невыразимо хотѣлось впутаться въ это дѣло, разсуждать, совѣтовать, хлопотать; но въ то-же время я понимала, что это неприлично съ моей стороны, и всѣми силами сдерживала себя въ границахъ. Бывали и такія минуты, когда мнѣ чрезвычайно нравилось это общее нервное настроеніе. Многіе изъ друзей моихъ и сотоварищей по дѣлу какъ-будто переродились: изъ замкнутыхъ, сдержанныхъ, спокойныхъ людей они стали оживленными, энергичными, разговорчивыми. Будничное настроеніе смѣнилось какимъ-то праздничнымъ, жизнерадостнымъ: чувствовался необычайный подъемъ духа, какъ будто кто-то и что-то разбудило въ нихъ дремавшіе дотолѣ инстинкты общественныхъ дѣятелей. Мало по-малу настроеніе это сообщилось чуть не всему городу. До меня начали доходить слухи о томъ, что въ Обществѣ вспоможенія учительницъ и воспитательницъ готовится адресъ, что въ городскую думу внесенъ этотъ вопросъ предсѣдателемъ Общества грамотности,

что даже въ Обществѣ «Краснаго Креста» толкують о немъ, не говоря уже о школахъ и учрежденіяхъ, которыхъ ближе касается наше общее школьное дѣло. Все это, конечно, тревожило и волновало меня, но я силилась сдерживать эти волненія и продолжала работать по прежнему. До 13-го мая оставалось всего 2—3 дня. Тревога моя при мысли объ этомъ днѣ шла crescendo; какъ вдругъ, однажды, утромъ въ рабочіе часы, когда никто обыкновенно не тревожитъ меня, моя рабочая комната наполнилась самыми близкими мнѣ людьми. Взглянувъ на ихъ блѣдныя и встревоженныя лица въ этотъ неурочный часъ, я тотчасъ-же поняла, что надъ головой ихъ стряслась какая-то бѣда и что мысль о сообщеніи мнѣ этой бѣды тяжелымъ камнемъ лежала у нихъ на сердцѣ.

Я принадлежу къ типу тѣхъ людей, которые способны волноваться и мучиться изъ-за пустяковъ, а въ минуты серьезнаго горя— высказывать храбрость и мужество. Вотъ почему, предположивши серьезное горе, я почувствовала въ себѣ силу перенести его, и узнавши, въ чемъ дѣло, не только не разстроилась сама, но старалась даже утѣшить и успокоить тѣхъ, которые усматривали въ этомъ чуть-ли не несчастіе. Особеннаго несчастія, впрочемъ, и не было. Оказалось, что разрѣшеніе на юбилей требуется не только отъ мѣстнаго начальства, но и отъ г. министра народнаго просвѣщенія; что подъ словомъ «высшее» начальство можно подразумѣвать и то, и другое; что на меня, какъ на оффиціальную распорядительницу воскресной школы, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на чиновника, и въ виду всего вышесказаннаго, празднество должно быть отложено на осень. Между тѣмъ, не глядя на эти оффиціальныя регламентаціи, телеграммы, письма, адресы стекались со всѣхъ концовъ Россіи и, несмотря на своевременное указаніе мѣстожительства людей, руководившихъ этимъ дѣломъ, иные изъ нихъ были направлены-таки на мое имя. Все это несказанно радовало меня и подымало все выше и выше мои нервы, такъ что, проснувшись 13-го мая, я чувствовала себя въ самомъ праздничномъ настроеніи. Тѣмъ не менѣе, сознавая, что праздникъ отложенъ, я принялась за свою будничную работу и радостно раскладывала на столѣ рукописи и книги. Но задуманной работѣ не суждено было, однако, осуществиться въ этотъ день. Напрасно я силюсь припомнить, въ которомъ именно часу началось мое торжество: въ воспоминаніяхъ моихъ рисуется только общая картина этого дорогого для меня дня: вѣнки, цвѣты, букеты какъ-бы затмѣваютъ самыя лица. Сильнѣе всего я какъ-будто чувствую ароматъ розъ и весны, ворвавшихся въ эту залу и гостиную и наполнившихъ ихъ свѣтомъ и радостью. Но нѣтъ! я помню и лица. Среди чуть не сотенной толпы молодыхъ дѣвушекъ, учительницъ школы, выдѣляются

двѣ, съ огромнымъ лавровымъ вѣнкомъ, въ рединѣ котораго красуются римскія цифры XXX; затѣмъ протянута ко мнѣ съ букетомъ еще чья-то нѣжная рука, и я вижу милое знакомое улыбающееся лицо, свѣжее, какъ сами эти розы; еще одинъ букетъ дрожитъ въ блѣдной рукѣ моего закадычнаго друга и, подавая его мнѣ, она говоритъ взволнованнымъ голосомъ:

«Христина Даниловна! позвольте мнѣ отъ лица всѣхъ вашихъ сотоварищей, собравшихся здѣсь, принести вамъ наше общее поздравленіе съ тридцатилѣтіемъ вашей дѣятельности. Въ этотъ торжественный для насъ день намъ хотѣлось-бы высказать все то, что мы чувствуемъ по отношенію къ вамъ. Но какъ сдѣлать это? Гдѣ найти слова, которыя могли-бы выразить тѣ чувства, которыя мы испытываемъ въ эту минуту? Христина Даниловна, то, что вы дѣлаете для всѣхъ насъ, для нашего кружка, неизмѣримо велико: вы развиваете въ насъ сознаніе общественнаго долга, вы даете намъ силу и энергію выполнять этотъ долгъ, и за это мы вамъ глубоко благодарны. Но это не все: на почвѣ общественной дѣятельности вы съумѣли создать съ каждой изъ насъ такія теплыя сердечныя отношенія, память о которыхъ мы сохранимъ, какъ святыню, на всю нашу жизнь... Вотъ почему изъ всѣхъ чувствъ, которыя мы питаемъ къ вамъ,—чувствъ глубокаго уваженія, безпредѣльной признательности, восхищенія,—самымъ сильнымъ является все-таки *любовь* наша къ вамъ».

Слова эти, записанныя на бумагѣ, почти не даютъ понятія о томъ, какое впечатлѣніе произвели они, произнесенныя поблѣднѣвшими отъ волненія устами и тѣми задушевными звуками голоса, которые проникаютъ въ человѣческое сердце безъ словъ и часто потрясаютъ цѣлую толпу. Я слышала, какъ всхлипывала за мною глубокочтимая мною писательница, впечатлительная и нервная женщина; я видѣла, какъ на многихъ веселыхъ и беззаботныхъ обыкновенно глазахъ молодыхъ дѣвушекъ дрожали слезы, какъ поблѣднѣли даже мужскія лица отъ сдержаннаго волненія. Но нервы мои были слишкомъ подняты для обычныхъ слезъ. Я чувствовала себя торжествующей и возведенной на какой-то невиданный мною до-селѣ пьедесталъ. Я чувствовала себя гордой и счастливой, призванной спокойно и съ достоинствомъ принимать эту должную дань. Мнѣ стыдно признаваться въ этомъ теперь, когда миновало это нервное настроеніе, но я хочу быть правдивой до конца.

Моего закадычнаго друга смѣнила пожилая учительница-скептикъ, относящаяся ко всему критически, въ особенности ко мнѣ. И, Боже мой, какъ неизмѣримо дороги показались мнѣ нѣсколько прочувствованныхъ и теплыхъ словъ въ устахъ этого скептика!

Въ толпѣ, заслонявшей входную дверь, я замѣтила знакомую мнѣ

фигуру ректора университета и ринулась къ нему на встрѣчу. Наклонившись ко мнѣ, онъ тихимъ и прочувствованнымъ голосомъ сказалъ нѣсколько словъ о той нравственной связи, которая должна существовать между высшимъ учебнымъ заведеніемъ и народной школой. Затѣмъ я увидѣла депутацію, состоящую изъ профессоровъ, членовъ правленія Общества грамотности, — старыхъ друзей, потерянныхъ мною изъ вида, головы которыхъ побѣлѣли за это долгое время, а лица сморщились и приняли старческое выраженіе. Увидѣла прежнихъ учительницъ, вышедшихъ замужъ, обремененныхъ семьей и волею-неволею покинувшихъ школу. Увидѣла красивую пожилую барыню, въ изящномъ праздничномъ платьѣ, а впереди ея шелъ сынъ-студентъ, бывшій ученикъ моей семейной школы, съ роскошнымъ букетомъ въ рукахъ. Но прежде всѣхъ, насколько помню я, поздравили меня малютки семейной школы, товарищи моей дочери Христи. Ихъ милыя, улыбающіяся личики, ихъ праздничныя яркія платьица какъ-то смѣшались въ моемъ воображеніи съ огромнымъ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и съ яркими букетами, которыми они засыпали меня. Припоминается мнѣ и еще одна рѣчь человѣка, который долго и внимательно слѣдилъ за всей моей работой; но я не приведу ея здѣсь, такъ какъ онъ слишкомъ ярко и эффектно выразилъ свои думы и чувства.

Когда стало извѣстнымъ, что оффиціальное празднованіе юбилея не состоится, распорядительный комитетъ отправилъ телеграммы всѣмъ лицамъ, высказавшимъ намѣреніе пріѣхать къ этому дню въ Харьковъ. Но иныхъ изъ нихъ телеграммы эти застали уже въ дорогѣ и они прибыли къ намъ 12-го мая. Въ числѣ ихъ была, между прочимъ, учредительница воскресной школы въ Сызрани, которая произнесла слѣдующую рѣчь:

«Позвольте и мнѣ въ сегодняшній день, радостный для всѣхъ, кому дорого дѣло народнаго образованія, привѣтствовать васъ, многоуважаемая Христина Даниловна, и выразить чувство глубокаго уваженія и признательности, которое наполняетъ мою душу. Задумавъ открыть въ г. Сызрани воскресную школу и встрѣтивъ при этомъ не мало препятствій, въ васъ я нашла горячее сочувствіе, содѣйствіе, помощь этому дѣлу; вы меня не оставляли вашими совѣтами, указаніями; ваши письма, полныя энергіи и вѣры, ободряли меня и побуждали къ новымъ усиліямъ и борьбѣ. И, наконецъ, мечта моя исполнилась: теперь и въ г. Сызрани существуетъ воскресная школа, въ которой обучаются 92 ученицы. Если-бы не вы, Христина Даниловна,—этой школы, вѣроятно, не было-бы. Занятія въ теченіе зимы показали стремленіе ученицъ къ знанію, ихъ аккуратность и добросовѣстность, любовь къ занятіямъ, а полная возможность достигнуть

желанныхъ результатовъ, доставила всѣмъ преподающимъ въ воскресной школѣ дорогія минуты нравственнаго удовлетворенія, поселила въ насъ несокрушимую вѣру въ дѣло, которому мы служимъ, преданность и готовность до послѣднихъ силъ трудиться и идти по избранному пути. И всѣмъ этимъ мы въ значительной степени обязаны вамъ. Поэтому прошу васъ принять нашу сердечную благодарность и пожеланіе, чтобы ваша дѣятельность еще долго, долго будила, направляла и одушевляла молодыя силы на великое дѣло—служеніе просвѣщенію родной земли».

Когда я слушала эту незатѣйливую рѣчь, мнѣ казалось, что устами А. С. говорятъ всѣ тѣ воскресныя школы, на призывъ которыхъ такъ часто откликалась я въ различные концы нашего обширнаго отечества. А тамъ, вдали, какъ-бы затерявшись въ толпѣ, стояла другая учредительница, пріѣхавшая издалека. Она молча смотрѣла вокругъ своими умными глазами и, очевидно, переживала сердцемъ все то, что происходило здѣсь. Мнѣ не требовалось отъ нея словъ,—такъ содержательна была вся наша предыдущая переписка, длившаяся 4 года, такъ много было сказано въ ней.

Еще позднѣе мнѣ принесли матеріалы въ видѣ писемъ, телеграммъ и адресовъ, полученныхъ на имя Общества грамотности, и настоящій вечеръ былъ посвященъ чтенію тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію распорядительнаго комитета, выдавались блескомъ своего ума и силою своего чувства. Среди этого чтенія прибавился еще одинъ близкій дѣлу человѣкъ—учредительница Тифлисской воскресной школы, прибывшая издалека. Мы долго не видались съ ней и много намъ хотѣлось сказать другъ другу задушевныхъ словъ, но общественное дѣло тотчасъ втянуло ее въ себя, и послѣ короткой паузы мы снова занялись тѣмъ-же. Мы перечитывали все это въ тѣсномъ кружкѣ, перечитывали за полночь, но не прочли и десятой доли того, что было намѣчено заблаговременно. Въ матеріалѣ этомъ было что-то ошеломляющее, подавляющее силою ума и чувства. И когда я засыпала, мнѣ казалось, что голова и сердце не въ силахъ вынести всего этого и что я непремѣнно должна заболѣть. Но на другой день я встала здоровою, бодрою и сильною, съ твердымъ сознаніемъ того, какое море сочувствія вызываетъ наше дѣло и какъ крѣпко оно этимъ сочувствіемъ. Я рѣшила отвѣтить на всѣ привѣтствія, полученныя мною и въ отвѣтъ на одно изъ нихъ писала слѣдующее:

«Но если вы спросите меня, состоялся-ли фактически юбилей, я. положа руку на сердце, скажу, что онъ положительно состоялся. Да и что такое въ сущности юбилей, какъ не море сочувствія, разлившееся вокругъ человѣка; какъ не стихійная сила, которая высоко подымаетъ нервы и вмѣстѣ съ нервами знамя, которое онъ держитъ

въ рукѣ; какъ не союзъ единомышленниковъ, голоса которыхъ слились въ одномъ дружномъ хорѣ; какъ не праздникъ цвѣтовъ, вѣнковъ, привѣтствій, пожеланій... Все это знала я 13-го мая, все это перечувствовала всѣми силами души, все это кажется мнѣ теперь, при воспоминаніяхъ, какимъ-то сказочнымъ, прекраснымъ сномъ изъ «1001» ночи. Никакія регламентаціи не въ силахъ лишить меня этого реальнаго сна, этого апоѳеоза моей жизненной работы. И не все-ли мнѣ равно, окружали-ли меня въ этомъ прекрасномъ снѣ роскошныя лѣпныя стѣны думской залы, съ толпою парадныхъ людей, или любимая домашняя идейная обстановка съ близкими лицами, съ любимыми портретами, съ лѣпными изображеніями геніальныхъ людей...

«Иные изъ друзей моихъ, однако, опечалены тѣмъ, что торжество это не состоялось своевременно, какъ-бы имъ хотѣлось. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ утѣшаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что если-бы даже разрѣшеніе г. министра было получено во-время, то члены правленія Общ. грам. лишены были-бы возможности разобраться, какъ слѣдуетъ, за короткое время въ той массѣ телеграммъ, писемъ и адресовъ, которые были получены въ слѣдующіе дни».

Празднество мое, однако, этимъ не кончилось. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, при входѣ въ школу, я опять встрѣтила возбужденныя лица и сдержанный говоръ; движеніе это было замѣтно не только между учительницами, но и между ученицами; всѣ онѣ перешептывались о чемъ-то, многозначительно улыбались и смотрѣли на меня какими-то особенными, восторженными глазами. Опять меня просили не входить въ общій торжественный залъ и, очевидно, оберегали даже входъ въ него, точно будто я могла ворваться туда силою. Дѣлать нечего, въ ожиданіи занятій, я усѣлась на скамеечкѣ на балконѣ, въ раздумьи о томъ, что собственно онѣ затѣяли. Передъ мною немедленно образовалась толпа ученицъ. Взрослыя вели себя сдержанно, силясь сохранить до конца общую тайну, а маленькія безъ зазрѣнія совѣсти смотрѣли мнѣ въ лицо, какъ-бы разсматривая какую-то диковинную вещь, на которую кто-то обратилъ ихъ вниманіе. Для меня было ясно, что даже и ихъ, этихъ малютокъ, захватила какая-то невѣданная имъ доселѣ волна общественнаго теченія и, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни заставила задуматься надъ тѣмъ, что̀ это за школа, въ которую ходятъ они, и что̀ это за люди, которые учатъ ихъ? Въ эту минуту ко мнѣ подошла одна изъ учительницъ съ извѣстіемъ, что занятія сегодня не состоятся, такъ какъ это трудно совмѣстить съ задуманнымъ ученицами праздникомъ. Я просто подскочила съ мѣста,—настолько это показалось мнѣ невѣроятнымъ. Какъ, одна изъ пріѣхавшихъ издалека учительницъ совсѣмъ не видала школы, жаждала ознакомиться

съ нею—и вдругъ, вмѣсто занятій, ее угостятъ праздникомъ! Нѣтъ, это невозможно!

Къ намъ подошло еще нѣсколько учительницъ. Возбудился споръ. И въ концѣ концовъ рѣшено было продлить занятія отъ 10 до 12 ч.

Я подошла къ своей группѣ спокойно и увѣренно. Не могу сказать, чтобы присутствіе постороннихъ подняло на этотъ разъ мои нервы, но за-то не было и сконфуженности, которую испытывала я въ первый разъ при появленіи Э. О. К. Не успѣла я еще развернуть азбуки, какъ прачка Марьяна протянула ко мнѣ чистенькую, новую тетрадку, съ видомъ какого-то особеннаго торжества. Я предположила, что въ тетрадкѣ этой заключается домашняя письменная работа, но, развернувши, прочла слѣдующее:

«Христина Даниловна!»

«Покорно благодарю васъ за ваше добродѣтельство, за то, что выучили меня писать. Никогда не ожидала я такого счастья и радости, чтобы я умѣла писать. Я васъ никогда не забуду; всегда буду молиться за васъ. Дай Богъ вамъ счастья, здоровья, а по смерти—души спасенія! Марьяна Ш.».

Само собою разумѣется, что рукопись эта была полна грамматическихъ ошибокъ, но все-таки она являлась для меня живымъ документомъ достиженія завѣтной мечты прачки Марьяны. Не успѣла я выразить своей признательности Марьянѣ, какъ ко мнѣ робко протянулась рука другой моей ученицы, Елены Б., и, покраснѣвши до ушей, она подала мнѣ листъ писчей бумаги, сложенной вчетверо. Я развернула его и увидѣла длинное,-предлинное стихотвореніе, написанное крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ. Почеркъ этотъ принадлежалъ, однако, не моей ученицѣ, а ея малолѣтному брату, ученику приходскаго училища, о которомъ она не разъ разсказывала мнѣ. И только въ концѣ стихотворенія я увидѣла ея фамилію, подписанную собственноручно. Оказалось, что Елена Б. самостоятельно складывала свои незатѣйливые стихи, въ которыхъ не было, пожалуй, ни истинной поэзіи, ни правильной риѳмы, но которые все-таки показались мнѣ трогательными. Приведу здѣсь изъ нихъ хоть нѣсколько строкъ:

«Я прежде читать и писать не умѣла;
«Была я темна, какъ осенняя ночь.
«Мнѣ свѣтъ показала воскресная школа.
«Теперь что-нибудь сочинить я не прочь».

Далѣе говорилось о великодушіи тѣхъ людей, которые оглянулись на невѣжество темнаго люда; призывалось на нихъ благословеніе неба; сулилась имъ награда въ загробной жизни и, наконецъ, высказывалась невозможность передать словами всѣхъ чувствъ, наполнявшихъ душу.

Поблагодаривъ Елену Б. и тщательно уложивъ въ свой портфель эти два драгоцѣнные для меня документа, я приступила къ занятіямъ. Я занималась ровно, толково, съ сознаніемъ благопріятныхъ результатовъ, которыхъ достигла я за это полугодіе, и обращая на нихъ вниманіе постороннихъ лицъ. Время отъ 10 до 12 час. прошло быстро; наконецъ; завѣтныя двери залы открылись настежь, и я дѣйствительно увидѣла нѣчто необычное: всѣ стѣны были украшены прекрасными зелеными гирляндами изъ свѣжихъ листьевъ; на импровизированномъ цвѣточномъ пьедесталѣ стоялъ мой большой портретъ; маленькіе яркіе флаги выглядывали изъ за вѣнковъ, придавая еще болѣе торжественности и красы всему этому, со вкусомъ задуманному, убранству; даже самый аналой съ Евангеліемъ покоился на мягкомъ коврѣ свѣжей зелени и полевыхъ цвѣтовъ. И отъ всего этого опять пахнуло на меня весною и радостью. Направо выстроился въ порядкѣ огромный школьный хоръ, а у аналоя стоялъ законоучитель въ праздничной ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ. Началось молебствіе.

Праздникъ былъ организованъ по иниціативѣ ученицъ, и на первомъ планѣ стоялъ молебенъ.

Школьный хоръ пѣлъ стройно, звучно, съ какимъ-то особеннымъ, прочувствованнымъ выраженіемъ, и все вокругъ казалось тепло, свѣтло и радостно. «Многая лѣта, многая лѣта»... подхватывали молодые голоса возгласы священника.—«Учащимъ и учащимся многая лѣта!» произносилъ онъ тихо и съ разстановкой. «Многая лѣта»... вторилъ ему стройно хоръ. Но когда онъ провозгласилъ: «учредительницѣ, руководительницѣ школы, Христинѣ Даниловнѣ, многая лѣта!»—возгласъ этотъ отдался какимъ-то громовымъ эхомъ въ ученическомъ хорѣ, и всѣ невольно вздрогнули,—столько было въ немъ могущества и силы.

По окончаніи молебствія законоучитель обратился къ ученицамъ и сказалъ имъ нѣсколько теплыхъ и прочувствованныхъ словъ. Никто не записалъ ихъ для памяти, за-то каждый, кто слушалъ ихъ, навѣрное прочувствовалъ всѣмъ сердцемъ и навсегда сохранилъ о нихъ доброе впечатлѣніе.

По окончаніи его рѣчи изъ толпы выдвинулись старѣйшія изъ ученицъ, и одна изъ нихъ голосомъ, полнымъ трепета и волненія, прочла слѣдующій, составленный ею отъ имени сотоварищей по школѣ, адресъ:

«Глубокоуважаемая и дорогая наставница
Христина Даниловна!

«Вотъ ужъ 30 лѣтъ, какъ вы ведете общественное дѣло, 30 лѣтъ, какъ трудитесь для блага народа, для народнаго просвѣщенія. И за

это время сколько сдѣлали вы славнаго, добраго, хорошаго, сколько принесли общественной пользы! Вы открыли безплатную воскресную школу, въ которую принимаются ученицы всѣхъ возрастовъ, а главное—взрослыя, которыя не могутъ учиться въ ежедневныхъ школахъ, и не будь воскресной школы—онѣ остались-бы безграмотными. Много трудовъ, неудачъ, горестей и непріятностей стоило вамъ открытіе воскресной школы, но вы все перенесли терпѣливо, не бросивъ своего дѣла. Открывъ школу, вы позаботились о ея благоустройствѣ; съ каждымъ годомъ вы вводили новыя улучшенія, завели при школѣ безплатную библіотеку и этимъ дали возможность ученицамъ читать книги, развиваться, пріобрѣтать свѣдѣнія. Какой порядокъ въ школѣ! И все это благодаря вамъ, вашей неусыпной дѣятельности. Какъ преданы вы своему дѣлу, съ какою любовью относитесь къ нему; вы всю душу вкладываете въ него, и какъ любите насъ, научаете всему хорошему, стараетесь прививать намъ все честное, доброе, благородное! А мы чѣмъ-же можемъ высказать свою признательность и любовь за добро ваше?! И потому, какъ несказанно рады мы сегодняшнему дню, который намъ даетъ возможность поздравить васъ съ 30-лѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности вашей и, въ благодарность за многолѣтніе труды ваши, заботы и хлопоты, принести отъ всего искренняго сердца, отъ всей души свой скромный подарокъ и трудъ. Примите-же его и пусть онъ послужитъ выраженіемъ нашей искренней любви къ вамъ и той особенной радости, которой преисполнены сердца наши въ нынѣшній день! Одно наше всегдашнее желаніе и просьба къ Богу: да сохранитъ Онъ васъ на много лѣтъ; да не лишитъ насъ нашей дорогой, милой учительницы; да пошлетъ вамъ полное земное счастье, здоровье и невозмутимое душевное спокойствіе!

«Искренно любящія васъ и глубоко преданныя вамъ ученицы воскресной школы!»

(Слѣдуютъ подписи).

Подъ адресомъ стояло около 300 подписей. Адресъ этотъ, тщательно переписанный на бумагѣ, украшенной розами, былъ заключенъ въ такую роскошную папку, передъ которой меркли всѣ плюши и бархаты, полученные мною, все артистическое искусство мастеровъ-переплетчиковъ. По бѣлому атласу, изъ котораго была сдѣлана папка, были вышиты съ необычайнымъ изяществомъ шелкомъ голубыя незабудки и надпись: «Дорогой наставницѣ Х. Д. Алчевской. Отъ ученицъ Харьков. частн. жен. воскр. школы. 17 мая 1892 г.». А выполнялась эта работа не въ свободныя минуты досуга, не въ свѣтлой комфортабельной комнатѣ, а по ночамъ, въ часы, оторванные отъ сна, въ какой-нибудь конуркѣ, при догорающемъ огаркѣ... Гдѣ-же та денежная такса, которая способна оцѣнить правильно подобный

трудъ, если-бы сердце человѣческое оказалось неспособнымъ на эту оцѣнку?!

По прочтеніи адреса я увидѣла группу моихъ ученицъ, подвигающуюся ко мнѣ; впереди всѣхъ шла Маша съ букетомъ въ рукахъ и съ такимъ веселымъ, сіяющимъ лицомъ, какое было у нея при первомъ шагѣ въ школу.

Затѣмъ выступила Л. Г. Е. съ простою, задушевною рѣчью, обращенною къ ученицамъ. Она говорила имъ о значеніи школы и о томъ человѣкѣ, тридцатилѣтіе котораго праздновалось теперь. Мнѣ невыразимо захотѣлось сказать ей что-либо въ отвѣтъ, причемъ я почувствовала, что могу говорить только о взаимныхъ симпатіяхъ и любви. И опять я видѣла кругомъ глаза, увлаженные слезами, и опять чувствовала себя сильной, бодрой и счастливой...

Да, этотъ праздникъ навѣрное надолго запечатлѣлся не только въ сердцахъ взрослыхъ ученицъ, но и въ памяти тѣхъ малолѣтокъ, которыя толпой стояли передо мной до начала его и глядѣли на меня, какъ на заморское чудо. Въ подтвержденіе такого предположенія я приведу здѣсь одинъ характерный случай, происшедшій на-дняхъ.

Иду я по направленію къ университетскому саду и вижу, какъ изъ воротъ незнакомаго мнѣ дома выходитъ старушка-няня съ ребенкомъ на рукахъ, а за ней вдогонку маленькая дѣвочка, лѣтъ 9—10. Очевидно, дѣвочка собралась гулять, когда няня была уже за воротами, и теперь наскоро, нѣсколько криво повязываетъ на головѣ свой красненькій платочекъ; старенькая няня идетъ медленно, и я скоро опережаю ихъ на значительное разстояніе. Но дѣвочка, видимо, торопитъ старушку: она подталкиваетъ ее подъ локоть и что-то лепечетъ ей, заглядывая въ лицо и какъ-будто указывая глазами на меня. Я замедляю шаги, и въ саду это trio, наконецъ, настигаетъ меня. Лицо и глаза дѣвочки улыбаются мнѣ, она краснѣетъ, но не рѣшается, видимо, поклониться, сомнѣваясь, признаю-ли я ее. Я вглядываюсь въ это милое дѣтское личико, въ эти большіе сѣрые серьезные глаза и узнаю въ ней ученицу нашей школы. Въ отвѣтъ на мой поклонъ, ребенокъ говоритъ тихо: «Маня Д. изъ группы учительницы Д.». Старушка тоже привѣтливо киваетъ мнѣ головой и приближается ко мнѣ съ доброй улыбкой.

— Пойдемъ вмѣстѣ!—говорю я. И мы идемъ рядомъ.

— Господи! ужъ какъ я рада повидать васъ, поблагодарить за мою дѣвочку-внучку, — говоритъ она, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ.—Не будь вашей школы—не доучиться-бы ей грамотѣ, какъ слѣдуетъ, до конца. Положимъ, у нея мать грамотная, только работать ей приходится за десятерыхъ, дохнуть некогда... въ госпиталѣ

въ прачкахъ живетъ... Покойный отецъ ея немножко пріучилъ ее къ грамотѣ, но только самую малость. И не будь вашей школы, пожалуй, и то позабыла-бы.

— Значитъ, онъ тоже былъ грамотный?—перебила я старушку, чтобы чѣмъ-либо выразить свое желаніе слушать ея разсказъ.

— Нѣтъ!—отвѣчала она съ грустью,—кабы онъ былъ грамотный, и женѣ не пришлось-бы въ такой каторжной работѣ быть. Онъ за это самое жилъ въ простыхъ чернорабочихъ, получалъ маленькое жалованье.

— Хозяинъ говорилъ ему,—перебила бабушку Маня, слышавшая, очевидно, не разъ этотъ разсказъ,—еслибъ ты грамотный былъ, и жалованье-бъ тебѣ было не то, и почетъ не тотъ.

— Но какъ-же онъ, неграмотный, научилъ Маню грамотѣ?—спросила я въ свою очередь не безъ удивленія.

— А вотъ какъ,—начала опять старушка,—придетъ онъ домой въ воскресенье или въ праздникъ какой, сейчасъ къ женѣ: «покажи Манѣ грамотѣ!» Той и некогда, одни счеты замучили: мыло запиши, синьку запиши, крахмалъ запиши, все запиши; не будь грамотная, совсѣмъ попуталась-бы, а послѣ отвѣчала-бъ. Но, дѣлать нечего, оторвется, покажетъ немножко, а онъ будетъ сидѣть надъ дѣвченкой до тѣхъ поръ, пока она усвоитъ себѣ показанное—букву тамъ какую выведетъ, что-ли... Такъ и пріучилась!

Слушая непосредственный разсказъ старушки, мнѣ стало до слезъ жаль покойнаго чернорабочаго, отца Мани, придававшаго такое огромное значеніе грамотѣ, и я въ первый разъ задала себѣ вопросъ, права-ли я, совѣтуя обыкновенно открывать не мужскія, а женскія воскр. школы, въ предположеніи, что женщина—мать, сестра—внесетъ больше свѣта въ семью и явится болѣе дѣятельной пропагандисткой грамоты, чѣмъ работникъ-мужчина.

— И откуда только эти воскресенскія школы пошли и кто ихъ первый устроитель,—за него слѣдуетъ Богу молиться!—продолжала умиляться старушка.

— А почему-бы вамъ Маню въ ежедневную школу не отдать—въ ремесленную, что-ли? тамъ больше-бы успѣла въ грамотѣ,—сказала я,—да и плата не Богъ знаетъ какая: кажется, 5 рублей въ годъ.

— 5 рублей!..—повторила за мною многозначительно старушка.—Это господамъ только кажется, что это немного. Вотъ хоть-бы насъ взять съ дочерью: я за одинъ хлѣбъ и одежу живу,—стара стала, руки трясутся, развѣ самаго маленькаго ребенка могу удержать; а у дочери, кромѣ Мани, куча дѣтей. И все на одну голову... Одни башмаки замучаютъ... Гдѣ-же тутъ возьмешь 5 р.?.. 5 рублей!..—

продолжала ворчать старушка.—А когда-то и я хорошею нянькой была,—начала она, воодушевляясь,—даже изъ уѣздовъ за мною пріѣзжали, большимъ жалованьемъ приманивали, только я, какъ привяжусь, бывало, къ дѣтямъ, къ семейству, хоть вы передо мною кучи золота разсыпайте—не пойду. Да и любили-же меня вездѣ дѣти, не могу даже вамъ разсказать какъ! Если приходилось иногда, что разсчитаютъ по какому-либо случаю,—не могутъ дѣти къ другой нянькѣ привыкнуть—и только. Да и то, сказать правду, няньки бываютъ разныя: иная угрозой, запугиваньемъ отъ себя ребенка отшатнетъ, а дитя чувствуетъ любовь, съ нимъ лаской и уговоромъ—что хочешь сдѣлаешь. Вотъ хоть-бы и въ вашей воскресной школѣ!.. Въ одной рубашонкѣ она съ утра была, не мыта еще и не чесана, а какъ завидѣла васъ въ окошко: «бабушка, бабушка, и я съ тобой гулять пойду!» Говорю ей: «куды тебѣ! я вонъ дитя уже собрала, закутала», а она въ одну минуту, какъ встрепанная, одѣлась и выскочила; шепчетъ: «я тебѣ, бабушка, нашу главную учительшу покажу, которой прошедшее воскресенье 30 лѣтъ праздновали». И ужъ задали вы имъ хлопотъ и тревогъ съ этимъ праздникомъ!—продолжала старушка,—три ночи сряду не спитъ моя дѣвочка да и только; задремитъ, задремитъ, а тамъ подскочитъ: «бабушка! нынче суббота или воскресенье? какъ-бы не проспать!» Ужъ такъ ждала, такъ ждала этого воскресенья, какъ свѣтлаго праздника. И разсказовъ потомъ было на цѣлые дни: и какъ залу цвѣтами убирали; и какъ согласно пѣли—все тихо, тихо, а какъ произнесъ діаконъ: «Христинѣ Даниловнѣ многая лѣта!»—какъ гаркнутъ онѣ во все горло, точно будто изъ одного хора два хора сдѣлалось; и какъ худенькая учительница говорила, что и въ другихъ городахъ такія-же воскресенскія школы устраиваются на манеръ нашей; и какъ Христина Даниловна просила любить всѣхъ учительницъ... Все, все, какъ есть, разсказала; да и не одинъ разъ, а нѣсколько разъ сряду; взглянетъ на картинку, что подарили ей на этомъ праздникѣ, и опять разсказывать... А ужъ какъ она чтеніе полюбила съ тѣхъ поръ, какъ въ школѣ,—просто отъ книжки не оторвешь! Говорю ей съ вечера: будетъ, Маня, туши свѣчку, нельзя ребенку глаза свѣтомъ выпекать, а она: «сейчасъ, бабушка, сейчасъ! одинъ только листикъ дочитаю!»... И что только съ нея будетъ?!—задумалась грустно старушка.

Маленькій ребенокъ началъ хныкать и ворочаться въ пеленкахъ. «Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ мой, пойдемъ къ мамѣ, мама кушать дастъ», приговаривала нѣжнымъ голосомъ няня и стала прощаться со мною. На прощанье она еще больше умилилась и стала утирать слезы пеленкой на своихъ сморщенныхъ, старческихъ глазахъ. «Дай

вамъ Богъ, дай вамъ Богъ!..» сопровождала она свои многочисленныя пожеланія. Я сѣла на скамеечку и видѣла издали, какъ губы ея все еще продолжали шептать что-то и какъ она перекрестилась даже, выходя изъ сада.

«О, эти благословенія! эти святыя, чистыя благословенія! неужели не оградятъ они меня отъ клеветы, вражды и злобы?!» думала я, вспоминая инсинуацію, помѣщенную въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и принадлежащую перу людей, которыхъ я считала когда-то своими друзьями.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

(6-й годъ изданія).

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1895 года въ «Русской Школѣ» напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Изъ пережитаго (Мое первое знакомство съ К. Д. Ушинскимъ). **Д. Д. Семенова**; 2) Полгода изъ жизни воскресной школы. **Х. Д. Алчевской**; 3) Провинціальный пансіонъ полвѣка назадъ. **Н. П. Вагнера**; 4) Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Комитета грамотности за тридцать три года его существованія. **И. А. Горчакова**; 5) Принципъ экономіи силъ и теорія воспитанія Платона. **Е. А. Соловьева**; 6) Исправительное воспитаніе въ Россіи. **Н. Ѳ. Арепьева.** 7) Нервность и отношеніе къ ней эмоціи и воли въ условіяхъ школьной жизни. Д-ра **А. С. Виреніуса**; 8) Объ эстетическомъ развитіи и воспитаніи дѣтей. **П. Ѳ. Каптерева**; 9) О концентраціи ученія. Проф. **А. Д. Вейсмана**; 10) Настоятельный вопросъ учебной практики въ нашихъ гимназіяхъ. Проф. **Ю. А. Кулаковскаго**; 11) Еще къ вопросу объ экзаменахъ въ нашихъ гимназіяхъ. **К. Н. Шульгина**; 12) Основы дидактики. **Д. И. Тихомирова**; 13) Педагогическія мечты Коменскаго. **П. Г. Мижуева**; 14) Дополнительныя школы въ Германіи. **К. К. Сентъ-Илера**; 15) Коммерческое образованіе въ Австріи и во Франціи. **А. Я. Острогорскаго**; 16) Организація низшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Германіи, преимущественно въ Пруссіи. **Д. Бирюкова**; 17) О реформѣ сельско-хозяйственнаго образованія. **М.**; 18) О школьныхъ садахъ. **В. А. Вагнера**; 19) Сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи. **Вл. Б—ча**; 20) Сельско-хозяйственное образованіе въ Сибири. **П. Сурина**; 21) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. **Д. Д. Лобанова**; 22) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1894 года. **И. П. Бѣлоконскаго**; 23) Нѣкоторыя необходимыя условія обязательности или всеобщности начальнаго образованія народа. **А. М. Тютрюмова**; 24) Сознана-ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? **А. Ѳ. Гартвига**; 25) Педагогическія письма (Письмо третье). Письменныя работы и устное преподаваніе. **И. Ѳ. Анненскаго**; 26) Къ вопросу о развитіи устной рѣчи учащихся. **Юрія Галабутскаго**; 27) Три урока словесности. **Ц. П. Балталона**; 28) Домашнія письменныя работы въ старшихъ классахъ гимназіи. **И. Н. Марковина**; 29) Опытъ методическаго введенія въ алгебру. **В. Л. Розенберга**; 30) Нужны-ли учебники Закона Божія въ начальныхъ школахъ? **Аѳ. Ѳ. Соколова**; 31) Обученіе чтенію. **А. И. Анастасіева**; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ школахъ. **В. Ч.**; 33) **Критика и библіографія** (болѣе 60 рецензій); 34) **Педагогическая хроника** (около ста статей и замѣтокъ); 35) **Разныя извѣстія и сообщенія.**

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

